

В 1(58)

ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2022

16+

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 1 (58)

БЕЛКИН С.В.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2022

Содержание

К 60-ЛЕТИЮ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Светлана ДИНИСЛАМОВА	Философская проблематика произведений Ювана Шесталова.....	3
Вячеслав СОФРОНОВ	Как создать свой мир... ..	12

ПРОЗА

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ	Летит пуля.....	22
Аркадий ЗАХАРОВ	Бедя от Чубайса.....	34
Валентина ЯВИД	Защита духа медведя.....	48
Людмила ЕФРЕМОВА	На шум реки... (северные приключения).....	55
Павел ЧЕРКАШИН	55-словники.....	82

ПОЭЗИЯ

Елена РУСАНОВА (30), Валерий ЕРМОЛАЕВ (44), Алла КУЗНЕЦОВА (51),
Татьяна САВИНА (60), Владимир КВАШНИН (64),
Альбина КОШКАРЁВА (70), Альбина ШАБАЛИНА (74), Ангела БЕЦКО (78)

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Елена АУШЕВА	Чашка счастья.....	84
Ольга БЛАГИНИНА	Чудо.....	87

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Тамара ЗУЕВА	Переводы с немецкого языка.....	94
	Переводы с французского языка.....	95
	Подстрочные переводы с аварского языка... ..	97

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Светлана ИВАНОВА	Ужасный лев.....	98
	Влюбленное облачко.....	99
	Крокодил.....	101
	Любовь МИЛЯЕВА (103)	

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЕВА	Согретые сибирью. Память прошлого.....	106
----------------	--	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анна НЕРКАГИ	Люблю читать Омельчука. В одиночестве....	114
	На полях прочитанного.....	115
Антонио ПЕРЕС ЛАШЕРАС	Память снега.....	119
Сергей ЛУЦКИЙ	И это всё о нем... ..	121
Нэлли ТОБОЛКИНА	Служитель Мельпомены.....	130

КРАЕВЕДЕНИЕ

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ	Березовские меценаты.....	136
Александр ЯРКОВ, Виктор ЮЖАКОВ	«Трижды герой».....	139

У НАС В ГОСТЯХ

	Журнал «литературные знакомства»	
Павел КРЕНЁВ	Успокойсь.....	144
Павел КРЕНЁВ	Охранитель русского духа.....	159
Лола ЗВОНАРЁВА	«Мой девиз – «не навреди...».....	161
Анна РЫЛЁВА	Поиски потерянного рая: время Александра Алексеева.....	165
Павел РЫКОВ	«Открылась бездна...».....	169
Юрий КРОХИН	Врата учёности.....	177
Василий КИЛЯКОВ	Простая душа.....	180

Литературная хроника	.....	185
----------------------	-------	-----

Коротко об авторах	.....	192
--------------------	-------	-----

К 60-ЛЕТИЮ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

*****

Светлана ДИНИСЛАМОВА

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА

Литературные достижения и опыт Ю. Шесталова в разные годы исследовали многие критики и литературоведы. Интерес к творчеству писателя-манси не случаен. На протяжении всего творческого пути у Ю. Шесталова наблюдалось постоянное «движение» его поэтического мировосприятия, обусловленное не только событиями времени, но и напряжённым, стремительным развитием и обновлением тех начал, которые всегда были ему присущи как творческой личности, в том числе и его философские искания.

Обратимся к статье В.А. Рогачёва «Мы тоже когда-то были жителями неба», которая начинается со слов: «Сто лет назад великий физик Нильс Бор добавил к своей славе непреходящее выражение. Отвергая рукопись статьи кого-либо из своих учеников, он приговаривал: «Ваша гипотеза мне неинтересна, потому что она недостаточно безумна» [1, 62].

О творчестве писателя-манси В.А. Рогачёв написал: «Тут многие севе­роведы падают от смеха со стульев, кресел и диванов: эзотерических кунштштюков опосля неожиданно свалившихся в 1985 году свобод на­плодили столько, что весь мансийский этнокультурный ареал можно смело объявить НЛО-заказником. Те, которые не упали, рекомендовали мне прочитать трактат Ю. Шесталова «Сознание Торума, сознание природы – путь спасения» [1, 63]. В статье подчёркивается, что у широко известного мансийского писателя и общественного деятеля свой оригинальный подход к изучению духовно-культурного наследия родного народа, в целом же проводя «палеостилевой анализ мансийской прозы, где дышит праправремя в ментальном зеркале народной судьбы манси и реликтовое духовное излучение сигналист об этико-эстетическом коде космогенеза» [1, 63].

В.А. Рогачёв признаётся, что его «буквально пронизала особая ду­ховно-космическая энергия, связанная с космогенезом манси, других народов Югры и Ямала» [1, 63]. Данные слова подтверждают сложность «космической» философии Севера, в том числе и мансийской. Сегодня о древней философии манси можно узнать через мифы, священные песни, заклинания и молитвы. Именно к ним и обратился Ю. Шесталов в последние годы жизни, считая, что именно в них кроется путь Спасения мира.

Конечно же, духовный мир народа – это не только устное фольклорное наследие, шаманизм или прикладное искусство, это и особое отношение к миру, ощущение его целостности, это и мировоззренческие основы, и философские представления. Древняя философия манси включает в себя мировоззрение народа, весь сакральный мир, сформированный в сознании людей в течение тысячелетий. Этот мир сложен для понимания современным человеком. Он осложнён представлениями о Земле – Космосе, его пространственно-временным видением, религиозными представлениями,

основанными утвердившейся верой в силы Природы и в «присутственность» рядом с собой духов-покровителей и душ умерших близких людей. Не случайно доктором филологических наук Е.И. Ромбандеевой погребальный обряд выделен в первую ступень религии народа манси. Этот обряд, призванный осуществлять связь с потусторонним миром, говорит о сложности мировоззрения народа. Естественно, сам народ данные представления о мире невидимом не считает сложными. Пространственно-временное видение мира делает их доступными пониманию и объяснению. По мировоззрению народа, человек – часть природы, и поэтому его жизнь контролируется свыше, и высшие силы «требуют от людей особого поведения, не только в духовной жизни, но и в быту» [2, 111].

Сложность мировоззрения манси отражена и в семислойном жизненном пространстве (Сāt нак лӯлит ялпың Тõрум – букв. священное пространство, состоящее из семи делений). Так, в «нижнем мире» (Ёлы Тõрум) обитают недружелюбные духи «обратного мира»; на «священной земле» (Ялпың мā) держится жизнь; «земной мир» (Мā унлуп) – это всё то, что обитает на земле – видимое и невидимое; «небо» (Тõрум) – голубое пространство над землёй; Нуми Тõрум – мир над небесным куполом, на нём держится жизнь духов, Бога и его детей; Опыль – верхний слой жизненного пространства над Нуми Торумом; Корс – букв. «высокий» – среда обитания всемогущих сил, не занятых земной жизнью. Из поколения в поколение общество чётко представляло мир и место в нём человека. И хотя современность вносит свои изменения в традиционное мировоззрение, оно остаётся устойчивым у тех людей, кто воспитывался и воспитывается в традиционных условиях.

Без личного опыта невозможно не только понимание, но и само восприятие традиционного. Ю. Шесталов своим творчеством продолжает стремление, выстраданное предками – чтобы люди выжили и были на земле. Для этого он, умеющий пользоваться словом, выросший в современности, но с малых лет впитавший в себя мир народных традиций, обычаев, верований, поэтики, призывает искать пути спасения Торума – Природы. Из русских писателей примерно по такому пути шли Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой, Л.М. Леонов.

Писатель-манси был лично знаком с Леонидом Леоновым, об этом он пишет: «Встреча эта мистическая, почти нереальная, запечатлена на фотографиях и в сердце молодого в то время ещё язычника. Но “Языческая поэма” – главная тогда моя книга – была уже издана не однажды. И я почувал, что он знает меня как-то. И мы говорили что-то о шаманах, Космосе, Природе. И услышал я что-то о “Пирамиде”, над которой колдовал волшебник КОСМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЛЕОНИД ЛЕОНОВ» [3, 352] (выделено Шесталовым). Л.М. Леонову поэт-манси посвятил стихотворение «Тур планетарного сознания», в котором есть строки:

*...Природа Высшей сущности в «Пирамиде»
Космического сознания Леонида Леонова.
«Пирамида» – начало Библии
Высшего знания
Планетарного сознания [3, 352].*

Встреча с Л.М. Леоновым оставила заметный след в жизни мансийского писателя. Главным стало то, что он, уже развивавший в произведениях тему космоса, начинает смело выдвигать идеи о космическом сознании,

истоки которых находит в традиционной культуре. В начале творческого пути обращённость к просторам вселенной прослеживается в строках: «То бегут мои олени / Словом Торума по Вселенной» [4, 30], «Человека Дух Могучий / К Небу взвился в песне» [4, 52], «Дремлет небо все в узорах» [4, 30], где Небо и Вселенная представлены как видимая часть окружающей природы, красота и простор которой радуют и волнуют сердце лирического героя. Вскоре – в сборнике «Сайкаланэ эрыг» (1965) («Песня пробуждения») – появляются строки, имеющие уже философское звучание: «...Хумус Нуми Тõрумт / Ам иң ат õлсум, / Хумус мәнсьи самыл / Космос ат сунсыслум...» [5, 5] – «Как же до сих пор на верхнем небе (Торуме) / Я ещё не жил / До сих пор мансийскими глазами / Космоса я еще не видел»; «Налиман нупыл сāt тāлыг ёмтсум. / Ёлумхолас холът эрың усьта лёльсум. / Хõтал хорги, сярмат Сõрни āрась. / Атырхари Тõрум карыс, карыс...» [5, 29] – «Тридцать семь лет мне исполнилось. / Возможно, как человек я сейчас только состоялся. / Солнце пылает, как золотой костёр. / А голубое небо высокое, высокое...». Так у Ю. Шесталова начинаются песни о сложном мире: о «высоком покое» и о трудностях пути к этой свободе, о «слезах прозренья» и о том, что его «сердце о чём-то болит».

Об обращении писателя-манси к теме космического сознания Э.П. Сургутскова пишет: «Осмысление идеи космического и планетарного сознания – это “новое увлечение” Шесталова или начало современной философии мансийского народа, философии Природы, философии Космического сознания? Время расставит свои акценты, определит место каждого в иерархии ценностей. То, чем занимается сегодня Юван, ново и спорно. Для Ювана Шесталова поиск новой философии – это призыв ступить на пути спасения, это “новая степень любви к миру”. Он увлечённо верит сам и заставляет поверить остальных, что грядущее тысячелетие – тысячелетие Севера, тысячелетие человека – просветителя, ведающего секретами духовного роста, направляющего техническую мощь цивилизации на благо Мысли, Разума, Сознания. Его философия основана на вере, что человек – целитель, что он “может помочь себе сам, изнутри”. “Твори Творение, Творец” – эти три слова отражают основные искания поэта, писателя, пророка в настоящее время. За ними – поиск откровения, в них вера в божественное предназначение человека, в них – будущее...» [6, 263].

Действительно, для своего времени каждая новая тема кажется спорной. Но всё новое, передовое рано или поздно становится востребованным. По мнению самого писателя: «Любая философия обретает власть над временем лишь тогда, когда соответствует уму и интеллекту Людей Земли, соответствует Интегралу общего развития Человечества. Стадию язычества прошли многие народы. И Философия Торума, Философия Природы на интуитивном уровне понятна большинству землян» [7, 57].

В 1997 году Ю. Шесталов издаёт книгу «Сознание Торума, сознание природы – путь спасения». В ней он часто обращается к «крылатым» изречениям родного устно-поэтического творчества, которыми обычно завершаются те или иные мифы и сказания. В фольклоре их значение состоит в том, что они дают определённые представления и надежды на будущее. Например, «Тõрум ийс тёли, Отыр йис тёлы – ёлумхолас сымың Тõрум номт хұлы» – «Придёт время Космоса, настанет время Духов-покровителей – человек тогда сознание Торума услышит» [7, 17] или «Тõрум ёт õлән» – «Живи в гармонии с Природой, с самим собой» [7, 53] или «Тõрум лёңх коен» – «Ищи дорогу Космоса» [7, 54]. Данные слова, сказанные мудрецами древности, стали особо актуальными сегодня, когда

стремительно утрачиваются культура и язык народа; они будут актуальны и в будущем. Значит, предугадывая все времена, изречения возникали и формировались для вечности.

В.М. Акимов говорит о том, что «в долитературную эпоху образное слово у народов Севера было ключом к смыслам и ценностям народного бытия» [8, 14]. Об этом же пишет и Ю. Шесталов: «Душа Северянина во мгле морозной ночи сохранила тайны слова и более глубокой древности. <...> Мразь темени тысячелетий и мгновение откровения магических вестей планеты таит Слово коренных народов Севера» [9, 25].

Необходимо подчеркнуть связь шесталовского учения с теософией Е.П. Блаватской. Теософы призывают к тщательному изучению тайн бытия, «дабы наша эпоха не ушла, оставив эту острейшую проблему неразрешённой» [10]. Цель Теософского общества – раскрывать, исследовать, сравнивать, изучать, проводить эксперименты и разъяснять тайны Психологии. Е.П. Блаватская, следуя главной заповеди эзотеризма – «человек, познай себя», полна уважения к чужим исканиям, она изучала самые различные духовные традиции от крупнейших религий древности до оккультно-мистических орденов и самобытных племён ближнего и дальнего Востока. Юван Шесталов как писатель-философ, пытаясь раскрыть, исследовать, понять тайну древних изречений родного народа, имеющих значительный смысл, не ограничивает внимание только культурой манси, его думы обо всём человечестве.

У поэта-манси во время создания «Языческой поэмы» (1971) народ манси представлен «маленькой частицей человечества», после 1990-х годов он всё больше говорит об его уникальности, «исключительности». Он беспокоится за судьбу своего народа, как и всего человечества. Генетически легко ориентируясь в пространственно-временных полях мифологии манси, он чувствует приближение надвигающихся экологических катастроф. Это чувство было знакомо и его предкам. В продолжение их мысли поэт призывает современников обратиться вместе с ним в «дали Космоса» для того, чтобы найти путь спасения Человечества, Земли, Природы, объединённой им одним всеобъемлющим словом – Торум: «В микрокосмосе мысли – молния преодоления “тяжести мира”, “прорыв к иному миру”, Миру благоденствия. <...> Молитва, заклатье, откровение, благодарение. <...> Торум наш многоликий, Великий величием Природы, прими молитвы, полные скорби, услышь заклинания и благодарения мгновения вдохновения. Твори Творение, творец, на грани божественного вдохновения человека...» [9, 173].

Писатель обеспокоен тем, что общество находится в состоянии неравновесия. Он сравнивает его с перевёрнутой пирамидой. Нестабильность основания, по его убеждению, связана с нарастающим прогрессом техники. Данный дисбаланс можно преодолеть, лишь перевернув пирамиду и положив в её основание права Природы, возможности планеты Земля. В таком контексте концепт Природа следует понимать как восприятие всего сущего.

Философские проблемы бытия в творчестве последних лет у Ю. Шесталова стали, как известно, главным содержанием произведений. Его раздумья о том, какое место занимает человек в мире, в чём его предназначение. Например, океан планеты Земля – уже малое понятие для писателя, он мыслит глобально, его океан становится космическим. Соответственно очищение человеческой души он «проводит» уже не водой, а крещением «морозом, огнём и духом / Северного сияния...» [11, 57],

или «крещением северным сиянием Северного полюса в ледяных водах Ледовитого океана» [11, 83].

В стихотворении, начинающемся со слов «Апокалипсис... Гром и молния» поэт обращается к мотиву воды сначала цитированием мифа о сотворении земли, затем его новое озарение: «Земля стала расти. / Кочка превратилась в Землю. / На третий день воды уже не было, / А была темень, мрак и мразь полярной ночи. / Однажды уже не было. / Рай мирской был потерян. / В темени и мрази полярной ночи / Проснулись Адам и Ева. / Земной Отец и Дева, / Апокалипсис. / Страшный миг откровения / Разве не может повториться?» [11, 51].

В отличие от мифа о сотворении Земли, где вода – это составляющее продолжение жизни, в новом мифе – вода превращается в пустоту, темноту: «Человеческая печаль. Печаль Мировой Души волновала и наших предков, и нам не даёт покоя...» [11, 51]. Такое осмысление природы – своеобразное возвращение к мифологическому сознанию, одушевляющему весь окружающий мир. Возврат объясняется научно-технической революцией, приведшей к тому, что теперь сам окружающий мир зависит от самого человека.

Природа для Ювана Шесталова – это всё сущее, весь мир. Органичную, свойственную его народу одухотворенную связь с природой, писатель как раз и раскрывает в книге «Сознание Торума, сознание Природы – путь спасения»: «К пониманию цельности Мира, единства Природы и Человека, как и Земли, Солнца, Звёзд путь не лёгок. И всё же в разных концах планеты Земля инстинктивно ширится движение за охрану окружающей среды. Хотя надо бороться не только за окружающую среду, но и за среду в себе, внутри себя, за Природу в целом» [7, 3].

Писатель не одинок в своих стремлениях. Ширится экологическое движение, звучат голоса в защиту Природы. История взаимоотношений природы и цивилизации отчётливо прослеживается в русской философской лирике. А.В. Македонов в работе «Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы» неоднократно сопоставляет его с Ф. Тютчевым, подчёркивая существенную разницу между поэтами именно в отношении к природе: «Для Тютчева человек перед лицом природы “беспомощное дитя” и он тонет в её “бездне”, хотя рождается из неё и подымается над ней. Для Заболоцкого человек – победитель природы, строитель дорог, не только частица и дитя природы, но и её преобразователь, “мудрец” и “педагог”, и разумный хозяин, и любящий друг» [12, 170].

Примерно таким же путём эволюционирует тема Природы – Торума в творчестве поэта-манси. В «Языческой поэме» (1971) она была созвучна с убеждениями Н.А. Заболоцкого: «Я – человек – часть мира, его произведение. Я – мысль природы и её разум. С моей помощью природа преобразует себя, совершенствуется, улучшается <...> Усилия лучшей части человечества, которое <...> мужественно проникает в тайники природы и преобразует её – всё это новый, лучший этап мировой жизни со времени её возникновения» [13]. В творчестве последних лет, как уже отмечалось, значительно расширив границы темы природы, Ю. Шесталов выносит её на более глубокое философское осмысление. Тема становится сопоставимой с творчеством Ф.И. Тютчева. Тютчеву принадлежат строки:

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Самих себя – лишь грозу природы.*

*Поочерёдно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной [14].*

У Ю. Шесталова вариант возврата к Природе заключается в сознании Торума:

*Светит Солнце – и на душе моей светло.
Душа моя связана с Солнцем,
А Солнце – с Торумом, Космосом, Вселенной.
Разум Вселенной я чувю через Солнце.
Через Солнце я чувствую, размышляю, живу
Как малая Космическая частица,
Как Человек Великий
В своей неповторимости... [7, 59]*

Человечество может погубить себя и земной шар. Единят в данном случае строки Ф. Тютчева и Ю. Шесталова – неизбежность надежды сохранения Природы, Космоса. Ф. Тютчев называет землян «грёзою природы», подтверждая свою мысль тем, что мы не хозяева мира, а лишь её дети. «Всепоглощающая и миротворная бездна» – эти два разных понятия, объединённые в одну строку, несут отчаянье и надежду, тьму и свет, хаос и гармонию. Для Ф. Тютчева, как отмечает Г.Н. Ионин: «Хаос – возможность творения, а Космос – уже сотворённый мир. Один из миров...» [15, 12]. Философия Ф. Тютчева заключается в соотношении Космоса и нашего «родимого хаоса». Какие бы бесполезные подвиги не совершали дети Природы, их всё равно будет приветствовать Природа.

У Ювана Шесталова человек – «великий в своей неповторимости», он – частица космоса, а значит частица сотворённого мира. Ю. Шесталов убеждён, что все народы призваны быть хранителями изначального знания. Душа человека связана этими знаниями с Космосом, Вселенной. Развивая мысль, Шесталов называет свой народ хранителем древнего откровения, «явленного шумерами на самой заре культуры, на заре первых, дошедших до нас мифов и вер, первого оставшегося в глиняных табличках слова поэта» [15, 13].

Подчеркнуть мысль, что «человек – частица космоса», писателю помогают опять же мифы и легенды народа манси. Главная мысль в них – человек, духовная культура которого соизмерима с космическими масштабами, с бесконечностью, с Вселенной. Летит ли на нарте поющей, на оленях Эквапыгрись; спускается ли с неба в серебряной люльке дочь Нуми-Торума; посылает ли богиня Земли гонцов к звёздам, везде мы видим опорные сигналы мифа и Космоса. Интересно, что в последних книгах Ю. Шесталов в своих озарениях образом Мирсуснэхума наделяет Будду, Иисуса Спасителя, Магомета, Гермеса, Орфея, Моисея, Пифагора, Сократа, Платона. Он говорит о том, что эти великие учителя сходили на Землю Мирсуснэхумом ради одной великой цели, осуществление которой провидели в глубине грядущих веков – найти путь «Сияния Космического знания» [7, 73]. По этому пути вслед за своими учителями идёт и сам поэт-манси:

*Я, проклятый всеми язычник,
Желаю счастья верующему в Христа.*

*Пусть будет блажен следующий за Магометом,
Мир – последователю Будды и сыну Иеговы,
Если Ваша вера истинна и сильна!
Нет большего несчастья, чем неверие и безысходность!
Много имён у Творца – но суть одна.
Различны религии – но Путь к Богу един –
Путь вечный, неизменный, ослепительный –
Путь Сияния Космического Знания [7, 73].*

К своим гипотезам Ю. Шесталов часто предлагает в качестве аргументов приёмы сравнительной этимологии. Созвучие с именами «великих учителей» он находит и в родном языке. Так, через мансийское слово «Хур-Мос» («хурум» – три, «ос» – слой) он пытается разгадать тайну имени – Гермес: «Под секретами Хур-Моса или Гермеса следует понимать высоконравственный процесс отделения духовной земли от плотного и грубого состояния посредством медленного огня вдохновения. А это ничто иное, как непрерывная духовная работа по познанию природы и неуклонное восхождение к Торуму, высшему разуму. И только этот путь ведёт познанию, ведёт к всеобщему согласию. В результате потепления отношений между людьми, мирами, народами. Является ли это общечеловеческим законом Гермеса или Хур-Моса, ведущим к миру, непрерывному потеплению и согласию Земли по имени Ма. Огонь вдохновения – это вечное очищение духовной земли. Постижения Торума, Природы, Космоса» [9, 79].

Проводя таким образом аналогии созвучий, писатель, выступая как филолог и как философ, делает для себя выводы, что у человечества был один праязык – язык богов. Он размышляет о теории возникновения цивилизации из единого центра, о первоначальном сакральном языке, который является для всех общим наследием.

Многие утверждения Ю. Шесталова, в основном касающиеся финно-угорского родства, касаются очевидных вещей, но многие могут вызвать протест у читателя, слушателя. И в таких случаях писатель восклицает: «...Я оставил за собой право мыслить и творить свободно... Огромный заряд нравственности, духовности, первозданной энергии шаманского слова вдохновляли, творили неожиданные мысли и откровения» [9, 81].

Ю. Шесталову всегда есть что сказать, и говорит он интеллектуально честно. Как отмечает сам писатель, его интуитивные озарения помогают понять, почему происходили те или иные события, и спрогнозировать, что произойдёт с человечеством, миром, планетой Земля в будущем. Размышляя о современном времени (2011 год), он с грустью констатирует: «Пришло время... Настало время, когда мало кто стал понимать власть как служение. Обогащения стал жаждать не только капиталист, но и коммунист, и демократ вездесущий...

Время пришло, время настало... Свобода превратилась в хаос, потому что демократы-плутократы предложили трактовать Свободу не как состояние Духа, а как ликование инстинктов и страстей...

Время пришло. Время настало. Что же с Человечеством стало?» [9, 177].

В 2002 году спасение Человечества Ю. Шесталов видел на Севере и связывал его с тем, что Север способен утолить энергетический голод Земли нефтью и газом; экологический голод – чистым воздухом, водой, кристальным льдом; философский – спасительным понятием Север,

в котором сохранена чистота человеческих душ; в 2011 году в этом отношении у писателя появляются некоторые сомнения: «А Север с его тысячелетними традициями философии выживания в экстремальных условиях разве нормальный? Когда нормальный тот, кто ставит выше карьеру и доллары, меняет благородное понятие «Север», низведя его до самой низости географического термина» [9, 177].

Ю. Шесталов, осознав, как обострилась в масштабах всей планеты проблема сохранения природы, призывает землян обратиться к опыту манси и других народов Севера. Эти народы приспособлены к тяжёлым условиям, так как ведут себя не как покорители природы, а как «мудрая её частица». Бережное отношение северян к природе поддерживается сакрализацией, обожествлением, одушевлением природы. Дополним данные слова высказыванием Г.П. Харючи, посвятившей свою монографию исследованию природы в традиционном мировоззрении ненцев: «Согласно традиционному мировоззрению ненцев, человек – часть природы, и его хозяйственная деятельность контролируется со стороны высших сил и духов-хозяев мест, которые требуют от людей особого поведения, не только в духовной жизни, но и в быту» [16, 111].

Стремления мансийского поэта в сохранении человека и природы имели и действенный характер, точнее носили материальное воплощение. В последние годы жизни одним из проектов Ю. Шесталова было возведение этноисторического стойбища – городище «Мирового зрителя», в котором писателем проводились встречи с туристами, учёными, творческими людьми, желающими прикоснуться «к древней мудрости манси и чистоте Севера» [9, 220].

В заключение отметим, что в сборниках «Сознание Торума, сознание природы – путь спасения» (1997), «Космическое видение мира на грани тысячелетий» (2002), «Шаманские тайны откровения слова «Русь» (2011) Ю. Шесталов находит оригинальный подход к изучению духовно-культурного наследия манси, его творчество приобретает форму молитв, заклятий, откровений, благодарений. Писатель осознаёт особую духовную миссию по отношению как к своему народу, так и всему человечеству. Он размышляет о многих вечных и непреходящих философских проблемах: окружающего мира, бытия, Космоса, человека и смысла его существования в мире.

В его озарениях отражены противоречия времени и поиски их разрешения, традиционная система ценностей и беспокойство о глобальных экологических последствиях безумного отношения человека к природе. Писатель призывает людей к духовному самоочищению, называя человека уникальным созданием уникальной планеты, призывает его быть мыслителем, но не на уровне быта. Только тот, кто «устремлён стать Мирсуснэхумом, способен обрести всё Могущество Природы, Знание, Истину, Бессмертие в вечной Жизни, Творение и Бытие» [7, 49].

Ю. Шесталов, манси по национальности и одновременно носитель русской культуры, стремился обеспечивать взаимодействие этих культур, основанное на равенстве. Как философ же стремился к космическому планетарному сознанию, к которому, как утверждал, можно прийти только на основе любви и уважения к своей традиционной культуре: «Я – манси, я стараюсь самое мудрое, самое хорошее, что мои предки собрали за многие тысячелетия, вложить в мировое сознание, в мировую культуру, в мировой дух, а некоторые идеи, может быть, сделать первоосновой, такие, как понятие «экология» [9, 216].

Список источников и литературы

1. Рогачев В.А. Мы тоже когда-то были жителями неба // Мансийская литература: сборник. М.: Литературная Россия, 2003. С. 62–73.
2. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. 208 с.
3. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5. СПб. Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. 560 с.
4. Шесталов Ю.Н. Собрание сочинений. В. 5 т. Т. 1. СПб. Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. 480 с.
5. Шесталов Ю. Сайкаланэ эрыг. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1965. 56 с.
6. Сургутскова Э.П. Шесталов Юван (Иван) Николаевич // Писатели Югры: Биобиблиографический указатель / Сост. С.Ю. Волженина. Ханты-Мансийск, 2004. С. 262-263.
7. Шесталов Ю. Сознание Торума, сознание природы – путь спасения. Будапешт: Будапешт, 1997. 150 с.
8. Акимов В.М. Некоторые общие и конкретные проблемы этнофилологических исследований «северных» литератур // Литература народов Севера: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. С. 6–19.
9. Шесталов Юван. Шаманские тайны откровение слова «Русь». Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2011. 224 с.
10. Блаватская Е. П. Направление развития западного спиритуализма. URL: <http://ru.teopedia.org/lib/> (дата обращения: 02.05.2021).
11. Шесталов Ю. Космическое видение мира на грани тысячелетий. Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. 2002. 192 с.
12. Македонов А.В. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы. М.: Советский писатель. 362 с.
13. Заболоцкий Н. «Почему я не сторонник абстрактной поэзии» // Советские писатели. Автобиографии. Т. 3. М.: Худ. лит. 1966. С. 255. URL: http://tepka.ru/literatura_9.2/31.html (дата обращения: 02.05.2018).
14. Тютчев Ф.И. От жизни той, что бушевала здесь... URL: <https://rurоem.ru/tyutchev/ot-zhizni-toj.aspx> (дата обращения: 09.03.2018).
15. Ионин Г.Н. Миротворный Торум // Юван Шесталов Собрание сочинений. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1999. Т. 5. С. 11–17.
16. Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: «Историческая иллюстрация», 2012. 160 с.

Вячеслав СОФРОНОВ

КАК СОЗДАТЬ СВОЙ МИР...

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...*
Ф. Тютчев

Муки писательские

Каждый человек стремится создать свой собственный мир по собственному разумению. А если в реальности у него не всегда получается это сделать, то кто-то создает его в виртуальном пространстве, иные лишь мечтают о нем, а есть и такие, что занимаются этим на бумаге, предлагая погрузиться в него своим читателям.

...Кто бы что ни говорил, но речь дана нам не только для общения. Передавать информацию можно жестами, мимикой, свистом и еще массой других способов. Но речь – это божественный дар, и каждое наше слово обращено к Богу. Слова, облаченные во фразы и занесенные на бумагу, становятся по сути своей бессмертны. Они переживут автора, оставившего после себя самое ценное в этой жизни – собственные мысли...

Вряд ли я думал об этом, когда только научился выводить свои первые детские каракули. Не знаю, когда именно передача на бумагу знаков, складывающихся в слова, предложения, стала для меня столь же естественной, как дышать, думать, идти, есть и пить. Священнодействие письма завораживало, очаровывало и несло в себе таинство. Человек с пером в руке – это не просто человек, а волшебник, чернокнижник, маг. Писать слова – это как вызывать духов. Священный обряд. Если раньше первобытные люди царапали на скалах изображение животных и поклонялись им, то теперь мы поклоняемся мыслям, что рождают гении.

Когда я узнал значение букв и научился оставлять на бумаге свои слова, то мной овладело желание обозначить, запечатлеть каждый свой поступок и дремлющее во мне желание что-то совершить, исполнить. Неважно, что назавтра они забывались, сменялись другими, но бумага стала моим посредником между мечтаниями и реальностью. Главная беда состояла в том, что мысль не поспевала за пером, за движением руки. Слишком мало чернил захватывало металлическое перо, и уже на второй-третьей букве его нужно было вновь обмакивать в чернильницу. Одно предложение требовало связки с предыдущим, трудно было подыскать нужные слова, а еще труднее написать их без ошибок. Моя грамотность была ужасна и, если честно, меня этот факт несколько не волновал. Главное, что медленно, очень медленно чистый лист покрывался буквицами и, добравшись до середины тетрадного листка, я уже изнемогал, словно переколол поленицу дров. Потому самым страшным уроком для меня было чистописание, где от нас требовали каллиграфичности написания, а тех, кто выдавал в тетрадке немыслимые каракули, нещадно стыдили, и выражение «как курица лапой» прочно пропечаталось в моем мозгу.

Невелик был и запас используемых мной слов: «пошел, увидел, сказал; дом, школа, магазин». Еще имена друзей и знакомых. В результате получалось: «Встретил Вову», «Ходил в школу», «Играл с собакой». Да, не очень-то высокого пошиба творчество рождалось из-под моего пера. Но

это было мое творчество, без нажима с чьей-то стороны, а добровольное, самостоятельное...

Наиболее неординарными были описания совместного возвращения из школы меня и моей соседки по парте, жившей неподалеку. Естественно, при всей пылкости своей натуры я был в нее тайно влюблен, и если бы на тот момент обладал определенным запасом требуемых слов, фраз, образов и, главное, мужества, решительности, то наверняка бы посвятил ей не один десяток стихов, а то и поэм. Может быть, так оно со временем и случилось, если бы судьба в лице моего отца не провела меня без великих потерь мимо участи лирического поэта.

Свои записи я тщательно прятал под стопку старых тетрадей, наивно надеясь, что никому до них дела нет. То была не просто наивность, а детская философия, из которой вытекало, что все написанное лично тобой принадлежит исключительно тебе и для других глаз не должно быть доступно. Как же я был неправ и потому наказан самым жестоким образом, да так, что те давние переживания нет-нет да и вспыхнут с новой силой, и уже в зрелом возрасте румянец непроизвольно прихлынет к щекам, и вновь в который раз испытаешь то давнее чувство неловкости и ... стыда.

Так вот, однажды вернувшись из школы, я был поражен громкими взрывами смеха, что неслись из кухни, где находились мои отец и мать. Больше в доме никого не было. Я даже обрадовался, что у родителей такое хорошее настроение, значит, не будут спрашивать, где задержался, проверять дневник. Поначалу я решил, что папа читает вслух очередную выдержку из журнала «Крокодил», что был тогда главным источником советских юмористов, не считая, конечно, анекдотов, что рисковали рассказывать далеко не в любой компании. Но потом, прислушавшись, к ужасу своему понял, что папа зачитывает выдержки из моего дневника. Меня кинуло в жар, я промчался не раздеваясь в свою комнатушку за занавеской и упал лицом вниз на кровать. Не помню, плакал ли я тогда или просто изрыгал беззвучные проклятия и при этом сгорал от стыда. Тогда впервые в жизни мне было так стыдно. Да, стыдно и неловко, словно совершил что-то непристойное, чему нет прощения. Захотелось убежать из дома и не возвращаться обратно. А вот войти на кухню, забрать свой дневник, сказать родителям что-то обидное, мол, нехорошо, некрасиво читать чужой дневник, у меня элементарно не хватило мужества.

Не буду скрывать, я боялся своих родителей. Не за то, что накажут, поставят в угол, то было привычно и обыденно, если заслужил, а потому что пришлось бы открыть свою главную мечту – составлять из слов фразы. Меня наверняка бы обозвали Пушкиным или Толстым, а получить такую кличку и того хуже. Потому я просто сделал вид, что ничего не произошло, и я не заметил исчезновения своего дневника. Когда же он в мое отсутствие появился на том же самом месте, где и лежал, я тут же сжег его. И никогда больше дневники не писал. Или даже что-то связанное с преданием бумаге собственных мыслей, не говоря о чувствах. Не хватало смелости. И еще во мне поселилась боязнь быть публично высмеянным, хотя родители ни словом не обмолвились, что стали первыми в жизни читателями моих «сочинений».

Следующие десять лет, а то и больше, я не писал ничего кроме стандартных, заданных по программе школьных сочинений, опять же стараясь использовать не свои фразы, не то, о чем думал, а брать их из учебников, газет, откуда угодно, но только не свое. Может оно и хорошо, что тем самым пережил пору графоманства, которой болеют все без исключения,

как коклюшем или скарлатиной. Не думаю, что родил бы в пору своей юности что-то экстраординарное. Но зато понял, что занятие магией слова чревато ответственностью за каждое написанное тобой слово. Рано или поздно за него придется ответить, и уже не перед родителями, а перед всеми, кому в руки твое сочинение попадет. И самое главное, твои слова, как и мысли, дойдут до Бога. Что ты обозначишь на бумаге, то рано или поздно получишь в ответ. И добро и зло, выплеснувшееся из тебя, будет жить где-то поблизости. Вот потому к слову и нужно относиться не только бережно, но и с осторожностью. Магия слова – это реальность...

О поиске сюжетов и героев...

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!*

В. Пастернак

Лично меня всегда интересовало все, что происходило в прошлом не только в мире, в моей стране, но и в городе, где живу. Прежде всего хотелось узнать: кто были мои предки, чем они занимались, что претерпели, почему мои дети именно такие и чего ждать от них в будущем. Все это рано или поздно становится питательными соками для любого творческого человека, будь он музыкант или художник, а тем более человек, занятый литературным творчеством. Мы лишь воспроизводим то, что было в нас когда-то заложено. И после нас, надеюсь, будут точно такие же всходы, родившиеся на наших трудах, мыслях, образе жизни.

Потому, когда мне пришлось обдумывать первые свои сюжеты, то невольно вспомнились рассказы учителей, родителей о том, что было раньше, задолго до нашего появления на свет. Именно тогда зарождалась сибирская история с появлением здесь русского населения, с утверждением письменности, летописания и иных культурных традиций.

Может, потому после первых своих неудачных детских окололитературных попыток что-то воспроизвести на бумаге с большой осторожностью взялся написать сценарий и дикторский текст к собственному любительскому фильму «Гражданин Тобольска», посвященный П.П. Ершову. И потом через несколько лет поиска «собственного голоса» в различных жанрах остановился опять же на сценарии о первом сибирском историке П.А. Словцове. Его приняло к постановке Тюменское областное телевидение, и результат превзошел все мои ожидания: призовое место на региональном конкурсе «Белые пятна Сибири», а в дальнейшем показ на общероссийском телевидении.

А потому, уже не сомневаясь в своем творческом потенциале, смело взялся за написание игрового сценария о роде сибирских купцов Корнильевых, предках Д.И. Менделеева. Мало того, с черновым вариантом сырого, недоработанного сценария постучался в двери «Мосфильма», где сценарий брали в руки несколько именитых режиссеров и... отводя взор от глаз автора, возвращали его обратно.

На мое счастье, один опытный сценарист нашел время и силы прочесть мой опус и дал весьма обнадеживающий совет: «Старичок, у тебя не сценарий, а начало романа. Поезжай обратно в свою Сибирь и пиши. И может быть, когда-то по мотивам твоих книг снимут фильм». С этим

напутствием и вернулся обратно, поняв, что кино – это кино, а вот литература была и остается литературой во все времена и в любой стране, что бы там ни происходило.

Пробой пера для меня стала небольшая повесть с претензионным названием «Под знаком Рака», построенная на рассказах некоторых моих знакомых. К моей великой радости, ее приняли к печати в омском литературном журнале «Иртыш», правда... попросив сократить ровно наполовину.

А вслед затем началось поэтапное вхождение в историческую науку. Плодом этих изысканий стал выпуск альманаха «Тобольский хронограф», встреченный читателями с большим интересом. В разные годы удалось сделать еще три выпуска альманаха и привлечь несколько десятков авторов. Но редактирование, сбор средств, поиск иллюстративного материала занимал массу времени. А взвалить или хотя бы разделить потуги редактора-составителя желающих не нашлось.

Публикация моих первых еще робких исследований по исторической теме неожиданно принесла свои плоды, и мне была предложена должность преподавателя на кафедре в Тобольском педагогическом институте. А это совсем другой круг общения и совсем иной подход к научной тематике. Тогда же защитил кандидатскую диссертацию все в том же Омске, где увидел свет первый «Хронограф». Для этого пришлось едва ли не поселиться в местном архиве, где провел незаметно для себя несколько десятков лет в поисках нужных документов.

Но в какой-то момент архивные поиски, а также материалы современных и дореволюционных авторов перестали меня удовлетворять.захотелось узнать о тех или иных событиях из первых уст, то есть от живых людей, которые, как подозревал, были хранителями древних легенд и преданий среди местного населения. Если точнее, меня заинтересовали легенды сибирских татар, тем более что я тогда готовился к написанию своего первого романа о Ермаке и хане Кучуме и остро ощущал нехватку материала, связанного с бытом тогдашних сибирских поселенцев. Но узнать об этом можно было, лишь отправившись в экспедицию по большим и малым селениям этого самобытного народа.

Вот и задумал провести экспедицию в верховья Иртыша, взяв с собой нескольких студентов из пединститута. Мы добрались до села Большой Карагай, находящегося в неподалеку от Усть-Ишима, а затем посетили в течение недели около десятка сел, и везде нам рассказывали всяческие легенды, истории. Но при этом все местные жители направляли нас к некому Асхату Ниязову из небольшой деревушки Ешаир, который эти самые легенды упорно собирает уже несколько лет.

Делать нечего, отправились в Ешаир. Пешком. По жаре. Нашли Асхата. Обычный молодой еще парень, который действительно, будучи неженатым, упорно ездил по окрестным деревням и слушал легенды своего народа. Но об Асхате и его уникальности следует вести речь отдельно. Скажу лишь, что собранный им материал для печати в том виде просто не годился, потому как каждая его история укладывалась всего лишь в несколько предложений. Через несколько лет я взялся обработать и выстроить в связное повествование те легенды и затем выпустил их отдельной книгой «Легенды древнего Карагая».

В те же годы в конце 80-х мне улыбнулась судьба, когда я на несколько лет перебрался в деревню, носящую вполне благозвучное название Белая. В ту пору в ней осталось лишь несколько домов, где доживали свой век

не желавшие перебраться в город пожилые жители. Считаю, что мне как человеку сугубо городскому, хотя и знакомому с основами домашнего хозяйства, но редко сталкивающемуся с различными тонкостями и привычками сельского быта, в этом плане ужасно повезло и наложило определенный отпечаток на мое сочинительство. Действительно, не так-то просто оказалось прожить несколько лет в крестьянской избе с русской печкой, с речкой в овраге вместо водопровода и всеми остальными прелестями жизни в сибирской глуши. И лишь когда ее жители, пусть не до конца, приняли меня за своего, начался полный контакт и узнавание от них самых разных полумифических фольклорных тем, которые вполне можно назвать сибирской мифографией малоизученной и освещенной.

Там и состоялось мое знакомство с дедом, прозванным односельчанами Башкуром, который буквально сразил меня своими фантастическими рассказами о русалках, леших, баницах и прочей нечисти. Но что интересно, оказалось, многие из них мне пришлось слышать еще в детстве, когда мой дед, будучи землеустроителем, брал меня в поездки по разным деревням, где вечерами собирался почтенный деревенский народ, и обязательно рано или поздно речь заходила о чем-то таинственном на грани было-не-было... Мой детский умишко все впитывал и до поры до времени держал в памяти.

И вот уже на основе вновь услышанных от местных старожиллов коротких быличек и просто различных жизненных ситуаций отдельные сюжеты сформировались в рассказы, которые удалось за довольно короткий срок обработать и собрать в единое повествование с говорящим названием «Блинчики деда Башкура».

Любой город уникален тем, что имеет свои топонимы, которые живут и не стареют десятки лет, а то и столетий. Меня лично все эти старинные названия притягивали долгие годы, и хотелось тоже как-то увековечить, сохранить память о них в коротких рассказах. Сборник, в который они вошли, был озаглавлен так: «Тобольские сказания про разные названия». Там же были и «Сибирские сказы про разные проказы» и «Чудотворье» об истории появления и прославления Абалакской чудотворной иконы Божьей Матери.

Стиль сказов выискивал довольно долго, хотелось, чтобы он походил на народные сказания, имеющие свой ритм и присказки. Они были написаны в том же ключе, что и «Блинчики», но несколько в иной стилистической манере и снабженные шуточными иллюстрациями, выполненными профессиональным художником.

Меня интересовали судьбы людей, живших в Сибири, в Тобольске задолго до нас. В результате долгих поисков в фондах местного архива и музея были составлены краткие биографические очерки о сибирских архипастырях (епископах, архиепископах, митрополитах). Книга о них получила название «Светочи земли Сибирской». А более обширные и углубленные поиски и работа целого коллектива авторов позволила издать фундаментальный труд «Тобольский биографический словарь».

Занимаясь историей Сибири, постоянно встречал документы, связанные с деятельностью неординарных личностей, чьи судьбы при более глубоком знакомстве с ними просто потрясают. Именно тогда мне попались упоминание о тобольском «купецком сыне» Иване Зубареве, который не захотел заниматься торговлей и продолжить дело отца, а занялся поначалу выявлением взяточников на таможне. Потом поиском серебряных руд на Южном Урале. Пробился со своим прошением о разработке этих самых руд к самой императрице Елизавете Петровне. По неизвестной при-

чине он попал к прусскому королю Фридриху и согласился участвовать в освобождении российского наследного принца Иоанна Антоновича. Об Иване Зубареве упоминает историк С.М. Соловьев, считая его одним из виновников начала войны между Россией и Пруссией. Вот это судьба, ничего не нужно придумывать, только пиши...

Так постепенно копился материал, послуживший основой для исторического романа «Отрешенные люди», со временем переросшего в четырехтомное издание. Туда вошла история о другом тобольском авантюристе, – Василии Мировиче, – выпускнике Тобольской духовной семинарии, который, как и его предшественник (Иван Зубарев) пожелал самолично освободить из Шлиссельбургской крепости все того же наследного принца Иоанна Антоновича. Книга о нем носит название «Непоборимый Мирович».

А вот «Легенды древнего Карагая», основанные на легендах сибирских татар, удалось выпустить первоначально лишь небольшим тиражом, но также снабженные рисунками к каждому рассказу. Мало того, там же имелся перевод текста на татарский язык. Много позже все три книги под одной обложкой с единым названием «Сибирские сказания» были изданы первоначально в издательстве «Сибирский рабочий», а затем в Московском издательстве «Вече».

Совместно с аспирантом Артемом Зелениным мы задумали написать книгу о монастырях России и Сибири под названием «Духовные твердыни земли Русской», и после нескольких лет работы нам это удалось.

Меня давно интересна судьба «огнепального» протопopa Аввакума, проживавшего несколько лет в Тобольске и служившего в одной из городских церквей. Книга, посвященная ему, вышла под названием «Страна Печалия».

И наконец настало время обнародовать автобиографические зарисовки о своей семье, детстве, годах юности, людях, оставивших о себе след в памяти автора. И там же две повести под общим названием «Щепа и судьба».

А заключительным аккордом научно-исследовательской деятельности автора стал трехтомный труд «Вехи сибирской истории», выпущенный издательством «Уральский рабочий».

Таким образом, путь мой пролегал по двум направлениям: научные исследования истории России и Сибири, а также в литературном направлении, когда те или иные исторические факты легли в основу книг в жанре исторического романа. И не могу твердо ответить, какой из них предпочтительней. Скорее всего, они дополняют друг друга, а об остальном пусть судят сами читатели...

Литературный процесс как он есть...

*И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

Б. Пастернак

Если говорить не только о написании книги, но и о дальнейшем ее издании, то следует разделять эти два далеко не однозначных процесса. Считаю, что подготовив к изданию свою рукопись, ты тем самым, как и с рождением ребенка, несешь ответственность за ее дальнейшую судьбу.

А потому постараюсь весьма сжато изложить процесс, связанный с изданием своих книг. Первой из них стал «Тобольский хронограф». В

нем кроме статей по истории Тобольска были помещены статистические данные по городу конца XX столетия, приводились имена воевод, губернаторов, архипастырей за дореволюционный период.

Книгу печатали в одном из ближайших к Тобольску городов – Омске. Там тогда существовало издательство, которое взяло на себя верстку и корректуру рукописи, естественно, за неплохие деньги. Самый большой вопрос возник с тиражом. Сколько экземпляров заказывать? Мы вместе с первым моим спонсором Рашидом Авдеевым были в этом вопросе тогда совершенными «чайниками», а потому заглянули в несколько книг современных авторов. Тираж там колебался от 20 тыс. до 150 тыс. экземпляров. У нас хватило ума остановиться на 15 тысячах экземпляров. Вышел «Хронограф» из печати в декабре 1993 г. и перед самым новым годом был вывезен из типографии.

Когда получили весь тираж, привезли его в Тобольск, разгрузили в частный гараж и невольно испугались, совершенно не зная, куда будем девать все это немислимое количество книг. Но самое удивительное, что весь тираж разошелся, и встречать томик первого «Хронографа» мне приходилось в самых неожиданных географических точках.

После Омска мы резко решили переместить свое издательское кредо и выйти на столичный уровень. Быстро нашлось издательство со звучным названием «Культура». У них был один из первых в стране компьютеров – размером с пианино. Там были изданы первая книга «Кучума» тиражом 20 тыс. и «Тобольский хронограф» № 2 тиражом 10 тыс. экземпляров.

А затем состоялась первая в городе презентация «Кучума» в Квадратной башне Кремля. Атмосфера незабываемая: горящие глаза слушателей и зычные голоса выступающих. Но как же меня потом стыдили за качество московских изданий, когда попал наконец в серьезное издательство «Уральский рабочий» в Екатеринбурге.

По разным причинам пришлось расстаться с первым своим спонсором и второй том «Кучума», а затем и третий в 1998 г. издавать самостоятельно, сохраняя довольно значительный тираж в 10 тыс. экз. И на этом, можно сказать, мой курс «кучумоведения» пришел к логическому завершению. И хотя многие земляки полусхотят, полусерьезно настаивали, чтобы трехтомник превратился в сериал (а было как раз время незабвенных «Рабыни Изауры» и «Санта-Барбары»), на их лестные предложения не поддался. Зачем? Литературный жанр имеет свою основу и от киношного кое-чем, но все же отличается...

Книга «Светочи земли Сибирской» вышла из печати 1998 г. В ней содержится 39 биографий сибирских архиереев и митрополитов. Через год (в 1999 г.) были напечатаны «Блинчики деда Башкура» и, не побоюсь сказать, читатели встретили ее с большим интересом. Случалось, приходили за ней даже ко мне домой.

Не знаю, верно это или простая сплетня, но много позже некий ветеран из местной администрации сообщил мне по большому секрету, что когда те самые «Блинчики» заполучил и ознакомился с ними известный писатель Валентин Распутин, он категорически потребовал от тобольской администрации полного изъятия книги и ее дальнейшего уничтожения. Ничего не могу сказать на этот счет. То его видение наших реалий. К тому же весь тираж разошелся в довольно короткий срок.

Шел сбор материалов для издания следующих номеров «Тобольского хронографа». В перспективе хотелось наладить регулярные выпуски самостоятельного исторического альманаха, в котором местные авторы могли

публиковать свои материалы по истории Сибири и Тобольска. Благодаря этому я познакомился с очень интересными и компетентными людьми, которые разделяли мои идеи по его выпуску.

Но ... книгу мало написать и подготовить к изданию. Вслед затем ее нужно напечатать, а для этого найти деньги на издание, а потом еще вывезти из типографии, реализовать тираж, а собранные деньги использовать для выплаты гонораров авторам и очередную публикацию. А это оказалось процессом весьма далеким от литературного творчества. Иначе говоря, желания не совпали с возможностями. И тем не менее третий «Хронограф» включил труды дореволюционных авторов, материалы по этнографии и даже статью по ботанике. К печати третий выпуск был подписан в январе 1998 г. при тираже 2 тыс. экз. в Екатеринбурге.

А четвертый «Хронограф» получился и вовсе солидный: в нем были уже разделы по археологии, не опубликованные ранее письма дореволюционных исследователей-сибиряков, даже выстроилась небольшая очередь из числа желающих из разных уголков Сибири. Был подписан к печати в «Уральском рабочем» в июне 2004 г. тираж 2 тыс. экз. Но вот пятый «Хронограф» так и остался в виде отдельных статей в моем компьютере.

Теперь можно подвести некоторый итог: издание подобных альманахов не под силу отдельным энтузиастам. К тому же гляцевые журналы с сочными видами Кремля вытеснили информативные издания, которые пользовались спросом в стародавние времена. Людям хотелось чего-то суперкрасивого, чтобы ласкало глаз. Но не ум. Такая красота вряд ли спасет мир... Скорее наоборот...

Серьезную исследовательскую работу пришлось проделать при подготовке книги «Откуда земля Сибирская пошла». По сути дела это учебное пособие, задуманное как краткое изложение истории Западной Сибири, начиная с первобытного времени и до XIX в. Материал огромный, источники приходилось выискивать в разных изданиях, а сами издания искать у друзей, в библиотеках. Вот тогда-то осознал необходимость обзавестись собственной полноценной библиотекой, чтобы не тратить время на поиски нужных книг.

К тому времени руководил «Научно-издательским бюро» при комитете городской культуры. Собирать макет помогали мои сотрудники, имена которых указаны в книге, как и спонсоров, за чей счет книгу удалось издать в 2001 г. тиражом 3 тыс. экземпляров. Но самое главное, по ней вели уроки учителя школ области и нашего города. А это уже что-то...

В том же году вышла книга «Тобольские сказания про разные названия» все в той же типографии «Уральский рабочий» в январе 2001 г. тиражом 1500 экземпляров. Затем был «Тобольский биографический словарь», изданный в 2004 г. (тираж 2 тыс. экз.) Издание осуществлено при финансовой поддержке депутата Государственной Думы Ю.М. Конева.

Вряд ли найдется другая книга, к составлению которой мне пришлось приложить столько сил, чем эта. Не могу даже указать точного количества лет, затраченных на нее. Может семь, а может и восемь, если не все десять. Первоначально был лишь замысел собрать сведения обо всех известных людях, чья жизнь и деятельность была так или иначе связана с Тобольском. Но что значит «известных»? Кому они известны? Специалистам или рядовому обывателю? И еще. Как быть с нашими ныне живущими современниками? Ведь есть и такие, чье имя может быть внесено в подобный словарь уже в наши дни. Одним словом, сомнений и непростых решений было множество.

И главный вопрос – кто войдет в число авторов? Одному человеку замахиваться на нечто подобное даже думать не стоит. Обратился к тобольским историкам, работникам музея и архива. Набралось с десятков человек. Потом круг авторов расширился, подключились мои друзья из самых разных уголков Сибири. Мне как составителю и редактору пришлось обрабатывать каждую статью, сверять даты, инициалы, причем практически без помощников. Сидеть сутками и вычитывать. Затрудняюсь сказать, сколько точно биографий и имен изложено в «Словаре», но где-то близко к тысяче.

Книга о приключениях Ивана Зубарева под названием «Отрешенные люди» напечатана опять же в «Уральском рабочем» в апреле 2003 г. тиражом 2 тыс. экз. Но это далеко не все о добровольных освободителях царственного узника Иоанна Антоновича. Следующим стал опять же тоболяк Василий Минович. В результате в московском издательстве «Вече» был выпущен четырехтомник «Отрешенные люди» о приключениях авантюристов XVIII столетия, родившихся в Тобольске.

Выпустить книгу «Легенды древнего Карагая» удалось по решению руководства пединститута в местной типографии в 2009 г. Причем весьма незначительным тиражом – всего в 100 экземпляров.

Пришло время, и работники одного из центральных российских издательств «ВЕЧЕ» обратили внимание на историю Сибири и наладили выпуск серии книг под лаконичным названием «Сибириада». Именно там была издана трилогия «Кучум», причем два тиража.

Очередная книга «Века и судьбы» была подписана в печать 27 июня 2012 г. в типографии «Уральский рабочий» при тираже 1 тыс. экз. В ней собраны исторические очерки людей, оказавшихся зачастую в Сибири, что называется, не по своей воле. Больше других меня затронула судьба царской невесты Марии Хлоповой, которая не по недоразумению, а скорее по злой воле матери царя Михаила Федоровича оказалась сосланной в Тобольск. Без суда, а только лишь по формулировке «Для продолжения царского рода непригодна...»

Или живший в середине XVIII века монах Феофилакт, сосланный в Тобольск за то, что не хотел исповедовать православие, а собирался принять иную веру. Обладая неукротимым характером, он бежал зимой с Софийского двора, прихватив куски материи и веревки, укрылся на одном из иртышских островов и там зимой несколько дней мастерил себе крылья, чтобы улететь из Сибири. Но в итоге вынужден был вернуться обратно на Софийский двор, потому как замерз, и пальцы не гнулись на морозе. Не будь на то время морозов, глядишь, Тобольск стал бы родиной одного из первых воздухоплателей.

Шли годы, близилось 100-летие Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева, где уже состоял в штате в должности профессора, и вот к юбилею института было решено издать трехтомник «Кучум» при совместном финансировании с Тобольским музеем. Трехтомник вышел в свет в издательстве «Уральский рабочий» в 2016 г. при тираже 2 тыс. экземпляров.

Как видим, если первоначально автору пришлось самому заботиться об издании своих книг, в том числе и сборников с работами других исследователей, то в дальнейшем эта нагрузка легла на плечи профессиональных издателей, за что им премного благодарен. Главное, чтобы сам автор не терял веру в собственные силы, продолжал свои исследования и работал, прислушиваясь к мнению критики. А там, глядишь, все постепенно образует...

Наш литературный Союз

*Доброе братство дороже всякого богатства.
Русская пословица*

Еще в перестроечные годы после выхода нескольких моих первых книг я постучался в Тюменский Союз писателей России, куда был принят после придирчивого анализа своих изданных или еще только подготовленных к печати рукописей. В дальнейшем стал участником одного из съездов литераторов уже нового Российского государства. Хотелось бы отметить, что именно знакомство с собратьями по перу, как это принято говорить, во многом помогло избежать элементарных ошибок и просчетов, которые в большинстве своем допускают начинающие авторы.

Да, наш литературный союз создавался именно для этих целей. Именно потому порой возникают горячие споры вокруг той или иной авторской концепции происходящих событий, поскольку они зачастую могут быть диаметрально противоположными и даже нелицеприятными для человека, впервые взявшегося за перо. Но хотелось бы высказать свою точку зрения на цели и задачи, которые нас объединяют, и традиции, сложившиеся в результате шестидесятилетнего его существования.

Писательский Союз – это прежде всего союз творческих людей, и наша Тюменская писательская организация зародилась не на пустом месте. Ее образованию предшествовало не одно поколение, оставившее после себя творческое наследие, традиции, в основе которых лежит авторский взгляд на происходящее. И не только на те события, которые лицезрел тот или иной автор, но и на прошлое, что нас безусловно объединяет, делает единым народом со своей культурой и отношением к миру.

Именно историческое наследие объединяет тюменских писателей, а не только наше географическое единство территории проживания, поэтому в массе своей творчество тюменских авторов несет в себе дух тех давних первопроходцев, что пришли на эту землю много веков назад, построили города, наладили быт и производство, не потеряв при этом связь с центром России.

...Глядя как бы со стороны на собственное литературное наследие, что, согласитесь, достаточно трудно и даже ответственно, хотелось бы подытожить разнообразные направления творческих поисков автора и выделить несколько основных направлений: этнографически-фольклорное, историческая проза, исторические очерки, научно-исследовательская работа. Кому-то может показаться, что они порой несовместимы, как, к примеру, научные изыскания и написание романа. Но для меня это стало как бы дополнением одного направления поисков другим, и разница заключалась лишь в форме изложения событий. При этом неизменной осталась тема истории Сибири и наших предков. А это важно уже потому, что наша с вами история служит основой зарождения в человеке чувства патриотизма и гордости за свой край, где ты живешь.

ПРОЗА

*****

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

ЛЕТИТ ПУЛЯ

(сказ)

1

«Никитушка, мой любимый, как ты там на этом треклятом фронте? Всё ли у тебя есть, чтобы сохраниться, кормят ли вас, солдатиков, хорошо, так чтобы силы были воевать?» – тут Глафира вроде как споткнулась. А есть ли вообще еда там, где он воюет? Кто им там готовит? Это ж надо целую армию прокормить! Достаётся ли Никитушке?

Из письма, которое пришло недавно, из его первого и долгожданного письма она узнала, что «всяко бывает, бывает, едим досыта, а бывает и по-другому. Перед боем, к примеру, не едим, говорят опытные солдаты, что нельзя...». Почему-то сразу поняла своим практичным умом, почему нельзя. И заныло под сердцем и закипело в груди горячее что-то. Сама же просила написать, как там с едой, может чего прислать посылочкой. Вот он про еду-то и кажет.

Посылкой можно прислать, написал, пока «дислоцируются» надолго в одном месте. Будут сдерживать врага, оборону, укрепляют, говорит «глубокоэшелонированную». Вот так и написал такое слово. Слово вроде и не слышанное ране, но почему-то показалось ей понятным.

Глафира обняла мужнину подушку, окунулась в её мякоть лицом.

«Никитушка!» – закричала. Омыло лицо слезой, метнулась по пустой постели и вошла в сон, как в туман, как в бездну. Сон страшный... Будто вечером у костра хлебают он из огромного котла варево какое-то, и много ещё рук тянутся с ложками в котёл. И Никитушка ест, улыбается в усы мечтательно так. «Обо мне вспоминает, о Машке», – кажется Глафире. Вот он укладывается спать, укрывшись шинелью. Спит Никитушка, спит Глаша его, Машенька маленькая тоже спит. Но как-то неладно получается: далеко от своего дома Никитушку сон сморил.

А утром бойцы проходят мимо котла с кашей, и все как один отворачиваются от еды. «Нельзя нам! – говорят повару. – Нам в атаку». Бежит в атаку Никитушка, и много ещё солдатшек бегут, кричат громко «Ура-а-а!!!». И падают, то один, то другой солдатик. «Как же так? – думается Глафире? Почто таких-то молодых изводят эти фашисты? Почто умирают?» Страшно становится.

А тут привидилось ей, что фриц такой страшный в каске с рогами коровьими пулю выпустил из автомата. И эта пуля летит прямо востречь Никитушке. «Ура! Ура-а-а!» – кричат солдаты, а громче всех Никита. И он ещё не знает, что пуля летит востречь, и бежит, бежит... Пуля летит такая большая. Видит её Глафира, а сделать ничего не может. «Никитушка!!!» – кричит, и просыпается от своего же крика. Как предупредить мужа своего, что пуля уже летит, чтобы схоронился где? – закручинилась и облилась слезами. И вдруг страх ею овладел холодный, липкий от того, что не в силах ему помочь, что не слышит он её, что пуля может угодить ему в пустой живот.

Вскочила она с постели, подбежала к иконкам в красном углу, осенила себя крестом истово и горячо так, что проняло до самой глубины, пала на колени. На лампадку глаза свои, смоченные слезами, устала, будто ожидая чего-то от этого слабого огонька. И лампадка вдруг вспыхнула, и свет её стал ярче. Глафира приняла этот добрый знак своей истощённой душой. Она поднялась с колен, подошла к малышке, доченьке, мирно сопевшей в своей кроватке, сделанной руками своего воюющего теперь папки. Лицо Машки озарилось вдруг улыбкой, очень схожей на улыбку Никиты. Облокотившись на кроватку, мама тоже улыбаясь смотрела на спящую дочь.

Погладив отшлифованное дерево, подумалось Глафире: «И это его работа», а скользнув своим взором по лицу дочери, раззадорилась скупым смехом, вдруг осознав какую-то двусмысленность в мелькнувшей сейчас мысли. Зажав рот рукой, чтобы не разбудить Машку, поправила свободной рукой одеяльце, подушечку. Что-то зародилось в голове Глафиры, какой-то план. Она ещё не в полной мере осознавала, но уже была готова к действию. Прямо сейчас, прямо сию минуту.

Оделась, вышла во двор. Ночь. Она не обратила внимания, как бывало раньше, на выкатившуюся огромным ровным тазом луну, зависшую над черёмухой, она не взглянула на звёзды, зазывно высыпавшие вдруг рясным пшеном после вчерашнего ливня. Зашла в сарайку, приспособленную Никитой под мастерскую. Зажгла керосиновую лампу, мужем прилаженную так, чтобы выгодно освещался стол с инструментами.

На ощупь нашла толстое, вышлифованное ладонями мужа древко старой, выкованной ещё отцом Никиты, лопаты. Получилась она послековки толще своим телом, чем другие, казённые лопаты. Любил ею работать и отец Никиты, и сам Никитушка. «ЗамашнАя» – так говорил муж. Почему она «замашнАя», Глафира понять не могла, хотя бы потому, что эта лопатица всегда казалась ей «неподъёмной».

Подошедши к свету, Глафира пальцами попыталась измерить толщину железа. Пальцы не сомкнулись. «Это хорошо», – подумала, и вставила её в раскрытые тиски, поджала, прокручивая стальную ручку. Конец древка слева задел рабочую одежду мужа, висящую на дощатой стенке. Рабочий фартук из толстого брезента издал шуршащий звук. Глафира сняла фартук с гвоздя, надела поверх своей одежды, сняла с полки ножовку по металлу, повертела её в неумелых руках и приладилась пилить. Оказалось, что в линию будущего запила попадает древко. Вытянуть загнутый кованый гвоздь, удерживающий древко в проушине лопаты, оказалось делом нелёгким, но она справилась.

Пила скользнула по неподатливому железу, её полотно со скрипом скользнуло, легло своей плоскостью, изогнувшись. «Так и сломать недолго», – пронеслось испугом в голове. В запасе только два полотна. Глафира вспомнила, как сокрушался Никита, сломав однажды такую пилу. «Шибко прижал», – помнятся его слова. А как же отпилить такую железяку, «шибко» не прижимая? И она снова, не прижимая «шибко», стала шоркать по ржавому металлу. Наконец-то наметилась бороздка, и полотно пилы перестало гулять, елозить по сторонам. Жик-жик-жик. Уже и руки устали, ладони зажгло от неловкой, как показалось Глафире, ручки, уже и спину стало ломить, уже и петухи первые загорланили, а дело подвинулось мало. Села Глафира на старенький табурет и заревела прямо навзрыд. Вдруг затея показалась ей совершенно невыполнимой. «А пуля-то летит...».

Донёсся плач Машеньки будто издалека. Сердце матери встрепенулось, полетел фартук на неподатливую лопату. Вылетела птицей на улицу, впорхнула в дом. Достала малышку из кровати, приложила к вырвавшейся из ночной рубашки груди, тяжело присела на любовно сколоченный мужем стул. Запричмокивала дочурка, тепло разлилось нежностью необыкновенной. «Никитушка, сладкий мой», – вырвалось. Ощутилось прикосновение мужниное, сердца будто коснулся, и ещё где-то разлилось тепло: по всему телу пошло, до самых пяточек достало. Слезы сладкие бегут из глаз. Все почти слезинки на пелёнку в горошек из старого платья падают неслышно. А что-то проливается и на тугую грудь, ручейком стекая к губкам доченьки.

Чего не коснётся Глафира, всё ей о муже напоминает: возьмётся еду готовить на примусе – и вспоминает Никитушку своего. Он же купил примус. Он же научил им пользоваться, и как прочищать иглой форсунку тоже научил. Откуда бы она знала такое смешное слово – форсунка. Кипит каша, помешивает она деревянной ложкой – Никитушка... Он же смастерил, да сделал дерево тонко, да такой рисунок вырезал. Возьмётся за угол стола – Никитушка...

Всё в доме ей о муже напоминает, будто он тут рядом, будто на минутку вышел. «Душа-то его здесь в доме нашем», – думает Глафира. Ночью подушку обнимет: «Никитушка мой». Ей всё кажется, что и пахнет она волосами мужниными, хоть и стиралась наволочка уже не единожды.

2

День сегодня выдался какой-то странный: время тянется так лениво, что Глафира начала всерьёз беспокоиться. А наступит ли вечер, а наступит ли ночь. Она уже между делом заскакивала в мастерскую. Пыталась продолжить начатую ночью работу, но тут соседка забежала во двор. Чтобы не выдать себя, Глафира выскочила из мастерской.

– Чо-то вжикат у тебя в хлеву, дай, думаю, спрошу.

– Ак теперь-то самой приходится всё делать: и точить самой приходится топоры и ножи, – выпалила Глафира, боясь выдать свою тайну. Ей почему-то кажется, что если в тайне сохранит свою задумку, то она силу от этого дополнительную приобретёт. Это же должно быть только между ею и Никитушкой. И что теперь: и о пуле разрезвонить на всю округу?

Постояла-постояла соседка, видит, что разговор не клеится, да покатила по своим делам. Смотрит вослед соседке Глафира. А ране бы на час, не меньше, завелись бы чесать языки, а вот сейчас не так. Дивится соседка перемене в Глафире. Ей-то ох как хочется погутарить, душу кому-то излить, горем своим поделиться. Глафира раньше-то и выслушать могла, и утешить. Что случилось с бабой? Как что случилось? Муж на фронте, вот тебе и весь сказ.

Воды натаскала, пока Машка спала на воздухе свежем в колыбельке, опять таки Никитушкой сделанной. Огурцы, помидоры полила, как же без полива в такую жару. Сорняк прорвала на грядках, стаскала всё в конец огорода. Кур покормила, попоила. Вишня уже скоро созреет, скоро вишнёвое варенье будет варить. Никитушка вишнёвое любит.

Воды нагрела на летней печке. Печку тоже Никита смастерил, и дрова им припасены. Налила горячей воды в цинковое корыто, приладила стиральную доску в наклон. Достала большой кусок мыла. Стирает. Никита из головы не идёт: он же сколотил эту удобную для стирки скамейку, так сделал, как просила – в тенёчке, чтобы голову не пекло.

Машку уж третий раз покормила. День тянется долго, но солнышко уже к вершинам деревьев начинает склоняться.

Пришла коза из стада. И тут только Глафира улыбнулась: вечер, значит, пришёл, скоро ночь.

Жик-жик-жик... Глафира уже приладилась к этой ножовке, она уже знает, с каким нажимом нужно работать, она уже знает, что плотно нужно пускать ровно, чтобы не закусывало, чтобы не клинило, а то можно сломать. Допустить этого нельзя: предстоит ещё много пилить, так, что беречь нужно инструмент. Нажим тоже нужно соблюдать, чтобы пила не тормозила, чтобы не «зарывалась», но и чтобы не елозила без пользы. Мелкие металлические опилки сыплются озорными снопиками, сверкая металлом в свете лампы. Значит, всё делается правильно. Руки уже обвыклись, выводя привычную музыку – жик, жик, жик...

Вечером Машка улыбалась, аукала, уснула в добром настроении, а значит, спит крепко. Глафира уже изучила некоторые особенности своей дочурки: если с вечера была весела и забавна, то спать будет крепко, и ночью даст выспаться маме. Но сейчас не до сна. Жик, жик, жик... Пилу стало зажимать. Глафира отложила ножовку, налегла ладонью на металл – и кольцо-проушина для черенка легко отломилось. Радость. Первая победа.

Зажгло ладони. Посмотрела на кровавые мозоли. Как случилось, что раньше не заметила? Утром сошью варежки из старого маминого пальто. Ничего не должно помешать.

Ослабив тиски, Глафира достала «тело» лопаты, именно так она себе определила этот увесистый кусок металла, осмотрела его на вытянутых руках. И так повернула и этак. Здесь срезать, здесь срезать...

Орут петухи. Глафира идёт домой, валится на постель и засыпает.

Просыпается легко с первыми «гулями» Машеньки. Прикладывает к груди. «Никитушка!» – вырывается невольно. Машка косит глаз на источник звука. «Узнала имя батюшки своего, узнала», – радуется тихо. Кладёт Машеньку в кроватку, а сама, откинувшись поперёк кровати, уходит в тягучий сон. Наплывает волной то видение ночное, которое так взволновало, так напугало, так держит за горло. Письмо, уже другое, воссоздаётся в голове до подробностей. Пишет, что предстоят бои ожесточённые, что прёт всё же немец, хоть и получил по хребтине. Спрашивала, много ли гибнет солдат, а получила ответ расплывчатый, как ей показалось: «на войне как на войне...». Значит гибнут, значит есть что скрывать. Значит летят пули. И видит, как летит пуля востречь... Хочет крикнуть, отвлечь страшное, но голос тонет в свисте снарядов, канонаде, устроенной с обеих сторон.

3

Работы столько, что за всю жизнь, кажется, её не переробить. Сегодня вот нужно прополоть, прорвать морковку. Уже один раз прорвала, но оказалось густо. То же самое и со свёклой. Почему-то так получается из года в год. Жалко что ли с первого разу проредить, как нужно? Ак если прорвать, то и полить сразу нужно, там же корешки повреждаются после таких процедур. В самый раз подпоить растения в такую жару. Воду из речки таскает, грядки поливает, поглядывает на готовую уже созреть вишню: варенье скоро варить, Никитушка любит.

Избу вымыла, дочурку искупала в воде, солнцем согретой, крыльцо подладила: коза доску выбила, будь она неладной, и без неё забот полон рот.

А вот и коза на помин легка. Пришла из стада – вечер.
Машку покормила, спать уложила – ночь.

«Предстоят бои ожесточённые». Ну что ж, «на войне как на войне». Привычными движениями зажала железку в тиски. Замигала лампа, потянулась копотью, вонючей ниточкой в потолок. Срезала ножницами неровный край фитиля, дозаправила керосином, раз уж измаралась. Варежки, на скорую руку сшитые, надела. Жик, жик, жик... как громко поёт пила! По бокам металл потоньше, вот и вибрирует, вот и поёт. Так думает Глафира. Правильно думает.

Ровно идёт полотно ножовки, высекаются золотистые опилки. Почему сразу не догадалась сшить рукавички? Спешила, торопилась. Поспешись – людей насмешись. Вот за такими думами работа спорится. Вот и последний ненужный кусок железа упал на пол. Ослабила тиски, осмотрела с расстояния вытянутых рук. Формой железяки осталась довольна: где-то издали сердце напоминает. Теперь вот нужно все засеницы убрать, чтобы всё гладко, чтобы не оцарапался Никитушка. Напильники на стенке развешаны. Какой из них? Пробует один, пробует другой, третий. Нашла, который лучше шлифует. Громко получается, однако ещё громче, чем пилить. Опять соседке в ухо попадёт.

Не стала ждать петухов, домой побрела. Спать уже боится: боится, что снова наваждение с этой окаянной пулей явится. Но сон не спросит, сам пожалует, уснула крепко, лишь голова коснулась подушки. Спала, пока не забазлала Машка во весь рот. Что с мамкой случилось? Уж битый час ору.

Вину свою чтобы загладить, берёт Машу на руки Глафира, ходит по избе, качает на руках, песенку поёт, какая на ум пришла. А Машке всё одинаково, лишь бы мамин голос слышать. Успокоилась, лыбится до ушей. Сосок схватила жадно, даже глаза прижмурила. Откинулась на спинку стула Глафира в мимолётном блаженстве. «Никитушка!» – вырывается стон. Машка глаза выпучила, смотрит на мамку, даже сосок выплюнула. Знает имя папки своего, знает!

Ни свет ни заря врывается соседка в дом. Машку только уложила после кормления.

– Чо-то вжикат у тебя ночью, однако, вжикат, вжикат, не пойму ничо, – она, взбалмошная, никак не может понять, что же там делает по ночам соседка.

– Я ж тебе давеча толковала: ножи, топоры поточила, научилась я этому делу. Хошь тебе наточу топор или чо там нужно, – Глафира будто оправдывается, хочет свою тайну сохранить.

– Ты мне, Глаша, зубы-то не заговаривай. Всю ночь напролёт топор точишь? Тута что-то нечисто.

Испугалась Глафира. В этой реплике она услышала чуть ли не угрозу: а вдруг по селу разнесёт? Женщина она вроде не вредная, но заинтригованная женщина всегда опасна. Это ей подсказывало женское чутьё, развитое до крайности. «Пусть она одна узнает, чем всё село. И это будет наша тайна на двоих». И Глафира чистосердечно призналась во всех страхах и тревогах, и даже о пуле рассказала.

– Хошь верь, а хошь не верь, чую я, что беда может случиться, вижу пулю, летящую, понимаешь? Может смогу беду в бок свести, ну что-то же нужно делать?

Соседка разревелась тут. Смекнула сразу про пулю-то летящую, сама прямо увидела эту пулю окаянную.

– Правильно, Глаша, правильно гутаришь, и дело делаешь истинно правильное. Вот я в своё время не догадалась, не дотумкала... – вытерла глаза ладонью.

– Только никому, слышь, Зоя, никому...

– Не бойся, понимаю я тебя, ох как понимаю: боишься, что железка силу потеряет?

– Да, боюсь, – покорно и тихо ответила Глафира.

– А ты не бойся, одно горе мотаем, токо вот мово Грыню уже не спасти, так твоего давай попробуем: вдвоём-то легче дело поднять.

– Как стемняется – приходи в мастерскую, – заговорщицки молвила Глафира.

– В хлев, не то ли?

– В хлев...

– Корову со стада встречу, подою, своих спать уложу и приду. Обязательно приду, – чуть не по-военному отчеканила Зоя.

4

Пришла соседка рано, ещё только куры на насест устроились, ещё свет не иссяк на дворе, ещё луна фарфоровая, до прозрачности скособоченная, заплутала в ветвях черёмухи, только первые звёзды обозначились. В хлев рыпнулась скрипучей дверью – нет там Глафиры. В дом вошла.

– А я только вот Машку кормлю, – извинительно произнесла Глафира.

– Корми, корми. Мои-то постарше, сами улягутся. Наказала, чтоб шибко-то не шумели. Да кто им там указ. Пусть продуреют, сон своё возьмёт.

– Да-а! У тебя уже большеенькие... – запнулась Глафира.

– Большеенькие, – согласилась с грустью, но легко Зоя. Она вдруг начала кончиком платка промокать глаза, – большеенькие, – повторила дрожащим голосом. Эта дрожь Глафире передалась. Зачем про детей-ситроток зацепила языком своим паршивым.

– А моя-то – Машка – имя своего отца-родителя знает, – пытается переменить тему.

– Как так? Ранось вроде такие слова сложные выговлять.

– Не говорит она, а узнаёт она имя его среди многих других слов: скажу Никитушка, а она... Вот глянь! Видишь, сразу глаза-то на меня перекинула. Даже титьку выплюнула. Имя узнала...

И заревели вдруг две бабы в голос. Заревели каждая о своём тяжко, натужно и до боли горько. Дело этим и должно было кончиться: давно уже мокрота подкрадывалась змеёю тихой. Машка подхватила их освободившимся от материнской груди ртом, громче, однако, женщин забазлала. Женщины стихли враз, будто кто выключатель вымкнул. Встрепенулась Глафира, схватила малышку и давай по горнице бегать, вину свою заглаживать: сами же две бабы-дуры на рёв малютку спровоцировали. Припала Машка к груди материнской, почувяла тепло родное, запричмокивала. Уснула.

Если за дело возьмутся две женщины, две матери, две жены; да за дело праведное примутся, тут не на два нужно умножать, а на какое-то большое-пребольшое число, которое не сразу-то и в голову придёт. Да что тут считать? Считай не считай, всё равно ошибёшься в меньшую сторону, ибо не измерить это дело меркой арифметической: мерой сердца женского оно меряется. А мера эта безгранична, как душа, как мысль, как Русь. Сила

такая образуется, что сокрушить может любые стихии; горы сравнять с землёй может, снега-льды растопить, лишь бы солдатушки дело до Победы довели! А женщины подмогут, ещё как подмогут! Женская сила да любовь, говорят, в разлуке крепчает, закаляется, как железо в горниле, как сталь булатная. Только вот не перекалить бы, не предать бы жару...

Повертела, повертела Зоя железяку в руках: края ладно обработаны, заусениц никаких нет. Гладенькая получилась, чем-то формой на сердце смахивает.

– Добро сработала, прямо мастер! – похвалила. – А как прицеплять таку железку ко груди, придумала?

– Вот посоветоваться хотела. Я думала: просверлю дырки вот тут и тут, верёвку на шею, а отсюда ремешок на спину, чтобы прижало к груди, чтобы не хлябала.

– Лишние дыры сверлить? А вдруг пуля, да в дырку проделанную...

– Ох, – всплеснула руками Глафира, – а я-то и не подумала.

Зоя вдруг посмотрела на фартук на Глафире.

– Повернись-ка!

Осмотрела сбоку и со спины. Взяла со стола железку и вложила её в нагрудный карман, пришитый как раз посередине для инструментов. Железка аккуратно вместились в карман, будто кто специально для того и приладил.

– Точно! – воскликнула Глафира, обняла Зою. Железо меж них оказалось, охолодило и одну и другую; в чувство вернуло, в умственную ясность.

– Снимай, – скомандовала Зоя, давай ножницы.

Глафира достала ножницы из ящичка, выдвигавшегося из-под столешницы. Неуверенно подала.

– Фартук... – хотела что-то сказать, но ножницы уже врезались в крепкую ткань.

– Придёт с фронта, новым обживётся. Неси иглу и нитки, будем зашивать, чтобы не обронился щит. Нитки суровые неси, чтоб не протёрлись там, чтобы выдюжили.

Пока железяку зашивали в фартук, пока тесёмочки примеряли, чтоб в пору были, снова вернулся разговор к тому, что туго приходится солдатам на фронте, что говорят скоро победа. И о том, какой ценой даётся эта победа, тоже обсудили. Поревели даже по-бабски – просто, без утайки. А от кого тут таиться в этом хлеву: только коза разве через стенку услышит, да до кур донесётся. Но они уже привыкши – наслушались...

– Как же он там без меня? Кто присмотрит? Он же у меня ребёнок ребёнком: ни поисть сам не может, ни обстираться... Одно твердит: «На войне как на войне». А как там на войне? Говорит, перед атакой не едят... – и Глафира погладила железку через туго облегающий её брезент где-то на уровне живота.

– Да, Гриня тоже мало чо про войну обсказывал. Всё о ребятишках спрашивал да говорил, что победа уже недалеко. А когда она, победа, уже придёт. Сколь народу ещё поляжет? – она осторожно поглядела на Глафиру, греющую металлическую пластину на животе. – Пусть хранит Бог твоего Никиту.

Перекрестилась.

– А я вчерась варенья наварила вишнёвого, Никитушка любит. Вот, – подняла Глафира с полу ящик фанерный, – завтра посылочку вышлю. Может, успею, помоги, Боже, сохранить жизнь Никитушке, – и тоже перекрестилась.

– Успеешь, как не успеешь: сколь труда, вон руки все в кровь разбила. Надо же так себя умаяла. Успеешь.

Глафира, ободренная соседкой, сбегала домой, чаю вскипятила, в мастерскую принесла, печенья заскорузлого достала, даже сахару кускового принесла. Сидят в хлеву, чай пьют, разговор ведут чисто женский, мужикам не всё понять. А где они, мужики-то?

Петухи запели, утро разругалось быстро, разноголосилось.

– Похоже, на дождь повернёт, – уже в дверях кинула Зоя.

– Ну и добре, давненько дождика не было, пусть польёт, пусть польёт, – уже вдогонку сказала Глафира, – тоже пойду, хоть чуток вздремну.

5

Сморило Глафиру. И снится ей опостылевший страшный сон.

Летит пуля, пущенная рогатым фашистом. Летит долго, однако: всю землю, считай, облетела. Гул от неё нестерпный стоит: во всю высь до неба, в землю глубоко уходит, и во всю ширь разносится, как зараза какая. Летит пуля, свистит, шипит, гудит. От звука этого зловещего всё живое прячется, как от чумы: звери притаились: кто в норку нырнул, кто в кустах схоронился, кто к траве припал, а кто того более – мёртвым прикинулся, вывернув живот кверху, да ещё и смраду напустил. Кто посмелее, зубы точут, когти вострят...

Во все семь углов Земли слышен вой этой пули, пущенной безжалостной и жадной рукой, пущенной, чтобы убить, истребить, повергнуть... Из Запада, однако, пущена пуля. Вся Европа старалась такую пулю отлить, чтобы сокрушить всё на Земле. Пущенная пуля всю Землю облетела. Ни одного человека на Земле не осталось, чтоб про эту пулю не слышал, чтобы не слышал её жуткого воя, её ужасающего свиста.

И никто не знает, как её остановить, как изловить, как уничтожить нависшую над Землёй опасность. Кто пытался – тех уж нет. Нет пока такой силы.

А пуля летит... летит... летит... Летит пуля, рогатым фашистом отлетая, с Запада летит, со стороны Европы летит.

И вдруг на её пути поднялась скала, утёс, глыба гранитная, несокрушимая, величиною до неба.

А пуля летит... Летит пуля... Самоуверенной пуле кажется, что это не утёс, не глыба гранитная, не скала, а кочка болотная. Так ей кажется, непобедимой пока и всесильной. Не верится ей, что есть сила такая, что может остановить, побить её – пулю.

Летит пуля, гудит, свистит, шипит. Не сворачивает от кочки.

Бежит в атаку Никитушка, и много ещё солдатушек бегут, кричат громко «Ура-а-а-а!!!».

Налетела пуля на скалу, на утёс, на гранитную глыбу!

И только шлепок, на плевков похожий, услышал солдат.

Сползла пуля пуговкой свинцовой по голенищу.

Плюхнулась в грязь. Наступил на неё Никитушка сапогом...

И наступила тишина. Не слышно пули.

И возрадовались люди, и повыползали из норок звери; запели громко и радостно птицы.

И зацвели сады, запахло в воздухе сиренью.

И пришла Великая Победа!

И возродилась жизнь.

Март, 2021

ПОЭЗИЯ

*****

Елена РУСАНОВА

Летом 1918-го

«Сыграйте нам! – распахивают двери, –
Так скучно с вами здесь по вечерам!»
Жара. И караульчики не верят
Ни в Бога, ни в Царя... «Ну что вы там?»
Охранники дымят, не подбирают
Приличных выражений, шутят зло.
И вот княжны великие играют.
Как будто это Царское Село,
Все счастливы и всё вокруг родное,
И кажется, что липы зацвели ...
А Екатеринбург охвачен зноем.
И тени туч сгущаются вдали.

Вербное Воскресенье

По дорогам первого апреля,
От слепящих радуясь снегов,
Что вокруг восторженно белели,
Шёл Он к нам с далёких берегов.
Это солнце, строгое доселе,
Всё своей объяло добротой,
Даже спины выпрямили ели
Перед сей процессией святой.
Под сугробом, с горечью жалея,
Что на свет пробиться не сумел,
Одуванчик плакал, – ведь светлее
Нет на свете праздников и дел,
Чем встречать грядущего Мессию.
Пусть на юге пальмы хороши,
Постилаем ветви мы другие –
Всю любовь и преданность души.

От морозов вербы не успели
Свой накинуть праздничный наряд
И трепещут, что к концу недели
Будет Бог замучен и распят.
Будет тьма, и гроб, и плащаницу
Каждый станет с верой лобызать.
И спасенье в Светлую седмицу
Нам Господь подарит всем опять.
Только б были искренни и святы
Мы в своих намереньях-сердцах,
Только бы как верные солдаты
Дослужили честно до конца.
И тогда в селеньях вечно тёплых
Поселит с собою нас Христос.
От Его объятий распротёртых
Даже нынче сдобрился мороз.

* * *

Не лучше ли молчать, не плоски ли слова?
У берега волну рукою не поймашь.
Так нехватен смысл, как неба синева,
Так звуки неточны, как издали луна лишь
Видна – бледна, ясна и только тайн полна.
Вот так тебе сказать хочу, но с полуслова
Нам не дано понять (так, видно, далеки),
А слово ложь плодит, последствия суровы...
Невысказанных чувств несметны тайники.

Возвращение

Мартовской птицей лететь высоко,
Там, где на город спускаются зори,
Где облаков вознеслось рококо,
И утонуть в чёрно-белом узоре
Липовых крон у ограды одной –
Словно и не было зимних печалей,
Словно вернуться навеки домой
Из расписных, да не ласковых далей.
И не мерещатся, въяве они –
В рыхлых сугробах жасмин и сирени,
Рыженьких свечек в окошках огни,
Храмовых стен домотканые тени.
В сердце вот-вот затрепещет рассвет.
И ничего драгоценнее нет.

Астрахани

О мой город, я грущу не зря	Старые кладбища... Питер южный –
О твоих катальпах и каналах,	На степных разросшийся песках.
О степных ветрах и астрагалах,	Порт, в котором, затаив дыханье,
О воде остывшей октября.	Наше детство плыло в облака...
О мой город, как бы ни был стар, –	Как же ты любила нас, река!
Ты ещё младенец в люльке Волги.	Тополёвой веткой на прощанье
Пусть ещё своей волною долго	Всем махала, преданным и нет,
Утешать тебя в гремучий жар	И благодарящим, и клянущим
И во все немирные столетья	Город и тебя жильцам грядущим
И баюкать – пристани качать –	Сохранить – оставим мы завет.
Будет, словно бабушка внучат,	Вы судьбою соединены –
Волга – и вовек бы не стареть ей!	Вспомнишь город, а представишь реку,
Город мой – гнездовье в тростниках.	Остров, Стрелку, Малую Царевку,
Заросли колючкою верблюжьей	То, чему извечно нет цены.

* * *

Ведро дельфиниума, вечер, и прося:
«Возьмите хоть один!» – мне вслед так робко.
Слеза старушки – божия роса,
Идём по ней – в пакетах и коробках,
В покупках несерьёзных с головой.
Священный маркет просит поклоненья.
В программе жизни вирус, минус, сбой,
Но души всё выносят, каменья.
Зачем давно дожившей до седин,
Ей, как подросток тоненькой, так поздно
Стоять дрожа, в сторонке от витрин,
Ждать милости? О, это признак грозный!

* * *

Да здравствует эпоха примитива! Где нанотехнологии царят, Уходят в стратосферу небоскребы И камни рассыпают ультразвуком, И даже кое-кто меняет пол, Но налицо все признаки гангрены. Мерцает исторический момент Нечисто плотным зраком преисподней.	Колеблется, подвержено сомнению. И мозг превозносящийся изъеден Пустившей всюду корни клеветой, И упрощаться некуда отныне... Да здравствует падение империй, Которое должны мы пережить, Да здравствует эпоха примитива! Хотя, кто знает, это, может быть, Аукнулось «господство» над природой...
---	---

* * *

День грустен, но листвы промокшей медь –
О роскошь фейерверков прошлогодних! –
Так хороша, что без конца смотреть
Могла б душа на чистые уголья
Аллеи старой, где из забытья
Дождями вербный пробуждён девичник.
Прохожий, погоди! С тобой смеясь
Я так хотела б влиться в гомон птичий.
Смотри, как тополей прозрачна сень,
Как в воздухе весны задорны звуки!
Прохожий! В этот майский тёплый день
Весь мир святой отрадой убаюкан.
У каждого гнезда стрекочет жизнь,
На каждой ветке щебет, ликованье.
Смотри! Жуком проснувшимся бежит,
Былинкой нежной вышла на свиданье
И солнца ждёт в смиренной неге – лист –
В открывшей глаз слегка заветной почке, –
Весна! И мох оживший бархатист
И зелен так, что в дрожь бросает строчки...

Тюменский театр

То ли айсберг, то ли ковчег, Но по городу денно-ночно Нежно-жёлтый, как вешний снег, Проплывает театр роскошный.	А вокруг шелестит листва, Что пора бы, давно пора бы По небесному трапу вам На чудесный взойти корабль.
Он у площади встал на мель Посмотреть, как вокруг фонтанов Ярко крутится карусель Детских стаек и тонких станов.	Охраняет его дозор – Голубиная стая-братство. Так красив он, что нежит взор Добрых жителей и пространства...

Весна

Где птичий восторг стоголос и высок,
Ныряют и плещутся в воздухе птахи, –
Дрожит тополёк в невесомой рубахе,
И свежесть вокруг, как берёзовый сок.
Но я-то не птица, не верба, не жук,
Замлевший в лесу одуванчиков жарких, –
Зачем этот взлёт с замиранием вдруг?
Зачем эта жажда земного подарка –
Недолгой отрады недолгого дня?..
Спасибо, весна, что волнуешь меня.
Иначе б я камнем замшелым была.
А в нём, как известно, душа умерла.

* * *

После бури слёзы сучьев сломленных По аллее зеленю блестят.	Торопиться, размышляя, что б ещё Изрубить, чтоб пользу принесла
И горит, горит повсюду скромно так Нежной мать-и-мачехи наряд.	Та торговля... Эх, купцы безродные! Разве роскошь ваша всем нужна?
И берёзка светится, молодушка, – Как серёжки клёнов зацвели!	Золотых монет дороже скромные, Те, что нам рассыпала весна,
Но не знает в зарослях соловушка, Что хозяин новый у земли.	Цветики весёлой мать-и-мачехи, Шум листвы дичков и тополей.
Будет строить яркое чудовище Из бетона, злобы и стекла,	Вы не благодетели – растратчики! Ох, очнитесь, милые, скорей.

Земляки (1943–2018)

Был Феофан рождён в Кармацкой
и в сорок третьем взят на фронт.
Теперь лежит
в могиле братской,
в Вайнёде, где полёг народ
за доброй Латвии спасенье.
Его могила номер пять.
Он в медсанбат в денёк осенний
с осколком прибыл умирать, –
совсем недавно восемнадцать.
«Живой он!» – мать была права.
Теперь они такими снятся,
а было б девяносто два...

ПРОЗА

*****

Аркадий ЗАХАРОВ

БЕДА ОТ ЧУБАЙСА

Быль

Петров всегда поражался удивительной способности своих сослуживцев в считанные минуты после окончания рабочего времени покидать здание администрации. Толпа служащих схлынула по широкой лестнице, и вестибюли разом опустели. Петров надел пальто, выключил свет в кабинете и не торопясь пошел к выходу. Спешить ему сегодня некуда: жена уехала в гости к дочери, а рыжего кота Чубайса, любимца жены, скорее всего, украли. Красивый был прохиндей. Жене его неожиданную пропажу никак не объяснить, для нее котяра как член семьи. Да и для Петрова тоже: вечерами нахал мурлыкал на его коленях и помогал расслабиться.

Как всегда после работы, Петров решил пройтись пешком. Вечер выдался не холодный, пролетал пушистый снежок и медленно ложился под ноги. Можно было размяться после восьмичасового сидения в кресле и отойти от постоянно сопутствующего его должности стресса.

Город еще не успокоился после дневной активности. Люди спешили по дороге домой заскочить в ближайские магазины в надежде отовариться дефицитом, под которым понималось буквально все, начиная с соленой кильки и далее по списку, исключая соль. Да еще хлеб двух сортов, который недавно появился после отмены талонов на него. До того синие талончики выдавались горожанам по прописке через жилищные конторы.

Есть у тебя городская прописка – получай талоны на месяц. Если приезжий – хлеба не продадут ни за какие деньги. Потому как его своим не хватает и потому как все должно совпадать: и количество жителей, и количество булок. Можно, конечно, отовариться хлебом в коммерческом магазине, но таких магазинов, как и кооперативных хлебопекарен, пока еще немного и всего спроса они не закрывают.

Импотентная государственная торговля недавно выделилась из-под крыла торгов и трестов, коммерциализировалась, но раскрутиться по-настоящему не сумела и пребывала в тревожном и тоскливом ожидании неминуемой приватизации по указанию какого-то Чубайса из окружения Ельцина. Зато оживились кооператоры, накопившие денег и спешившие вложить их в дело, пока капитал не сожрала галопирующая инфляция. И магазинчики в новых руках зачастую оживлялись. Один такой, бывший хлебный, во вставке жилого дома, окончательно захиревший, выпросили в аренду двое парней абсолютно некоммерческого вида и сумели преобразить его буквально за месяц. Хлебный как раз оказался на пути Петрова, и он решил заглянуть под вывеску «Работаем круглосуточно!».

Небольшая очередь выстроилась у кассы, вместо обшарпанных и пустынных хлебных полок высились пластиковые стеллажи с горячим кооперативным хлебом и калачами, а также пакетами макаронных изделий, сахаром, печеньем и пряниками. На отдельной горке дразнили глаз консервы молочные, рыбные и овощная продукция местного горпищекомбината. А возле кассы – ящики с пивом «Заречное» и «Монастырское».

Симпатичная кассирша не уставала улыбаться покупателям и предлагать на сдачу спички и кошачий корм.

Петров тоже купил горячий калач и чуть не взял пачку кошачьего корма, но вспомнил, что кот сбежал. Не удержался и похвалил магазин за пышные калачи. «Мы их сами здесь и выпекаем, в три смены, – похвасталась кассирша. – В бывших подсобке и складе, они нам без надобности: торгуем прямо с колес, ребята товар сами завозят, на своих машинах и сразу в торговый зал». Оставалось только удивиться, почему в госторговле до такого раньше не додумались.

Из подвального помещения соседнего дома появился удобный выход прямо на тротуар. Мерцающие огоньки над ним извещали, что теперь здесь магазин по торговле садовым инвентарем, инструментами и запчастями. А еще недавно он отпугивал прохожих фекальной вонью, кошачьим ревом и непонятной возней бомжей поблизости. Но вот нашелся предприниматель, заявивший, что если город пойдет ему навстречу льготной арендой на долгий период, то он возьмется навести в запущенном подвале идеальный порядок. Полузатопленных подвалов в жилых домах было предостаточно, жилищные конторы, на балансе которых они числились, клятвенно заверяли, что осушить их – неисполнимая инженерная задача по откачке грунтовых вод из-под всего города и что на это требуется много денег, очень много, а город их не дает.

У городских властей денег действительно хронически не хватало. Выплату зарплат бюджетникам задерживали по два месяца, а то и больше. Не до аварийных подвалов. Но мириться с разрушением фундаментов было нельзя. А потому в администрации решили рискнуть и сдать подвал в долгосрочную аренду с отсрочкой первого платежа на первый год эксплуатации. На бурные возражения со стороны инертного домоуправления реагировать не стали. И правильно сделали.

Оказалось, что осушить подвал вполне возможно, если заменить в нем прогнившие трубы водоотведения и водопровода, а заодно и отопления. Труднее было освободить его от многолетнего мусора и грязи и изгнать грызунов. Но арендатор со всем этим справился, и когда помещение засверкало кафельной плиткой, в новый магазин пригласили городских депутатов. Сдачу в аренду признали наиболее перспективной формой получения доходов от городского имущества. И процесс, как тогда говорили, пошел. С трудом, скандалами, судебными исками и выселением должников по оплате. Неудачливые арендаторы в своих бедах винили чиновников и грозили ответом на их нежелание вникать в обстоятельства.

Возле перекрестка – обшарпанная афишная тумба с плакатом «ПриватиЗАция!» И ниже на нем усталого вида рабочий-станочник, как бы рассуждающий: «Никогда не думал, что могу стать акционером. И вот – буду!» «Счас, будешь! – подумалось Петрову. – Да только не понравится». Команда Чубайса озаботилась распечаткой подобных афишек для всей России. Петрову довелось повстречаться и даже пообщаться с этой командой на региональном семинаре Госкомимущества «Паблик релейшен».

Госкомимущество на пыль в глаза будущим проводникам приватизации денег не пожалело. В дни, когда вся страна барахталась в попытках выжить, семинаристов разместили на загородной базе оборонного завода с номерами люкс, трехразовым питанием и вечерними экскурсиями то на пивзавод, то на ликеро-водочный для дегустации и обмена опытом.

После утренней раскочки и регистрации в зимнем саду состоялась ознакомительная встреча с руководителями и лекторами семинара.

Обнаружилось, что из всей заезжей команды Госкомимущества только ее руководитель способен говорить и понимать по-русски, остальные собирались обучать азам приватизации исключительно через переводчика. Впрочем, лекторов языковой барьер весьма мало беспокоил. Главное – вычитать часы и получить гонорар в долларах.

Выяснилось, что «Паблик релейшен» – это публичная реклама с упором на приватизацию. Каждый из лекторов начинал с того, что он представитель великой Америки, следовательно все им сказанное – аксиома, не подлежащая сомнению. А потому слушателям следовало понять и запомнить каждое слово, изложенное переводчиком. Предлагалось усвоить, что реклама предназначена для того, чтобы нести идеи приватизации в массы. Она должна быть убедительной, доходчивой, настойчивой, вездесущей, скрытой, проникновенной, запоминающейся на уровне подсознания, эффективной и необязательно достоверной. А для этого все способы хороши: печать, пресса, радио, телевидение, кино, наружная реклама, лекции в коллективах и в семейном кругу. И когда в приватизацию поверят, она станет неизбежной. Приватизация табачных плантаций в Боливии тому пример...

На это один из слушателей возразил, что Россия не Боливия и табачные плантации – не космическая отрасль производства. Лектор на это покраснел, поперхнулся и не нашел другого довода, как обозвать вопрошающего коммунистом и антирыночником. Аудитория промолчала.

К концу третьего дня состоялся завершающий банкет с обильными возлияниями и тостами. Организаторам семинара накрыли отдельный стол с особыми напитками и соответствующими закусками. Черную икру поставили в глубокой салатнице. Вложенная в салатницу ложка как бы намекала, что икру в Сибири так, ложками, и едят обычно. Потому что этого добра у нас предостаточно. Но америкосы российской щедрости не поняли и, кажется, к икре даже не прикоснулись. Пока не употребили «Скотч виски», после которого их прорвало тостами. Тостующие внушали присутствующим, что сегодняшняя встреча станет главным событием их жизни и даже всей страны.

Надменное поведение америкосов возмутило многих. Но ответить решился один Петров: «Многоуважаемые господа! Мы благодарим вас за то, что поделились своим видением наших проблем в экономике. Кое-что нам действительно пригодится, но копировать ваш небольшой опыт бездумно мы не будем. Уж извините, Россия не США, а Москва не вся Россия. Вам повезло побывать в местах, откуда зарождалась значительная часть американской истории. Мы первые задолго до англосаксов пришли на Аляску, в Калифорнию и построили там свои города. И даже неофициальный гимн Соединенных Штатов «God Bless America» написан тюменским евреем Ирвином Берлином, которого у нас знали как Израиля Бейлина. Мы сами ушли из Калифорнии, но можем и вернуться. А потому еще раз «гуд бай» и счастливого пути».

Неизвестно, как это прозвучало в переводе, но было заметно по лицам, что сказанное гостям не понравилось. На этом тосты закончились, и начались танцы. Сосед по столу пожалел Петрова: «Окончилась твоя карьера. Противостояние янки горько тебе отрыгнется». Не отрыгнулось.

Асфальт у автобусной остановки заплыван подсолнечной шелухой. Толстая тетка торгует семечками прямо из мешка. Семечки жирные, ядреные, явно из-под Чернобыля. Рядом примостился красноносый субъект с плакатом на груди: «Куплю ваучер. Дорого». Ну дорого уже

не купит. Цена на них упала после того, как городские депутаты отказались принимать на торгах бесполезные бумажки в оплату за городское имущество.

Держатели скупленных приватизационных чеков пытались поднять скандал, призвали на помощь облкомимущество, даже и прокуратуру, но безуспешно. Депутаты выстояли: «У вас своя собственность – государственная, у нас своя – муниципальная. И никто нам не указ, даже Чубайс».

Некоторые ваучерные дельцы от этой акции сильно пострадали: думали расплатиться халявными бумажками по итогам торгов, а пришлось деньгами. «Малиновые пиджаки» давили на Петрова, требовали принять ваучеры, даже угрожали, предлагали мзду, но бесполезно. Не мог он проигнорировать решение депутатов и пойти дельцам навстречу: все под контролем. Только кучу врагов среди безбашенных новых русских, несомненно, нажил. И не одного, как оказалось.

Рядом примостилась кучка игроков в наперстки. Ловкий паренек манипулировал на фанерке тремя наперстками: «Я Фока-морока, приехал с Дальнего Востока, кручу-верчу, обыграть хочу. Под которым горошина?» Ключувший на обман лох конечно же ошибается. Пытается уйти, но ему не дают сообщники манипулятора: «Куда ты, отыграйся, повезет обязательно!» И удерживают за локти. У шайки мошенников выиграть невозможно. Уйдет мужик раздетым.

Милиция весь этот беспредел как бы не видит. У нее заботы серьезнее. С развалом СССР финансирование органов сократилось, лучшие сотрудники поспешили уйти на пенсию. Замены им пока не нашлось. А потому криминал в городе расплодился почти безнаказанно. Появились конкурирующие группировки. Синие – заслуженные бродяги из мест недавнего заключения и их молодые «шестерки», наглые глупые быки и солдаты, кандидаты на скорую отсидку, не обязательно короткую. Кодла чтит воровские законы, промышляла по старинке, ненавидела отступников и узнавала своих по синим пальцам и черным кожаным курткам. Заправлял ими неглупый авторитет по кличке Гонза. Кучковалась верхушка этой шоблы в бильярдной «Пирамида». Сколько всего синих в кодле насчитывалось, знал только их пахан.

Другая группировка состояла из бывших спортсменов. Сказать, что она превосходила интеллект членов блатной кодлы, было бы опрометчиво. Новоявленные бандиты не признавали никаких законов, не имели кодекса чести, качали бицепсы, пили анаболики, не пили спиртного и запасались оружием. Главной своей задачей они считали «рубку капусты» рэкетом, овладение недвижимостью, продвижение в органы власти своих людей, а также покупку и подчинение уже в ней укрепившихся. В качестве униформы спортсмены носили штаны с лампасами, золотую цепь на шею и короткую стрижку. Главари собирались в ресторане «Россия», где обсуждали разные криминальные «темы» и раздел влияния с «синими» в городе на доходные места.

Иногда между группировками возникали «непонятки», «разборки», «стрелки», в результате которых на кладбище появлялась пара-тройка мраморных обелисков с венками «от братвы».

Были еще «афганцы» и «казаки», но у них сил едва хватало лишь на то, чтобы защищаться от притязаний спортсменов и «синих».

Милиция за всем этим шухером внимательно наблюдала, но ограниченная в возможностях и сотрясаемая реформами системы, проявляла активность исключительно «по фактам», совершенно запустив профилактику.

Для самозащиты от вполне вероятных наездов «братвы» всем ответственным сотрудникам комитета выдали служебное газовое оружие. Петров выбрал себе пистолет поменьше, чтобы было удобно носить его в кармане пальто. Он постоянно лежал во внутреннем кармане, не особо его оттягивая. Против бродячей собаки может и защитит.

А криминал становился все наглее и назойливее. Некоторое время назад в кабинет Петрова заявился обильно татуированный молодчик с пузатым крафтмешком. Без долгих предисловий он заявил, что братва послала его покупать магазин «Детский мир». В подтверждение развязал мешок, туго набитый кредитками. И пообещал добавить еще столько, если мало покажется.

От такой непосредственности блатного Петров опешил и отшатнулся. Но вовремя сообразил, что резко возражать и отказывать нельзя: не тот случай, чтобы подставлять свою голову. А потому пригласил присесть и предложил чаю. На что посетитель возразил, что не время сырость в животе разводить, и предложил перейти к делу. Уверенность и жесткий тон посетителя не вызывали сомнений в серьезности его намерений: таких братки числят «быками».

Чтобы разрядить напряжение, Петров расплылся в улыбке и похвалил покупателя, сообщив, что продать «Детский мир» давно пора, поскольку без дотаций государства на детские товары он стал убыточным, здание древнее, аварийное и проблемное в эксплуатации. А потому он сам продать магазин готов хоть сейчас, но боится, что при существующем порядке покупатель и денег лишится, и магазина не получит.

«Это еще почему?» – удивился бык и поспешно сжал горловину денежного мешка синими пальцами. «Да потому, чтобы приватизировать любой объект, следует подать заявку на это в комитет по управлению имуществом. По заявке там сформируют комиссию с участием трудового коллектива и депутата, оценят активы и примут один из трех вариантов приватизации: аукцион, конкурс или акционирование. Затем объявляются открытые торги, в которых может принять участие не только заявитель, а всякий добросовестный покупатель, способный официально, от своего имени, внести задаток в десять процентов объявленной начальной цены. Заявки на участие подаются в закрытых конвертах, анонимно. До начала торгов никто не может знать имена участников. А на торгах аукционист поднимает цену, и кто даст большую, тот и выиграл.

Бывали случаи, что участник, желая обогнать конкурентов, нагонял цену, которую сам в течение трех дней оплатить не смог, и лишался внесенного им задатка. Результаты торгов обязательно публикуются в печати с указанием имени покупателя и стоимости приобретенного имущества. А все протоколы прошедших торгов обязательно получает прокуратура. И очень внимательно весь порядок отслеживает. Да и на торгах обязательно прокурорские присутствуют. Могут спросить, откуда денежки. Если придутся к нарушению порядка, приватизация безусловно аннулируется, а задаток не возвращается. Вам это надо?»

«И кто такую шнягу замутил?» – поинтересовался покупатель.

«Чубайс», – отмахнулся председатель.

«Погоняло знакомое. Он в какой зоне чалил?» – оживился бык.

«Да нет, пока не успел, как мне известно».

«Значит присядет. Куда он денется, – обнадежил на прощание покупатель. – Однако такой расклад нам не в жилу. Проще отжать пару магазинов у лохов. Бывай!»

Петрову в тот раз повезло не влипнуть в конфликт. А с другими не всегда сходило гладко. Совсем недавно скопивший капитал на Севере мутный предприниматель выкупил на окраине отдельно стоящий магазин с обширной дворовой территорией, которую тоже планировал приватизировать. Но при детальном изучении документов выяснилось, что в состав уже выкупленного им имущества не вошел капитальный склад, исключенный из плана приватизации потому, что частично оказался за красной линией застройки и подлежал сносу в будущем.

Петров предложил коммерсанту использовать его до сноса на праве аренды. Но предприниматель, уже считавший склад своим, оплачивать аренду отказался и переговоров вести не стал. В результате был изгнан из склада судебными приставами. Склад сдали во временную аренду под СТО и шиномонтаж. И казалось бы, на этом история закончилась. Но не так. Новый русский затаил злобу уже непосредственно на Петрова, считая, что лично он его «кинул и должен». И не успокоился: досаждал жалобами и пытался вызвать «на стрелку». А на прошлой неделе позвонил и обвинил Петрова в поджоге, за который придется ответить. Прозвучала уже серьезная угроза, и Петров направился в отдел собственной безопасности.

Безопасник Коля Степанов визиту ничуть не удивился: «Долго они до тебя добирались. Ты же знал, на какую должность соглашаешься. Если не уступаешь и взятку не берешь, непременно будут компрометировать или вовсе устранять. По стране немало таких случаев. А ты как был начальником производства, так им и остался. В твоей квартире даже дверь обычная, окна без решеток и телефона нет. Пора слегка обезопасить. Для начала заявим в РУБОП об угрозе муниципальному чиновнику, потом займемся сигнализацией».

В региональном управлении по борьбе с организованной преступностью руководство комитета хорошо знали и даже вели с ним переговоры о дополнительных площадях для размещения оперативного персонала. Потому без долгих раздумий оттуда послали наряд в масках и с автоматами, который скрутил неумного шантажиста и доставил его в камеру, в компанию к таким же придуркам. Ждать разбирательства и обдумывать происшедшее суток трое.

А безопасник, обрадованный конкретным поводом показать свою нужность и значимость, тем временем надавил на нужных людей, и используя старые связи и авторитет мэрии, установил в квартире Петрова телефонный аппарат и охранную сигнализацию, для которых пришлось протянуть воздушную линию полевым проводом от соседнего дома. «Вот смотри, – инструктировал безопасник, – на пульте кнопка срочного вызова. Если возникнет угроза проникновения в квартиру – нажмешь ее, и за три минуты прибудет наряд вневедомственной охраны. Они проворнее, чем дежурная часть милиции – тех не дождешься».

Путь домой шел мимо мужской парикмахерской, которую год назад приватизировали по конкурсу. Покупатель под гипнозом умелого аукциониста сам себе нагнал за нее несоразмерно высокую цену, чем удивил не только участников торгов, но и самих организаторов. По условиям конкурса новый собственник обязан был сохранять специализацию парикмахерской в течение трех лет. Петров решил посмотреть, как это условие здесь соблюдается, а заодно и постричься. Девчонки Петрова узнали и засуетились в желании услужить.

«Ну как вам новый хозяин? Не прижимает?» – поинтересовался Петров.

Последовал дружный смех: «А мы его только один раз и видели. После приватизации он зашел к нам с корзиной цветов, шампанским и шоколадом. Разрешил нам работать на свой карман, но платить налоги до тех пор, пока он не отсидит срок за неуплату алиментов. Скоро уже должен обнаружиться. Ловко придумал, как сохранить от ареста свою «капусту» при нынешней инфляции и беспределе. А нас это даже не волнует: мужики никогда постригаться не перестанут». Петров с ними согласился. В зеркале он увидел себя сильно уставшим: сказывалось ежедневное нервное напряжение.

Денег за стрижку парикмахерши с него принципиально не взяли.

Вчера, когда он отключил телевизор после просмотра вечерних новостей и уже снял рубашку, чтобы прилечь, но раздеться полностью не успел, раздался настойчивый и долгий дверной звонок. Петров никого не ждал, да и некому было заявиться в столь поздний час. В дверной глазок удалось разглядеть девицу в меховой шубе, очень похожую на школьную подругу его дочери. «Черт их по ночам носит. Пора домофон ставить, шляется кто попало», – проворчал Петров.

И чтобы не предстать перед девицей в нижнем белье, надел пальто и только тогда открыл дверь. В дверном проеме предстала незнакомка в китайской собачьей шубе в пол. Уставившись на Петрова расширенными зрачками черных глаз, она яростно заверещала: «Пустите меня, спасите меня, я боюсь, за мной гонятся!» И попыталась отжать Петрова с порога, чтобы проскользнуть внутрь. Но тот не поддался: наглая девица походила на наркоманку. В сумрачной лестничной клетке никто не просматривался, было тихо и не слышно шагов или подозрительных шорохов.

Петров оттеснил незнакомку на площадку и захлопнул за собой дверь: «Что-то ты врешь, голубушка. Посмотрим, кто за тобой гонится». И вынул газовик из кармана. Неотличимый от «Макарова» пистолет произвел на девицу сильное впечатление. Переменившись в лице, она вдруг развернулась и засемила по лестнице к выходу. Петров не отставал до самых наружных дверей. В пустынном дворе не оказалось ни души и никаких преследователей. Не вдаваясь в объяснения, незнакомка бросилась бежать не оглядываясь. А Петров вернулся в квартиру и долго не мог уснуть, обдумывая произошедшее.

Утром он рассказал о неожиданном визите Коле Степанову. Безопасник происшествию даже не удивился: «Наезд на тебя продолжается. Разложим его по косточкам. Весь дом знает, что твоя жена в отъезде, ты в квартире один. Окна квартиры насквозь просматриваются, легко определить, когда ты раздеваешься перед сном, но еще не лег. В этот момент в дверь звонит красотка, просит ее спасти и впустить в квартиру. Расчет на то, что ты растеряешься, вступишь, она заходит и сбрасывает шубу, под которой ничего нет. Ты тоже в нижнем белье. Она дико кричит на весь дом, что ты ее насилуешь. Сбегаются свидетели из засады на верхней площадке, соседи, фотографии. А потом милиция, экспертиза, долгое следствие и усиленное внимание прессы. Ты думаешь, мэру это понравится? На это и рассчитывали. А ты им весь кайф обломил: оделся, в квартиру не пустил, да еще и пистолет вынул. Считай, что повезло. Но будь начеку – шпана вряд ли успокоится. Кому-то ты крепко мешаешь».

Петров и сам об этом догадывался. И мысленно перебирал в уме недругов, которых набиралось больше десятка. Шло перезаключение договоров аренды, некоторым злостным неплательщикам приходилось отказывать и требовать освободить уже обжитое помещение. Неудачливые предпри-

ниматели просили о снисхождении, отсрочке выселения. Петрову было искренне жаль разорившихся, но поступить по велению совести он не мог, а только исключительно по закону.

Чиновник не вправе отступать от установленного инструкциями порядка – он только шестеренка, которая крутится в заданную сторону. Остановился или повернул назад – получишь по зубам, так, что они вылетят. Не все обиженные это понимали, винили в своей беде лично Петрова и уходили озлобленные на него и весь свет. На прощание испортить Петрову жизнь могли попытаться многие из них. Стоит им пообещать наркоманам дозу, те без промедления кого угодно отхлопают, безжалостно и невзирая на лица. «Братки» берут дороже и тоже на все способны и без проблем со нравственностью.

Петров не раз пожалел, что поддался уговорам главы города, разглядевшим его среди муниципальных депутатов и решившим сосватать его в свой аппарат. «Никаких благ я тебе не обещаю. А прошу поработать на пользу города. Мне нужен честный и неподкупный помощник в комитете», – уговаривал он. И Петров на лесть купился. Никаких благ он действительно в управлении имуществом не заработал, если не считать головной боли. Как и раньше, он продолжал жить в старом заводском доме еще сталинской постройки, в три этажа и три подъезда. Жильцы в нем менялись очень редко, все работали на одном заводе и о соседях знали все и обо всех. А потому даже домофоны на дверях подъездов не поставили: чужие здесь не ходят.

Квартира встретила Петрова пустой и темной прихожей. Обычно его встречал кот и радостно терся об ноги, мешая разуваться. Петров его терпеливо отталкивал и уговаривал отойти. Котище радостно мяукал и приглашал за собой на кухню, к холодильнику. Но сегодня его приятеля не было, и оттого квартира казалась нежилой и пустынной. После ежевечерних пельменей, чая и просмотра программы «Время» Петрова стало клонить ко сну. Усталость брала свое, и смотреть выступление милейшей Вики Цыгановой не оставалось сил.

Петров выключил телевизор и упал на подушку. Перед глазами плыли разноцветные пятна, обрывки образов и слов... Но сон прервали настойчивые звонки в дверь. Петров мгновенно вскочил по армейской привычке реагировать на колокол громкого боя. И не отдавая еще отчета своему поведению, подкрался к двери и осторожно посмотрел в глазок. Два мордovorота на лестничной площадке внешностью не вызывали сомнения в принадлежности к «братве» и целях визита.

«Наезд продолжается», – догадался Петров и вспомнил о красной кнопке на пульте вызова вневедомственной охраны. Не включая света, он нащупал ее, и когда контрольная лампочка замигала, пошел одеваться. Настойчивые звонки между тем не прекращались. Петров же не торопился и тянул время в ожидании наряда. Натянув рубашку, брюки и тапочки на босу ногу, он через дверь сонным голосом спросил: «Кто там скребется в поздний час?»

Последовал жесткий ответ: «Гражданин Петров? Мы из милиции! Открывайте немедленно!»

Петров возражать не стал, но попросил: «Можно я оденусь?»

За дверью согласились: «Одевайся скорее!» И прервали звонки на время.

А Петров через окно осмотрел двор, чтобы убедиться в наличии милицейского УАЗика. Но у подъезда чадил только старенький «Москвич»,

на каких милиция не ездит. Ежу ясно, что и визитеры не из правоохранителей.

Между тем терпение у гостей кончилось, и звонок снова невыносимо задребезжал.

И Петров продолжил диалог с пришельцами: «А почему вы не в форме? Удостоверения у вас есть?» За дверью нисколько не ступевались и через некоторое время перед дверным глазком замелькали красные корочки со скоростью, исключаяющей их прочтение. Петров как бы удовлетворился и попросил замедлиться. За дверью согласились и придвинули удостоверение к самому глазку, чтобы все равно не прочесть: «Теперь убедился?».

Но Петров тянул время и продолжал расспрашивать: «И что же вам нужно, господа офицеры?» В ответ офицеры забарабанили в дверь так, что она задрожала в судорогах, как перед кончиной, но изготовленная в советские времена из массивного дерева, перед напором выстояла. Тщетность попытки ее выбить поняли и визитеры, а может, устали и потому пинать перестали, но продолжили давить на психику: «Сам не откроешь, мы войдем силой. Мы из шестого отдела ГУВД по поводу вчерашнего изнасилования, не усугубляй!».

«Ну вот и прояснилось, что вы за гуси. И шестого отдела в ГУВД нет, и изнасилования не было. А явились приятели вчерашней девицы пошантажировать», – догадался Петров и решил, что будет защищаться до конца, если вызванные защитники опоздают.

Только бойцы вневедомственной охраны подкатили вовремя и внезапно. Неожиданное появление в подъезде сотрудников с автоматами сразу остудило пыл разгорячившихся, и они залебезили: «Да мы что, мы ничего, мы просто так, ошиблись адресом». «Разберемся», – пообещали бойцы ОВО и защелкнули наручники на обоих.

Петров открыл замок и, стоя на пороге двери, рассказал о налете. Сосед, все с самого начала слышавший, тоже вышел и подтвердил. Молодчиков обыскали на месте и изъяли у обоих ножи и фальшивые милицейские «ксивы». «А ты уверял, что в доме телефона нет!» – прошипел один второму. «Так его и не было. Неизвестно откуда взялся», – скривился подельник.

Расписавшийся в протоколе задержания сосед ушел, ворча, что менты бандитов за первым же углом выпустят, а Петров замешкался, глядя, как уводят задержанных. И вдруг увидел, как снизу, от дверей подъезда, задрав пушистый хвост, торопился по лестнице его давно пропавший Чубайс. Неожиданное явление пропавшего затмило все предыдущие неприятности. Забывшись, Петров шагнул коту навстречу и нагнулся, чтобы скорее подхватить на руки. В тот же миг освобожденная от удержания петровской спиной дверь не устояла перед сквозняком и мягко затворилась, щелкнув автоматическим замком.

Счастливец еще не ощутил, что остался стоять на холодной лестничной площадке без ключей от квартиры, в тонкой рубашке и тапочках на босу ногу. Он прижимал к груди отощавшего котикшу, гладил его и не переставая повторял: «Чубайс окаянный! Жулик ты этакий! Наконец ты домой пришел, сволочь, и сам нашелся! Какая радость, какое счастье! Такое счастье!».

А Чубайс не понимал, в какую западню он заманил Петрова, довольно жмурился и мурчал. Ему были неведомы людские проблемы – лишь бы самому поесть.

Но его хозяину домой следовало как-то проникнуть. Хорошо, что квартира была на первом этаже, а потому можно было выставить стекло из оконной рамы на кухне. Для этого сосед одолжил ему табурет и отвертку. Оставив Чубайса ждать на коврик у двери, Петров, ежась от холода на табуретке, взялся отковыривать штапик на кухонном окне. Было темно, и штапик не поддавался.

А тем временем парный наряд милицейского батальона срочной службы завершал дежурство и возвращался в райотдел коротким путем через темные дворы. Дежурство прошло без происшествий и задержаний, похвалиться перед начальством было нечем. И вдруг – удача, оба увидели, как подозрительный мужик пытается выставить стекло в темном окне первого этажа. «Берем домушника!» – скомандовал старший наряда и не раздумывая нанес Петрову удар резиновой дубинкой. «Бандиты вернулись!» – едва успел подумать Петров и, не удержавшись на шатком табурете, упал, ударился головой и потерял сознание. Очнулся задержанный уже в милицейском УАЗике, он не понимал, что происходит, и почти не мог говорить: голова ужасно болела.

В дежурной части милиции его оформили как неизвестного, задержанного при попытке незаконного проникновения в чужую квартиру через окно, которое тот пытался вскрыть при помощи отвертки. Документов у задержанного не оказалось. Неуверенные и несвязные попытки Петрова объяснить, что во всем виноват Чубайс, милиционеры с хохотом во внимание не приняли, отложив разбирательство до утра, когда заступит на дежурство дознаватель.

А утром, просматривая милицейскую сводку происшествий, глава города прочел, что ночью при попытке незаконного проникновения в квартиру через окно с помощью орудия взлома – отвертки большого размера – был задержан назвавшийся сотрудником администрации города гражданин Петров. При задержании он оказал сопротивление, и к нему было применено спецсредство. В отношении задержанного производятся следственные действия...

А виновник всей этой заварухи – рыжий Чубайс хитро жмурился, далекий от людских неприятностей. Чубайс знал, что в этом дурдоме он главный. А люди существуют исключительно для удовлетворения его потребностей. И не более.

ПОЭЗИЯ

*****

Валерий ЕРМОЛАЕВ

* * *

Поэты в городе гостили
и... не случилось ничего:
мещане дружно ели, пили
в угоду чрева своего,
юнцы кололись героином,
копался в грядах ветеран
и для утех простолюдинов
светился голубой экран.
Но все ж десятка три сограждан
в назначенный собрались срок,
и стал на этот вечер каждый
печальник, мытарь и пророк.
Им гости вперебой читали,
срывая словно тормоза!

Слезой и мыслью отвечали
им благодарные глаза...
Катилась месяца монетка
за равнодушные дома,
над тоненькой тетрадкой в клетку
сидела девочка впотьмах.
Ей стал казаться город странным,
с душой, закрытой на засов,
а мир иной и пестротканый
врывался вереницей слов!
Ее пером перед рассветом
недоумение вело:
гостили в городе поэты
и не случилось ничего?!

* * *

Идти без цели в глушь березняка,
сойдя с просёлочной размокшей глины,
в ориентиры выбрав на пока
столбы заросших телефонных линий,
и размышляя праздно обо всём,
неволью перейти – о смысле жизни,
что так естественно в раю лесном,
как, впрочем, и везде не будет лишним,
о смысле жизни – с сердцем тет-а-тет,
наполненным слепой горячей кровью
страстей, тревог и призрачных надежд
до ангельского пенья в изголовье...

О смысле жизни, впрочем, высоко
замахиваться думой не без толку ль –
тотчас сомнение хладною рукой
возьмёт за горло мёртвой хваткой волка.
Не слаб ли разум твой ответ искать –
каким умам он прежде не поддался?!
Но для чего-то думалось опять?
Куда пути ведут, понять пытался,
как всё ж куда-то именно вели
те же столбы своими проводами?
И для чего-то Боже одарил
непрожитыми наперёд годами?

СТРАНА ЕСЕНИНА

Ещё страна берёт в свой плен,
страна – колосс, фантом де-юре,
страна, встающая с колен
в преддверие вселенской бури.

Его ж России больше нет.
И лик её запечатленный –
в посмертной маске горький след
слезы твоей, Сергей Есенин.

Твоих стихов небесный китч,
сочит, как кровь из русской раны.
Кому – как журавлиный клич,
Кому – сорваться песней пьяной.

Дохнёт надрывная строка –
и свет души разгладит лица.
Не потому ль так дорога
нам песнь крестьянского провидца?

МУЗА

На подоконнике сидела
в бумажных простеньких чулках,
в мои глаза она глядела
и плакала в моих руках.

А вечером заулок сонный
встревожит разудалый свист.
Через остывший подоконник
в дом влезет пьяный тракторист.

Я целовал её колени
и их запретное тепло
текло в строку стихотворенья,
что долго сердце берегло.

Она его привычно примет,
давно попавшая в силки,
а тот неторопливо снимет
с неё бумажные чулки.

ТВОЙ ОБРАЗ

И хотя он давно уже – памяти дуновение,
юности слабое и чистое стихотворение
с робким «NN» его посвящения,

твой образ застыл с твёрдостью геммы,
как знак вторжения гендерной темы,
с небесного и земного вечной дилеммой,

и дрожь твоего худенького плеча,
как на сердце выжженная печать –
всё ещё горяча.

ПОЭТ

Алексее Ситникову

1

Вот читаю, Лёша, друг ты мой хороший,
загораясь, строфы жаркие твои –
дых сжигая перцем, прут, взрывая сердце,
нет на них Главлита, нет на них ГАИ!
Их читать мне любо, потому что любы
строчек закорючки, просто не могу –
в грудь вонзились жалом, разожгли пожаром
кровообращение в мозгу.

Сгоряча и грезя, плача и горяя,
и высоким слогом, в мать и перемать!..
Только если бредишь так о нашей жизни,
о посмертной славе можно помечтать.
Поэты ли мы, Лёша, лепший его знает,
раздувает ноздри наш лихой Пегас,
и покажет время, что целуя в темя,
Боже не ошибся, привечая нас.

2

Поэт – терпила всех времён,
всемирного терпенья клон.
Тер-петь – петь в терцию с судьбой,
от слёз немеющей губой,
и смерть пытаться рифмовать...
у гроба, где родная мать,
и ямбом бредить... в туалете –
вот участь мерзкая поэта.
А все духовные порывы
не превращаются в прорывы,
как вновь пришедшая любовь
лишь отравляет кровь.

«Поэт – зри в корень, щупай атом...»
Поэт – патологоанатом?
Насмешник, пьяница, борец,
провидец, сволочь наконец,
люби жену, а если край –
подол берёзам задирай,
снимай домашнее кино,
смакуй дешёвое вино,
потом над этим воспаряя,
в бирюльки с музами играя,
гляди на это всё внизу
сквозь однозначную слезу...

Поэт, ну это разве званье,
скорее, глупое призванье
глаголом жечь, искать родник,
мычащий веселить тростник,
не превращая ни в кого,
не изменяя ничего.
«В ком наше слово отзовется»...
Когда уж соловей очнётся?
Конец всему, как ни свисти!..
Лишь ник твой будет жить в сети...
И как поэту с этим жить,
и что на это возразить?

* * *

Пора уже славить любовниц,
простушек и ветреных жриц:
дай счастья вам, грешно-безгрешным
из сонма прекрасных блудниц,
что жизнь мне наглядно казали
посредством своих неглиже –
всем вам, что меня вспоминают,
вдвойне – что забыли уже!

Ну кто тут с камнями, бросайте!
И бросят, хотя бы жена!..
Тропинка из рая земного
в небесный давно сожжена.
Кто ж юность пропел без орехов?!
Беру на себя все грехи.
Девчонки, а вам в оправданье –
нескромные эти стихи!

* * *

Будь хоть рабом, хоть полубогом,
коль жизнь твоя рассечена
легендой, сплетней, некрологом,
яснее ль от того она?

Пень всё о дереве расскажет,
всей жизни выдаст естество,
по кольцам спиля всё покажет,
да только дерево мертво.

Вот в луже, по границе сфер
скользит бесстрашно водомер,
и ведь, мудрец, не режет, глядь,
живой воды живую гладь!

* * *

Уводил её в сирени,
трогал спелые колени,
проливал, смеясь, «бордо»,
чтоб поцеловать бедро,
с позволенья баловницы

нежно гладил ягодицы,
был так нежен и влюблён..
Вот такой приснился сон!
...Под покровом платяца
тайна жизни прячется.

* * *

Клепают тоннами куплеты!
Не пропадёт упорный труд,
ведь сонмы нынешних поэтов
конец поэзии куют.

ПРОСТИ

Ты как во поле берёза,
как в жару глоток воды.
Без тебя – ну вытри слёзы! –
ни туды и ни сюды.

Ты особого закрой –
с тобой люблю рядом лечь.
Из берёзы дом не строят,
ею топят в доме печь.

ПРОЗА

*****

Валентина ЯВИД

ЗАЩИТА ДУХА МЕДВЕДЯ

Жизнь северного человека нельзя представить без тундры и леса. Лесотундра нас греет, кормит, оберегает. И очень хорошо, если еще и находится недалеко, совсем рядом. Когда запросто можно побродить по таинственной бескрайней тундре и всегда загадочному лесу. А сколько интересного, красивого и живописного можно увидеть в ней. Здесь и птицы, и звери, здесь грибы, ягоды. Здесь просто великолепно, просто красиво. Сколько красивых мест можно встретить на своем пути. Недалеко от дома протекает речка, а сразу за ней начинается лес. Плеск волны. Спокойствие. Все плохие мысли остаются далеко, только ты и природа.

Август. Великолепная картина уходящего лета и наступающей осени. Хотя немного и грустная – облетают листья, оголяется от зелени земля. Отцвела морошка. Налились, вобрав все целебные соки земли, другие северные ягоды. Каждая ягода имеет свой вкус, свои особенности, свои места обитания. И каждая ягода имеет свое время созревания, свое время сбора. Вначале морошка, потом черника, голубика, брусника и северная клюква. Подойдет осень, так там свои урожаи – шиповник, листья брусники.

Однажды теплым днем я решила отправиться за ягодами и грибами. Мы с дочерью пошли вдоль реки Харампур. Я хотела собрать самую сладкую ягоду в тундре – княженику. Кто не любит эту ягоду? Она слаще меда, слаще сахара в тундре, и все, мал и стар, очень любят полакомиться этой ягодой. Идем не спеша, радуемся, что много ягод соберем. Мы поразились красоте и покою, царившему здесь. Вокруг раздавались мелодичные трели. Это перекликались между собой птицы. Ветер кружил листья в воздухе, и они медленно опускались на землю, застилая его багряным и золотым ковром. Поднимешь глаза, а прямо над тобой янтарные солнечные блики в облаках искрятся, лучиками в лужах отражаются. Было нам так хорошо на душе! Любовались с дочкой природой, но от тропинки далеко не отходили, боялись, что заблудимся.

Тропинка вела нас мимо порыжевших папоротников, кустов, пней. Во мху краснели лаковым боком ягоды брусники. Я шла дальше и дальше, собирая ягоды и любясь окружающей красотой. Вот над нами порхнула с ветки на ветку какая-то яркая птичка. Дочка пошла за ней, чтобы рассмотреть ее поближе. Но вернулась быстро, потому что я просила далеко от меня не уходить. Казалось, что этими прекрасными звуками наполнена вся природа, как будто они порхают в самом воздухе. Здесь были и протяжные переливы, и прерывистое теньканье, и легкое посвистывание.

Лес был залит сказочным светом: солнечные лучи проникали сквозь ветви кустов и рассыпались вокруг радужными бликами. Нежные хрупкие цветочки тянули свои лепестки навстречу солнышку. Их было много – белых, желтых, синих, розоватых... Дочь присела, чтобы полюбоваться этими крошечными созданиями природы. Она увидела, что под листьями, между цветами, спрятались красные ягодки княженики. Сорвала одну – как вкусно! Такой аромат окружил нас, что стали класть одну в рот, другую в бидончик. Однако, собирая ягоды, мы обо всем забыли,

стараясь набрать как можно больше. Да и княженика попадалась крупная, сладкая, душистая – мимо не пройдешь!

Мы так увлеклись сбором ягод и любованием красотой природы, что не заметили, как тропку потеряли. Шли мы строго по тропинке, которую проложили еще наши предки. Я так обрадовалась ягодам, что не заметила, как мы отошли от маршрута. Когда оглянулась, дороги уже не было видно. Мы пошли обратно, надеясь, что скоро выйдем на тропу. Но ее не было. Прошли еще немного, и опять не нашли. Оглянулась я, а место-то незнакомое, пока гуляла по тундре, все ориентиры потеряла. Шум проезжающих машин хорошо слышно, но деревни не видать.

Где-то вдалеке был слышен лай собак. Прикинула, в какой стороне дом, и пошла в том направлении. Вспомнила, как люди рассказывали, что духи леса и тундры могут людей кругами водить. Хотя я человек современный и считаю нечистую силу выдумкой, в этот раз растерялась.

– Мама, мы заблудились? – спросила меня дочь, глядя на мое растерянное лицо.

– Ничего страшного, милая, мы постараемся сейчас найти тропинку! – стала я успокаивать дочь, давая ей конфеты, чтобы она отвлеклась и дала мне сориентироваться на местности.

– Смотри, какая красота, мама!

– Да, милая, в лесу всегда красиво, и летом и зимой.

– Я когда стану взрослой, буду всегда приходить сюда.

– Конечно, милая! Лес дает силы и здоровье!

– Мама, а что ты там бормочешь, молитвы?

– Да, дорогая, я прошу дедушку духа нам помочь найти тропинку к дому.

– А у какого дедушки ты просишь?

– У дедушки леса, который охраняет свои владения от плохих людей.

– А разве есть плохие люди?

– Когда повзрослеешь, узнаешь. Нет плохих людей, просто обстоятельства делают их недобрыми.

– Ну где наша деревня?

– Потерпи немножко. Ты же у меня сильная девочка. Вот твой братик обрадуется сладкой яголке, которую ты собрала для него.

– Папе тоже дадим ягодки.

– Конечно, доченька, он очень любит эти ягодки.

Сначала я испугалась, чуть не поддалась панике, но вспомнив уроки психологии, сделала глубокий вдох и выдох, что действительно помогло. До сих пор помню это чувство страха, паники и испуга. Многие советуют не паниковать, если потерялся, а поразмышлять. Но паника все равно приходит. Первые мои мысли: муж не знает, где я, мобильных в тот период не было, да если бы и были, то вряд ли далеко от населенного пункта стали ловить, воды и еды нет, спичек нет, вдруг придется ночевать?

Я присела и стала думать. После недолгих раздумий вспомнила, что нужно ориентироваться по солнцу. Это немного успокоило. Потом посмотрела на солнце. Когда я шла в сторону тундры, а потом зашла в лесок, оно светило мне в лицо. Значит, чтобы выйти к деревне, светить оно должно в спину. Паника прошла, но до полного спокойствия было далеко. Я знала, что от поселка протянулась автомобильная дорога. Значит, если идти прямо, есть шанс куда-нибудь выйти.

– Мама! Мы еще долго будем идти?

– Не волнуйся, мы обязательно найдем дорогу.

– А солнышко уже готовится спать.

– Да, доченька, мы тоже придем домой и будем отдыхать.

Теперь я старалась идти в одном направлении, намечая себе ориентиры впереди. Пусть совет про солнце очень простой, но как оказалось, он работает. Я не отходила от речки, потому что знала, что только река может привести меня к поселку. Я уже слышала вдалеке шум – стук топора, гул машин – и понимала, что теперь точно выберусь. Каково же было мое удивление, когда я увидела столбы линии электропередачи на другом берегу, а вдали темнели крыши домов.

Вдоль берега мы дошли до места, где на противоположном берегу находились магазин и лодочная станция. Нашему счастью не было предела, ведь я думала, что мы больше не выберемся из леса, и будет сильно волноваться муж. Он и вправду уже забеспокоился, что нас долго нет. Тут увидели Олега Салиндера, который по берегу прохаживался. Я стала бегать из стороны в сторону, кричать. Он сначала не слышал и не видел. И словно духи реки решили нам помочь: они подняли ветер, и Олег Салиндер услышал нас, подбежал к лодке.

– Вы как попали на тот берег?

– Мы ягоды собирали, а как попали, мы не поняли. Потеряли тропинку.

– Вам повезло, что вас не тронули медведи. Это их места. Здесь часто теряются взрослые люди.

– Мы шли по тропе, которую проложили наши предки, а попали на другой берег.

– Это духи вас водили по кругу и завели к медведям. Хорошо, что они не выходили к вам.

– Так что мне очень повезло, что я смогла выбраться.

– У тебя, наверно, в роду тотем медведя. Они своих не трогают. Это опасно – встретиться с медведем. Будь осторожна, когда ходишь по этим местам.

– Постараюсь больше не теряться.

Когда мы причалили, то увидели Мэю Вэйсовича Пяка, старого уважаемого шамана. Он всегда помогал людям, когда те попадали в беду или у кого-то терялся олень. Я подошла к нему и поздоровалась с ним. Он посмотрел внимательно своими мудрыми глазами и спросил, что я делала на том берегу. Мне пришлось рассказать, потому что от зоркого глаза Мэю Вэйсовича нельзя было ничего скрыть. Я рассказала ему о нашем небольшом происшествии. Он взял меня за руку, и мы пошли к Светлане Григорьевне Айваседо.

Посадив меня на табуретку, обойдя вокруг меня, он что-то проговорил речитативом. Постоял немного, словно задумался, и потом его ладонь легла мне на макушку. Он вновь запел и вытащил нож. Звуки были протяжными, глухими, и мне показалось, что они взлетают ввысь, превращаясь в птиц. Резко взмахнул и что-то сказал, обращаясь к кому-то. Вновь поднял нож и стал резать воздух словно масло. Мне даже показалось, что я слышу, как упругий воздух колеблется под лезвием. Взял мои руки и повел меня по кругу. Он выдохнул и резко заговорил так, что воздух колебнулся вокруг меня, вбирая слова в себя. Потом наступила тишина. Мэю попросил открыть глаза и сказал:

– Теперь тебя медведи трогать не будут. Можешь собирать любимые ягоды. Медведи тоже любят эти ягоды. Духи медведя будут охранять твой род и тебя.

– Спасибо.

– Лучше духа покорми, вот тебе и будет спасибо. Дух медведя – твой защитник.

ПОЭЗИЯ

*****

Алла КУЗНЕЦОВА

Вербена

*Я вплёл в венок тебе вербену...
Лорка*

Мороза хруст. Вербены куст.
Он как заоблачный в ограде.
И как представленный к награде
Звездой алмазной.
Воздух густ.
В нём трепет крыл и гул оваций,
Всю ночь звучащих в небесах,
Единства и ассоциаций,
Чему подвластны чудеса.
Как сладок ночью запах дыма,
Тоской волнующий до слёз.

И также собран воедино
Ажур созвездий и берёз.
И ты! Скорбящий в ореоле,
Будто в неволе. Тяжек груз,
Где луч, дрожащий где-то в поле,
Где в серебре сквозистом куст.
Уже прощаешься? Нагнись,
Я на тебя венок надену
Алмазный! И вплету вербену.
Но ты, простившись – оглянись!..

Свадебная песня

Ой вы, гости дорогие, поезжане,
Вы приехали пошто ко мне с ножами?
Из-за вырубки-то старой, из-за речки...
Под рубахой-то «Макаров» или «Стечкин»?

Ты не бойся, не бранись, моя мамаша!
Если мы гуляем нынче – воля наша!
Если буду я убит, то не тревожьтесь,
В этом свадебном костюме в гроб положьте!

Чтоб земли сырой тяжёлая утроба
Меня спрятала навеки вместе с гробом.
А невеста без меня станет смелее,
И найдёт себе другого – красивее.

Буду спать я под черёмухой душистой,
С соловьиным гамом посвистом да свистом.
– Ой, зачем тебе, зятёк, земное лоно?
– Из-за вашего, мамаша, миллиона!

Натюрморт с засухой

Сегодня в нашем чернолесье
От будылья в глазах рябит.
И гусь залётный в поднебесье
На фоне засухи убит.

Поэт-охотник этим утром,
Ружьё повесивший на грудь,
К нему подбросит пару уток,
Да и цветок какой-нибудь...

Предзимье

Предзимье. Завершение в природе
Отмечено узором тальника.
Спокойно всё. Обдуманно всё вроде.
Но отчего болит душа? Пока
Ещё хожу по золотым дорогам,
Где месяц вывесил свои рога.
И тишь такая, что моя тревога
Вдали звенит классически и строго.
И Млечный путь по расписанью Бога
Течёт, осыпав снегом берега.

Жар-птица

Залетела жар-птица в поля,
Где шумела высокая ржица.
Жница там из криницы пила,
Запивая сухарь, как черница.

– Ай да птица! – сказала она,
– Из какой ты заморской столицы?
Как медаль, отовсюду видна,
Чисто вылитая царица!

Не волнуй мне тут спелую рожь,
Осторожней роняй своё пламя!
А не то невзначай подожжёшь,
И пожар загудит над полями.

Птица ей посмотрела в лицо,
Растопорщила радужный гребень.
И снесла золотое яйцо
На приволье, в полуденном хлебе.

Покатилось оно колесом,
Самоцветным огнём засветилось.

Яровыми, люцерной, овсом,
И в траву-мураву закатилось...

– Ой, куда тебя леший понёс!
Неужели простора здесь мало? –
Закричала, и птицу за хвост
Неуёмная баба поймала.

У межи, где цвело полыньё,
Где в тот день и пекло, и парило,
Будто дёрнуло током её,
Будто жаром печным опалило.

Она с поля вернулась в колхоз,
Глупый бабий язык распустила,
Мол, жар-птицу держала за хвост,
Да сдержат не смогла – отпустила.

Ничему не поверил народ,
Хоть и слушал лукавый и хмурый.
Припечатал единое: «Врёт!»,
И рассказицу выдвинул в дыры.

* * *

Люблю я утренние грозы,
Их громыхание и свет.
Люблю я утренние грёзы
О том, чего на свете нет.

Когда в бушующей полыни
Кипит небесная вода,
О том, чего и нет в помине,
Чего не будет никогда...

Эхо

Лунным вечером лопнула ива,
Гулом птиц и зверей удивила,
Раскатив его здесь торопливо,
За пределом Земли удлинила.

И вдали существа неземные
Вмиг расчухали это явление,
Мол, за Солнцем, от нас в отдаленье
Есть леса и поля аржаные.

Не смотать ли туда? Не разведать?
Притяжение Солнца осилив!
Чтоб вернуться обратно с победой,
С планетарною долькою синей!..

И при помощи телекинеза
Трансцендентные глубы разрезав,
Разложив на молекулы эхо,
Загляделись на нашу планету.

Загляделись на нашу планету!
В серебристых и розовых жилах,

Как лазоревым шёлком одета,
Она в чёрной могиле кружила...

Загляделись на кружево леса
И летящие лесом экспрессы,
Ничего здесь решили не трогать –
Пусть идёт как расписано Богом!

Знать, нешуточный мозг человеческий
На великих кругах мирозданья
Тоже галочкой Бога отмечен,
Как решающее создание.

А в расщелину лопнувшей ивы
Трын-трава семенами сорила,
И при блеске воды говорливой
Трына всякого натворила.

Жили люди, людей рожая.
Шли, младенцев в купель макая.
И мигала звезда чужая,
На всезнайство своё намекая.

* * *

*«Над вымыслом слезами обольюсь...»
А.С. Пушкин*

Уж ничего загадочного нету
На этом свете для моей души.
И как бы мне, не переврав сонета,
Не перевернуть и жития в глуши.

Мир одинок, заброшен во Вселенной,
Как мячик, закатившийся в бурьян.
Ношу в себе таинственный изъян –
Желание любви, сжигающей и брэнной.

Как в младости, чтоб грезить и бродить
В пустых полях одной под лунным ликом...
Как ни было бы странно или дико,
Любить! Любить! Свой вымысел любить!..

Унылой осенью наперекор судьбе
Так сладостно мне думать о тебе.

С днём рождения

В лучах печального заката
Мерцают ивы на лугу...
Отрадно знать, что мы когда-то
На этом жили берегу.

Отрадно знать, что было лето
С тропой небесного огня.
Отрадно знать, что было это
И у тебя, и у меня.

О грёза ночью голубою!
Когда наш милый идеал
Нас уводил в поля с тобою
И в нашем сердце трепетал.

Далёкий храм наполовину,
Уже обрушив в краснотал

Кирпич с главою неповинной,
В тумане утреннем стоял.

Отрадно знать, что было лето,
Оно горело, как свеча.
И пламенея эполетом,
Огнями капало с плеча.

Оно текло рекой песочной
Куда-то в тёмные века...
Отрадно знать, что всё непрочно
И всё текуче, как река!
Колюче, как венец терновый!

Но как, однако, ни крути,
Отрадно знать, что куст ивовый
Шумит средь Млечного пути.

* * *

Сирень отцвела,
как вернулась с побывки.
Наохлилась в дождь. И подняв воротник,
Стоит у ворот. Лишь летают обрывки
Нарядов её... Разворотами книг
Лежат перед ней захолустные дали
С грачами, воронами, мокрой травой,
С дорогостоящим счастьем,
                                нуждой даровой,
Где спит озерко оловянной медали...

И мне почтальонка письмо принесла,
В котором два слова: «Сирень отцвела!».

* * *

Над полем загадочным – звёзд вороха.
Горит Орион и сверкает медалью...
Подальше с тобой отойдём от греха,
Не соблазняясь космической далью.

Прельщенье безбрежным –
                                не на живот,

А на смерть!
                                В небесном зеркале,
В дурной бесконечности кто-то живёт,
Звездой безголосой мерцают.

Ну кто мы с тобою? А тянемся в ту
Великую слякоть миров
                                неизвестных.

Вливая в себя её, как наркоту,
При попустительстве пращуров
                                звёздных.

Отыдем! Уйдём за земные края!
Не то эта звёздная каша
Облепит неведомым сном бытия
Бедовые головы наши.

ПРОЗА

*****

Людмила ЕФРЕМОВА

НА ШУМ РЕКИ...

(Северные приключения)

Участок «Спецподводстроя» или, как мы его называем, Моряцкий поселок, приткнулся к самому берегу одной из протоков реки Надым. Зимой в нём обитает лишь несколько человек да собачье семейство – Рыжий и Ритка с очередным выводком. А вот летом жизнь и впрямь кипит. Маленькое юркое судёнышко «Вихрь», управляемое нашим другом, капитаном и писателем в одном лице, Борисом Кожуховым целый день перевозит морячков и другой рабочий люд к месту основного действия – земснарядам. С началом навигации здесь ведутся плановые ремонтные работы – выемка грунта для газопровода, тянущегося по дну реки.

В выходные население посёлка утраивается: друзья, родственники наезжают сюда по грибы и ягоды. Нередкие гости и «служители муз» – местные поэты и прозаики.

...Нынче мы к Борису приехали вдвоём с подругой Татьяной. Бруснику хоть косою коси! Ведёрки наполнялись быстро. А вот гриба маловато-с. И стала я не хуже зайца петли по лесу крутить в надежде, что меня-то грибы найдут непременно. Уверовав в свои ориентиры, решила самостоятельно обследовать близлежащий участок леса.

Пуповина, связывающая меня с дорогой вдоль протоки, оборвалась внезапно. Гнус, которого в наших местах в изобилии, вдруг перестал реагировать на «Детту». Я поставила полнёхонькое восьмилитровое ведро грибов – маслят и подберёзовиков, бросила рядом совок для сборки брусники, целлофановый пакет с морошкой и огляделась... По правую сторону сквозь поваленные, искорёженные деревца проглядывала салатная полоска болота. Такой цвет характерен небольшим озерам, дно которых – сплошь липкая вонючая жижа. В резиновых сапожках под коленку нечего и соваться...

Слева, оттесняя растительность, вздыхали моховые подушки, усеянные морошкой. Эта ягодка-малинка, выглядывающая на торфяных болотах с тонкой камышиной ножки, здесь утопала и раскисала во влажном мху. Такие же, пропитанные влагой, стояли хилые подберёзовики. Я заблудилась? Настроенные антеннами уши уловили в лесной какофонии рабочий шум реки!

Приободрённая, схватила ведро, совок, пакет с морошкой и рванула покорять преграды... Но скоро меня ждало разочарование: куда ни глянь – плантации болот с вкраплениями ивовых кустарников и берёзок да болотные кочки... Когда-то для дочери я написала «болотную инструкцию»:

*На болоте нет дороги,
Не спеши, гляди под ноги.
Мхом покрыты островки,
Ямки, кочки, бугорки –
Всё колышется и дышит,
Каждый шаг болото слышит.*

*Если я на кочку – скок!
Кочка всхлипывает – чмок.
Приседает шумно – о-ох!
Я шагнула – плавный вздох.*

И не только слышит, но и в любой момент готово «поиграть» с тобой: выберешься – не выберешься.... Вот тут-то я и вспомнила о своей героине. Её маршрут проходил вдоль бывшей «железки», мой – за нулевым километром, есть у нас такой. А в остальном, мамочки родные, – один к одному...

Правая нога, соскользнув с кочки, медленно, но верно засасывалась. Ведро я уже оставила «лесным людям» и теперь поняла, что пора расстаться с совком, висевшим на шейном платке пудовой гирей. Добравшись до лоскутка чудом сохранившейся земной поверхности, рухнула на прелые листья. Гнус не церемонился. Вязаная шапка, натянутая на лицо, лишь горячила азарт снайперов. Перевернулась на живот. И тут же сотни игл вонзились в шею и голову. Ну уж нет! Поднялась.

За спиной и впереди – его величество болото. В душе – раздражение на собственную жадность и самонадеянность – вишь, грибка захотела. Перед глазами – дочь, больная мама, родные... Только бы флюиды скребущей под сердцем тревоги не дошли до них! Неужели мне суждено сгинуть по собственной глупости? На Севере этим не удивишь...

Я стала вытеснять тоскливые думы обрывками некогда слышанных песенок: «Куда ты, тропинка, меня завела?», или того «идиотичнее»: «Куда? Куда вы удалились?» ...Мысленно представила план местности. Если около четырёх часов я иду в другую сторону от протоки, то откуда шум земснаряда? Или, как реке и положено, она огибает это вместилище кикимор и водяных?

С трудом стащила сапоги, отжала носки, опять натянула. Бодро подошла к сухой облысевшей ели. Нам ли печалиться? Сейчас влезу на макушку и увижу берег моего спасения. Но не тут-то было. Первые же сучья хрустнули и обломились, я неуклюже завалилась, и мне ничего не оставалось, как охать и потирать разодранные в кровь ладони...

Страшно хотелось пить. От быстрой и трудной ходьбы внутренности огнём горели. От морошки мутило, и я с вожделием смотрела на заболоченный край очередного озера. Подобрала две подходящие палки и, прощупывая перед собой студенистое месиво, добралась до воды. Дрожащими от нетерпения руками набрала живительной влаги в пакет. Боже мой, как она вкусна, настоящая на болотных травах водица! Так бы пила бы и пила, не отрываясь...

Солнце меня потеряло. Небо заволкло мутное бессилие. Во что бы то ни стало нужно выбраться из болот до полной темноты, а это часов до двадцати трёх. К началу сентября белые ночи меняют одежды. Наверняка всполошился посёлок. Татьяна переживает... Борис... Ищут поди...

Передо мной, переливаясь изумрудами всех оттенков, качалось пятое по счёту болото. Я сидела, облепленная комарами, на мшистом клочке земли и взывала ко всем святым. Прочитала Отче Наш. Нет, не так бы нужно: что это за бубнёж под нос? Надо бы упасть на колени, завывать, запричитывать, так чтобы водяным страшно стало. Покаяться в грехах. Я же как-то понарошку и заблудилась, и к Богу понарошку взываю. Да и далеко Он, ой далеко... А совсем рядом – отчаяние, готовое вот-вот вцепиться в горло...

Будто въявь увидела святую Матрону, книгу о житии которой буквально три недели назад в Москве мне подарила Валюша.

Блаженная старица, слепая от рождения, почилa в 1952 году. Свидетелей её чудес год от года становится всё больше.

Так вот обращаюсь я к Матроне со словами: «Мати, святая Матронушка! Помоги рабе грешной...» А она смотрит на меня добрыми голубыми глазами, внимательно смотрит, улыбается и говорит будто: «Ничего, девка, выйдешь. Но сначала испытай себя». А я верю и не верю увиденному, – может, это моё воспалённое воображение рисует?

...За болотом опять озерцо, потом проточка. Но ведь выбралась! К большой реке!

У самой воды вмятины от мужских сапог! Я ликовала: ну вот, иду верно, ещё маленько – и в посёлке. Пологий бережок быстро кончился, и мне пришлось карабкаться наверх. У наших северных рек берега – сплошь обрывистые, с вывороченными корнями деревьев. Порой кажется, что реки образовались в результате разлома земной коры.

Маломальские проплешины песка у воды мигом стоняли вниз. И опять следы человеческого пребывания. Вот, например бутылка из-под водки. Этикетка наполовину сползла, но не мешает радостному глазу распознать – «Столичная». Рядом раскисшая карамелька, картофельная кожура. Сograждане развлекались...

В небесной мути проявлялись очертания звёзд и луны. Не мешало и передохнуть. Но если днём одолевал гнус, то теперь ощутимо похолодало. Забираться в лес не хотелось, а от реки тянуло осенним холодком. Одежка на мне – так себе. Куртку в посёлке оставила, её функции слабо выполняла «энцефалитка» с капюшоном. Плюс мокрые ноги. Три-четыре минуты привала – зуб на зуб не попадает. Сентябрьские ночи не располагают ко сну на открытом воздухе.

Свершилось! С противоположного берега тёмными оконцами на меня смотрел охотничий домик. Может, спят? Моторная лодка на приколе. Я стала бегать взад-вперёд, махать руками и кричать: «Э-ге-гей! Люди! Кто-нибудь, отзовитесь!» Безмолвие. И кроме того, обмелевшая здесь река плавно переходила... в ненасытное болото. Махнув на прощание несбыточной мечте обогреться, я поспешила берегом в обратный путь, веруя в то, что посёлок где-то рядом...

Звёзды разгорались всё ярче, а обросший лесом берег всё больше погружался во тьму. Сколько часов я в пути? Восемь, девять? Вечность? Два костыля из подручных средств стали моими глазами. Прощупаю правым перед собой, правой ногой шагаю, левым – левой. Как шею себе не свернула, кубарем не слетела с крутизны да в воду?! Спасибо ивовым кустарникам да корягам-раскорякам, ловившим мои ноги в свои рогашины.

В очередной раз вскарабкалась по бурелому. Откуда-то из чрева леса шёл яркий свет. Забыв о данном себе обещании не заходить вглубь, я как сомнамбула, не отрывая глаз от зовущего огня, пошла на него. Ноги и руки двигались машинально, чётко следуя приобретённым навыкам ходьбы в темноте.

Сначала подумалось, что это охотничья заимка приветливо манит оконцем. Борис рассказывал нам о Робинзоне-отшельнике. В брошенной избушке, утеплённой оленьими шкурами, что на берегу реки Правая Хетта, я даже сфотографировалась. Кому понравится вторжение в его одиночество? Вот он и построил себе новое убежище. Неужто чаем не напоит? Однако манящий свет становился выше и выше. И тогда мне

подумалось, что я на пути к посёлку, в центре которого горит большой фонарь. Вот всполошу-то народ!

Наконец вышла на небольшую полянку, задрала повыше голову и ахнула: на меня, нагло усмехаясь, смотрела... криворотая яркая луна. С губ произвольно слетело: «Тьфу ты, чертовщина какая-то. Чтоб тебя...» У кого-то я читала: «...фонарём луна...». У Алевтины? В сердце прокрался холодок страха: за каждым деревом чудились тени. Собравшись с духом, я развернулась на сто восемьдесят градусов и отправилась на исходную позицию. Под ногами хрустели ветки, чавкал прелый лист, подставляли подножки коряги... Лишь у реки расслабилась и позволила себе ненадолго прикорнуть у сосны...

Река коварно виляла, уводила от основной дороги в образовавшиеся озерцовые и болотистые рукава. Перебираться помогали всё те же порушенные деревья, сплетавшиеся стволами над водой иногда на высоте до двух-трёх метров. Ну не зря же в девчонках я занималась спортивной гимнастикой, и упражнения на узеньком бревне не считались чем-то сверхъестественным.

Дыхание живой реки бодрило и помогало прогонять ночные призраки. Я желала лишь одного – рассвета.

Как же трудно нарождается день! Как неохотно гаснут звёзды. Как медленно затягивает их зрачки утреннее «молоко»... Серое унылое утро не радовало. Я грустно ухмыльнулась – солнце взяло отгул. Сколько я иду? Какое сегодня число? Кто я и зачем?

Крутой берег сменился пологим, река мелела на глазах. Несколько раз пыталась перейти вброд, возвращалась, наевшись сапогами студёной водицы. Но жажда не оставляла. Я продолжала черпать воду пригоршней и пить, пить...

Набрела на место звериного водопоя. Вот эти почти круглые копытца, аккуратно впечатанные в песок, – очевидно, лося. Эти – собаки или волка. А вот – похожие на следы босоногого человеческого гиганта, – принадлежат не кому иному, как хозяину здешних мест – мишке косолапому. Рядом, чуть поменьше, – его отпрыску.

Любопытство сменило удивление: я всё так же одна, но мне совсем не страшно. Почему? Я же не биологический робот, идущий по заданной программе. Просто изменились отношения с природой? Она приняла меня, она не обижает меня, – я стала частью реки, леса, его обитателей. Но и в новом качестве по-прежнему хочу домой. Инстинкт самосохранения обязательно выведет меня. Иначе и быть не должно.

...Измерила палкой глубину. Над водой осталась большая её половина. Вброд и ни шагу назад! Скользкий глинистый берег нехотя запустил меня в сухой лесок. И опять впереди этот странный шум... Кое-как стянула сапоги. Одну ногу свело судорогой, я некоторое время растирала стопу. И только потом повторила утомительную и в общем-то бесполезную процедуру выкручивания носков...

Крепенький невысокий лесок пестрел семействами маслят и сыроежек. Бери – не хочу... Накрапывал дождик. Сказывалась усталость. Глаза хотели видеть лишь то, что помогло бы согреться и уснуть. Сваленная гора деревьев опять привиделась охотничьим домиком, а причудливо изогнутый кедр – охотником... А скоро, как и моя героиня, увижу врачей, железнодорожников, водителей...

Лес кончился неожиданно. Я ступила на дорогу, накатанную большегрузными машинами. Линии высоковольтной передачи звали в обе

стороны. Куда идти? Ах да, направо. На шум конечно. Как оказалось – «каэски» – компрессорной станции, что в противоположной стороне от посёлка...

Сколько я шла? Час, два, три? Дождь давно не стеснялся в выражениях, но жажды не утолял... Всамделишный трактор жёлтого цвета шевелился в отдалении. Протёрла глаза. Боже мой, неужели я вышла?

Но не тут-то было: дорогу жизни опять пересекла проточка. «Уралы» и «КамАЗы» эти лужи как ничего перескакивают. А я? Костыль, мой измерительный прибор, уходил под воду вместе с рукой... От обиды впервые дала волю слезам. Быть рядом с людьми и не дойти. Двинула в обратную сторону, вдруг да транспорт какой объявится? Напрасно. Субботний день или воскресный? Непогода к тому же. Палка зацепилась за куст – серый зайчишка что было сил бросился наутёк.

Я решительно повернула к протоке. Семь бед – один ответ. Авось по шею-то переберусь?! Сделав шага три в воду, потеряла твердь под ногами. Течение подхватило меня и понесло. Только бы сапоги не смыло! Да и пловчиха аховая. И опять выручил хватательный рефлекс. Чуть подгребла и уцепилась за прибрежные кусты. Ещё рывок, ещё. Фу, кажется, выбралась...

Проваливаясь по колено в грязь, потащила себя вперёд. На пути вырос «Урал», тот самый, что и в Африке «Урал». А изумлённым глазам двух пассажиров, делавших по долгу службы замеры давления в крановых узлах газопровода, предстало нечто... Синюшное мокрое существо (температура воды в реке плюс шесть, воздуха – восемь), дрожа от холода, попросило немедленно отвезти в посёлок «Спецподводстроя». В противном же случае обещало скончаться у колёс техники...

Две сильные мужские руки за шиворот, как котёнка, втащили меня в кабину, включили печку. По радиации позвонила в город... Потом мои сапоги сушили на радиаторе машины. Я же мало-помалу согревалась в свитере грубой шерсти поверх мокрых одежд и рабочем полушубке, бережно брошенном на плечи. То и дело впадала в дрему. Устыдившись слабости, с трудом разлепляла веки и всё интересовалась: до которого часу рабочий день у газовиков, ведь на дворе глубокие сумерки? И Владимир с Виктором снова терпеливо объясняли, что по лесу я «гуляла» всего сутки, а не полтора. И сегодня 3 сентября 1999 года, суббота, десять утра.

Потом завезли в посёлок, где был сорван график работы из-за поиска нерадивой гостыи... Меня обступили плотным кольцом, улыбались, радовались, что-то спрашивали. Борис сунул в руки открытку с изображением Пресвятой Девы Марии с Младенцем. Сказал, что когда в заброшенном вагончике, сто раз обшаренном, вдруг нашли эту бумажную икону, поверили в то, что найдусь...

На самодельной карте поисковой группы пунктиром прочертила свой маршрут. Беря в расчёт «неблагоустройство местных дорог», я прошла за сутки около пятидесяти километров...

Говорят, что именно в экстремальных условиях человек расходует запас прочности, данный ему от рождения свыше... И каждой душе отпущены свои «семь» суток, и каждый идёт на «шум» своей реки...

Ровно через неделю мы с Таней снова собирали бруснику вдоль старой дороги Моряцкого посёлка.

ПОЭЗИЯ

*****

Татьяна САВИНА

Надежда

Пойду	Знаешь,
Допишу, что бросила.	Мне снова кажется,
В небе	Будто
Следы полосками.	Ничто не дорого.
Над домом	Узел
С чужими балконами	Волос развяжется,
Коршун	Сумка
Кружит узорами.	За мною волоком.

Листья	Пойду
Дрожат под натиском.	Допишу, что бросила.
Осень	Тучи
Бодрит прохладой,	Развеяло ветрами.
Ракеты	Надежда
Готовятся к запускам.	Рождается осенью.
Стихи	И спит
Напишу, а надо ли?	До весны под кедрами.

Прохожий

Такой роскошный и пьянящий,
Не верится, что настоящий,
Идёшь один
По рыжей осени шуршащей.
И серое пальто, и шарф летящий –
Породе гимн.

В наушник телефон подключен,
На лацкане значок прикручен,
Колечка нет.
От паразитов-слов отучен,
Со всей этой листвой созвучен,
Душистый след.

Таким видением астральным,
Эфирным, нематериальным
Шёл впереди.
Но лишь один шнурок скандальный
Вдруг развязался аморально.
Не упади.

Парк аттракционов

Заполoshная жизнь моя
Мелькает огнями синими.
Я, дыхание затая,
Ступаю по красной линии.

Карусельных лошадок дни
Мне подмигивают по кругу,
Мол, такую резвость цени,
А не слёзы лей от испуга.

Будто детство недавно совсем
На балконе орехи лущило.
И смолу с тощих грязных колен
Мне бензином пахучим отмыло.

Я над ландышами сижу
И вдыхаю зелёное с белым.

И с малиновки глаз не свожу,
Будто занята важным делом.

Я прокручиваю чудеса,
Что когда-то со мною случились:
На клубничных листьях роса
И дожди, что в озёра влились.

Я не очень спешила взрослеть.
Всё случилось само, накатом.
Я любила в машине петь
И на лодке кататься с папой.

Но в глаза мне моргает неон,
Зазывая пленительно синим.
Жизнь моя – как аттракцион
Из пугающих красных линий.

Тучи пенятся

В небе тучи гуляют и пенятся,
Мчатся издали в даль, мчатся издали.
И не мне с ними силами мериться,
Оставаясь под первыми брызгами.

Я на гору взберусь неприступную:
«Солнце дайте мне! Дайте мне солнечность!»
Но испью лишь сырую и мутную
Да ко мне безразличную облачность.

Я коня оседлаю хорошего –
И за тучами вслед. Вслед за тучами...
Но мне ветры из пыльного крошева
Иссушили глаза да измучили.

Даст приют церковь мне белобокая.
И с молитвами, днями безгрешными,
Я дождусь, когда буря жестокая
Унесётся, оставив нас прежними.

Вся Сибирь

Вся Сибирь хрустящими снегами Заискрилась, чувствуя мороз. Спит тайга, нехоженная нами, Не прощающая слабости и слёз.	Воздух леденеет и мерцает, Оседая шубкой на сосне. Лишь неясить тенью возникает В солнечной холодной тишине.
Реки и речушки подо льдами, Даже не мечтая отдохнуть, Под заиндевевшими мостами Продолжают свой нелёгкий путь.	Сберегая тайны вековые, Распростёрла свои земли вширь. И в морозном небе сны цветные Смотрит белоснежная Сибирь.

Деревенька в кедровом бору

Притаилась моя деревенька
За бетонкой в кедровом бору.
Растянула заборы реденько,
Обнажила дворы на ветру.

Утопая в кипреевом мареве
И малиновых душистых листах,
Предзакатное красное зарево
Ожило в потаённых местах.

Искупалось у берега тихого,
Расписало небесную даль.
И на вёслах румяна рассыпало,
Подарив елям красную шаль.

Не поют девки песен задиристых,
В колее не скрипит колесо.
Лишь колодец на берегу илистом
Ловит ветер на волнах осок.

Обезлюдела, стала таинственной.
И рисует оконная дрожь,
Как по улице нашей единственной
Уходила на фронт молодёжь.

Деревенька моя, в соснах скрытая,
Где на каждых воротах звезда,
Жизнь крестьянская позабытая
Не вернётся к тебе никогда.

Да и я тут гощу коротенько,
Меж ирисов стою на мысу.
Спи спокойно, моя деревенька,
За бетонкой в кедровом лесу.

Тобольску

Я сегодня тебя навестила,
Мой любимый разрушенный город,
И опять моё сердце скулило,
И снежинки летели за ворот.

Ты бессильно в руинах лежишь,
В пустоту упираешься взглядом.
И от боли уже не кричишь,
Обездвиженный впрыснутым ядом.

На ладони у ангела ты
Был распят и сожжён многократно.
И не стало твоей красоты,
Вместо храмов – горелые пятна.

Нам бы раны твои исцелить
И омыть измождённые плечи.
Вдруг ты снова нас сможешь любить
И отпустишь грехи человечьи.

Сибири соперника нет

За пояс заткну косы длинные,
Промчусь по воде босиком,
В душе поселю доли дивные,
Где каждый исток мне знаком.

Дома под туманами белыми
В изножье песчаной горы.
Луга, разнотравьем возделаны,
К покосам готовят дары.

Сибирь, истекаема реками,
Несёт по воде облака.
Бобры под плотиной-засекою
Себе возвели хутора.

Летят над озёрами лебеди,
Гоняют утята малька.
Живут тут и были и небыли,
Что нам не открылись пока.

По резкам*, сырыми болотами
Рыбачья долблёнка скользит.
Легендами за поворотами
Урман беспокойный набит.

Русалы на ветках мерещатся,
И сабельник красной звездой
Подсмотрит, как соболи тешатся
В корнях у сосны вековой.

Забытыми волчьими тропами
Петляет таёжный рассвет.
И дикостью мест, и красотами
Сибири соперника нет.

Мне воздух, напаренный хвоею,
Для духа и тела хорош.
Тебя не покину. Тем более
Не ставлю чужбину ни в грош.

---

* Резки – узкие каналы в реках и болотах искусственного происхождения, очищенные от зарослей.

ПРОЗА

*****

Владимир КВАШНИН

*Промысловнику-охотнику Роману Семяшину
посвящаю.*

Есть, есть еще на земле Югорской места родниковые, где испокон веков люд жил и живет от реки да от леса. Она земля родимая, а не власть копеечная кормит здесь человека. И хотя богаты недра земли нашей, только местному-то человеку, увы, никакого прока от этого нет, а то, что иноземец нашим газом греется, на нашем газу ездит, а Газпром тучнее прежнего становится, так что тут сказать – и слава Богу, и на здоровье. Не хлебом единым и тем паче не мошною жива еще Сибирь-матушка, есть, скажу я вам, кое-что и поважнее.

Вот смотришь порою хрустальным-то утречком с яра-пристаньки на дали синие, сентябрем расписанные, да на горы дальние белоснежные, и так иной раз сердце-то ёкнет, аж слеза наворачивается. И кажется, что прямо под Богом раскинулся край наш Ляпинский с одним селом, в полторы тыщи душ, да таежною волюшкой на все четыре стороны.

А возьми-ка, к примеру, жителя городского да нахрапистого, так ведь в большинстве-то своем и не знает, сердешный, даже соседа по лестничной площадке, не то что по дому. Вот, а вы говорите – корни. А нашего спроси, так он не то что про своего пра-пра, а и про чужого все его три колена со всеми их вывертами назовет. И каждый-то на селе знает каждого, и шутку-то любят, и словцо, крепкое да острое. И через одного да у каждого к имени прозвище имеется, потому что Серёг да Вань много, а вот Серега-грузин или Ваня-барабан – на все село по одному.

Ну и живите и здравствуйте, милые моему сердцу люди добрые! Это, как говорится, присказка, а сам сказ-то еще впереди...

Романыча на селе народ знает как человека спокойного, рассудительного, веселого и, главное, незлобивога. И вот ведь тут, что самое-то интересное, если больше чем у половины жителей, а это в маленьких поселениях наблюдается повсеместно, имеются всякого рода клички и прозвища, то Романыч – только Романыч, и больше никак, настолько цельной души человек.

А ведь прозвища-то порою и обидные бывают, это как родимое пятно – приклеится с детства и, считай, на всю жизнь сургучинка. Еще деревенская повитуха, когда он народился, сказала его матери: «Это ж надо – в рубашку да на два раза пуповиной бантиком перевязала его безногая, а он – вот он! Жив-здоров! Не иначе как Богом целованный!»

Посмеялись все на радостях-то, да вроде как и забыли. И рос да рос себе мальчонка, не хуже и не лучше других. А тут как-то одну зиму, помню, снегу навалило, ну ни пройти ни проехать. А у ребятишек в эту пору одна забава – с конька крыш в сугроб сигать! Ох как дух-то захватывает, аж до визга, да и себя вроде как трусишкой показать-то не хочется, так что прыгали все – и мальчонки и девчонки. Прыгнул и наш Ромка, так штaketина-то, представьте, под фуфайку сзади и вошла пикой. Вот тогда и вспомнила матушка-то Ромкина – тетя Катя – слова ведуньи старой. И не раз за 48 лет его жизни приключалось с ним всякое, на грани, так

сказать, «дефолта», а ведь все легким испугом отделялся. Вот так к пятидесяти годам и состоялся наш простой русский мужик, коренной сибиряк – Роман Романыч.

Ростом не высок, статью поджар, жилистый, скор на ногу, с чисто славянскими чертами лица. Как и все в деревне, работал он в зависимости от сезона – летом сено ставит на лошадь да двух коровок, осенью рыбу ловит, шишку-ягоду собирает, зимой пушнину промышляет. А иной-то работы боле и нет: ни казенной, ни колхозной. А всё – рынок, как сказала губернаторша наша, сейчас он правит миром. О как! Всю-то жизнь считал Романыч, что труд правит, оказывается – рынок. А кто и что на этот рынок принесет, не изготовив или не выростив, а, Натальюшка? В общем, чем дольше думал Романыч, тем больше запутывался. Однако держался по жизни своей линии: как потопашь – так и полопашь.

Табакон мужик отродясь не баловался, выпивал горькую только по праздникам да на свадьбах и то, как говорится, для куражу, чтобы двухрядка в руках пела, а не кирпичом висела. Правда, была у него одна черта характера, которую он старательно скрывал от всех, даже от близких, потому как уж больно её стеснялся. Какая? А такая. Вот вроде и охотник до мозга костей, и зверобой, и лисятник, и соболятник, а на мураша-труженика наступить боится! Мышку дома по настоянию жены поймает, а на улице возьмет да и выпустит, про себя думая: «Не я тебе жизнь давал, не мне и отбирать». На улице оглянется по сторонам – и на столб – кошку спасать. Без лишней надобности талинку не срубит и ветку не сломит. Вот такой парадокс в мужике. Жалко, говорит.

А ведь Боженька и впрямь его любит, вот любит и все тут! И жену, спутницу верную да работающую выделил, сына послал, и двух дочек-кровиночек, послушных да ласковых. Ладно бы, так ведь старшая-то дочка еще и замуж вышла, и зятя доброго в дом привела, и что самое-то светлое, внука-богатыря они ему родили! Живет большая семья в большом, его руками рубленном доме, дружно и весело, обдумывают вечерами, как второй дом молодым построить, да и здоровьем вроде как не обижен, так чего еще желать-то?! Живи да радуйся в заботе да ласке. Вот и живет наш Романыч с собой в согласии, по совести, да трудами своими. А коли на дворе конец ноября и декабрь на носу, то и работа у него на сегодня получается одна – промысел, проще говоря – охота.

Вот представь, дорогой читатель: Африка, сафари, джип, штуцер 8 калибра, носорог. Бум-бум! Карашо? Гуд! Это охота? Охота! А вот другая ситуация: Сибирь, декабрь, мороз, путик с капканами 15 км. Лыжи. Вышел из зимовья в темноте в 8 утра и зашел в той же темноте в 8 вечера. Охота? А? Вот то-то и оно... Это скорее работа. Трудная и опасная. А если и охота, то самая что ни на есть настоящая, промысловая, на своем поту, своих ногах, а порою и крови.

И напарник надежный в этой охоте – первое дело. А его накануне отъезда на промысел срочно вызвали в Ханты-Мансийск на аттестацию, будь она неладна. А так как он человек государев, от казенного ведомства, то собрался в пять минут – да и на вертолет. Столько вроде было споров, сборов, разговоров об охоте и – бац! Натё – один.

Но Романыч – человек настырный, решил, как отрезал. А один так один! Не раз приходилось и одному осеневать, бывало и по два месяца, кроме верных лаек, ни одной души рядом. Заправил с утраца свой старенький «Бурашек», как ласково он называет снегоход еще того, советского, выпуска, прицепил сани-самоделки со скарбом, попрощался с родными,

перекрестился на родные ворота – да и тронул. Собачек, первых помощниц своих, не взял, так как снега уже много, а по лыжне бегать да харч проедать ума много не надо. А надо сказать, что ехать ему на свои угожья по реке – благо застыла по морозам – но далеко, считай, за сотню верст. Так ведь сам себе в предгорьях Уральских угожья и выбирал, никто, как говорится, не неволил.

Вот, кажется, чего проще – на охоту уехать. Ан нет, дорогие мои, тут особая, так сказать, песня. И снегоходы в полыньях топили – река-то горная, своенравная, и сани, а на них... Ладно бы рюкзаки-спальники там какие, а собачки привязаны, так в воду, вместе с санями... Сам-то еще скатишься, да отползешь, а вот... А в наледях сколько мучений. Благо по всей реке избушки да балаганы рыбацкие понаставлены. На следующий-то день, конечно, все добро свое повытаскиваешь березовым воротом, да только... Нет, дорогой читатель, что-то я совсем о грустном, давай-ка мы ближе к Романычу.

А что Романыч? Приехал наш Романыч! Ни шатко ни валко ехал, да и ехал с мыска на мысок, где по бережку, где по закраинке полыньи да и приехал на угожья свои без всяких поломок и приключений, и в избушке родимой уже печку сушняком еловым топит да чай смородиновый из термоса попивает.

И надо было видеть, как же они с избушкой радовались-то друг дружке, ну чисто мать с сыном. Он ходит по избе, бревнышки её поглаживает да похлопывает, тенотки смахивает, мох по углам подтыкает да разговоры с ней всякие разговаривает, а она поскрипывает, потрескивает, вздыхает, словно жалуется да слезы по стеклу оконному в три ручья льёт, вот как оба-то за год пососкучились...

В остатке светового дня быстренько наладил Романыч свой немудреный охотничий быт: дровишек напилит, водицы с ручья принес, приготовил ужин, включил приёмник ВЭФ, тот, советский (сейчас-то все китайские, так китайцев своих только и ловят), лампу запалил керосиновую и поставил посреди стола бутылку «Кедровой». Так в думках да раздумках под вздохи родной, все понимающей избушки и прошел вечер таежника.

А подумать есть о чем. Много непонятого стало в окружающей его жизни. Люди, коих знал десятки лет, изменились почти до неузнаваемости. Нажива да корысть в каждом поступке на первом месте стали. Ну тут каждый сам себе, как говорится, и судья, и ответчик, а свою совесть Романыч прогибать не собирался. Нет, тут другая заботушка его печалила.

Беда ведь с тайгой-то. Ладно бы от божьей искры пожары, так ведь и сами стали поджигать, чтобы осенью самим же и выхлестнуть опаленный кедрач да деньгу заработать. А с животиною что? Пролетят на «Бомбардирах», да на «Ямахах» неизвестно кто по твоим же следам да угожьям, по долинкам кормовым, где лоси-олени зимуют, да всех с одного захода и положат из прицелов лазерных под самую весну-то. Как-то встретил таких – кто, откуда? Не поймешь – все в масках. Примчались на своих импортных конях через перевалы, спрашиваю: «Откеля будем, сердешные, как отыскили места заветные?». «А вот по джипиэскам», – отвечают. Посмотрел, а это приборчик такой с ладошку, как компас, но электронный какой-то. А оружия-то у них сколько?! Армию можно вооружить!

А почему такой произвол в тайге? А потому что охраны никакой нет. А ведь была, была егерская-то служба при ругаемой власти и всех браконьеров в окороте держала. И лоси к деревне приходили, и куропаток на огородах силками ловили. Сейчас все это – только в прошедшем времени.

Как заступила в свои права губернаторша, так по распоряжению свыше и сократила всех егерей и охотоведов, вот тут и полезла в леса нечисть всякая.

Много ли времени надо опытному охотнику, чтобы поднять и зарядить капканы на годами хоженных путиках? За одну неделю пустил в работу семь маршрутов, по 15 км каждый. У промысловиков они путиками называются. И даже сподобился поймать пару соболюшек. А в капканном промысле что главное? А чтобы приманки было в достатке. А соболя-то, соболя в этом году!

Идет Романыч по своим сопочкам-притопочкам и душой не нарадуется! Вот что значит – быть в прошлом году, да и в нынешнем, урожаю кедровой шишки – результат налицо! И слава Богу! Давненько такого не случалось, как-никак это прибыток в дом, а не из него, что чаще всего и бывает у охотников.

Всю неделю стояли ядреные, под 35 градусов, морозы. Вроде и холодно, а снегу подсыпает. Как ни проснется Романыч, а 3-4 сантиметра добавилось, уже и по колено, так что пришлось ему вставать на свои лыжи самодельные широкие, лямпями их манси называют, это в общем-то для любого охотника-промысловика дело привычное.

Проверив с утра путик и сняв соболя, явно тобольского кряжа, Романыч на всех парусах полетел к своей избушке по проторенной лыжнице. И тут на заросшей мелким тальником болотинке, его лыжню пересек осыпающийся след сохатого. Нет, вы можете представить – осыпающийся?! Вот тут-то он и задумался...

И потропить вроде как охота, и погодка самая та – невзрачная, снежок с ветром, и лицензия есть, а вот со временем не густо: два-третий час, а в 4 уже смеркается, декабрь как-никак. «А, была не была, рискну, уже с лета дома ни кусочка мяса. Авось повезет. В рюкзаке все необходимое есть – котелок, топорик и оселок, и обойма запасная, ну и спички, так что, если затемняю, не пропаду», – снимая лыжи, решил Романыч. Пешочком-то скрадывать зверя куда надежнее – ни скрипа тебе, ни шороха. Ну и пошло-поехало.

А лось как шел, пощипывая тальники, так и идет, и знать не знает, и ведать не ведает, что вызвал своей персоной жгучий гастрономический интерес. А тут еще и снежок загустел – все в масть, думал Романыч, полукружьями идя по следу. А зверь, он и в Африке зверь, идет по самым непролазным местам – торфяным буграм, тальниковыми зарослями да гнилыми ручьями. Так проползли они километра четыре, и стало у Романыча закрадываться беспокойство: местность абсолютно незнакомая, а обратно по своему следу, уже задумому на буграх, засветло выйти не успеваешь. Значит, надо бросать это дело, найти хоть какой знакомый ориентир, определиться с направлением и топтать по прямой в зимовье. А снег-то все гуще и гуще.

Смеркается. И вдруг где-то в подсознании Романыча мелькнуло: а ведь этот распадок ему вроде как и знаком. «Если по левому рукаву, то выйду на старую оленеводческую стоянку, а значит выберусь», – думал Романыч. В тупике болота, на котором эта стоянка, должна быть его лыжня, а по ней, как по проторенной тропинке, и до избушки. «Да, устроил ты себе, Рома, экстрим. Бег, так сказать, с препятствиями под старую задницу... Лишь бы не ошибся, сколь таких вот распадков в жизни-то повидал», – размышлял охотник, обходя очередное болотце, и замер... Стоит! Стоит красав! В березовом колочке, голову рогатую поднял и слушает. А что услышишь, когда ветер-то уже кнутом насвистывает.

Всякого оружия за свои 48 лет подержал в охотничьих руках Романыч: и «вепри», и «сайги» и «К-44» – «коопзверопромхозовский», а лучше, чем короткоствольный «тигр», который держит уже с 96-го года, не признаёт – настолько крепкая и надежная машина. Одного выстрела со 150 метров хватило, чтобы коронованный сохатый подломил колени и рухнул. «Да, действительно, красавец. Ты уж прости меня, волка безродного, что забрал душу твою. Уж так жизнь устроена, милый. Может, и меня из космоса сейчас кто-то вот так же выцеливает...» – размышлял Романыч, глядя на черную горбину носа лесного великана, слепо уставившегося в серое небо индевеющим зрачком.

Ладно. Время. Лирика лирикой, а надо делом заниматься. Когда Романыч выпустил внутренности животного, уже действительно темно. Идея обдирать зверя при отблесках костра, мокроющему от пота, да еще на 30-градусном ветру, его не прельщала. Как-то сам собой вспомнился рассказ Джека Лондона, как где-то на Аляске охотник вот так же добыл лося, и чтобы не замерзнуть, взял да и залез в его утробу. Там он вроде как отогрелся ну и уснул. А лось-то за ночь застыл, застыли и ребра, которые он свободно раздвинул, забираясь внутрь... Брр... Нет уж... Надо выбирать. И чем быстрее, тем лучше. Завтра приедет на снегоходе и все сделает красиво, а сейчас только вперед. Движение – жизнь в самом что ни на есть прямом смысле.

И память не подвела старого охотника: уже в сумерках он все же отыскал стоянку оленеводов и почти в полной темноте вышел на болото, в конце которого было его спасение. Наверное, это болото показалось самым длинным в его жизни. Километр чистого пространства он двигался в темноте, как в тумане, с какой-то внутренней уверенностью, что идет правильно. Падая и оступаясь, он скорее тащился, чем шел, вспоминая, как утром в самый последний момент передумал надевать легкие сохни – охотничью обувь из кожи, сукна и войлока, а натянул резиновые с металлическими шипами и капроновыми голенищами бахилы.

Наверное, любой каторжанин прошлого века, посмотрев на него, радовался бы своим кандалам, так как провалившаяся в болото нога на 30-градусном морозе моментально становилась пудовой гирей из льда и снега. Будь он сейчас в сохнях, давно бы уж не чувствовал своих застывающих мокрых ног, а так, подтаскивая поочередно «гири» к ближайшей сосенке, он с двух-трех ударов разбивал их и шел с редкими остановками дальше. В принципе торопиться уже не было смысла. Сейчас перед ним стояла задача сохранить силы и дойти до своей лыжни. «Даже если будет совсем худо, заползу в лес и разведу костер, благо есть топорик и спички, а там все в руках Божьих», – размышлял Романыч, с трудом передвигая одеревенелые ноги. И тут он наступил на спасительную твердь своей лыжни.

В полной темноте, оступаясь то влево, то вправо, спотыкаясь и падая, основательно задубев, он прошел по лыжне еще шесть километров и сплошной ледяной глыбой ввалился в свою избушку, в которой было еще относительно тепло. В один присест влив в обезвоженный организм полчайника холодной воды, он снял с лампы стекло и полез во внутренний карман за спичками. В свете налобного фонарика Романыч, наверное, с минуту смотрел на лежащий в его застывшей ладони коробок спичек, тот самый, на который сегодня поставил свою жизнь. А это был не коробок, это была мягкая сырая бесформенная лепешка... Какой-то горький комок застрял в горле охотника, он даже не мог и вспомнить того момента, когда достал из рюкзака и положил для пущей надежности под самое сердце эту

коробочку последней надежды. Он благодарил Бога за то, что не оставил, не бросил на погибель. Кто-то утверждает, что Бога нет. Нет для того, кто в него не верит. А Романыч верил. Верил в высшую справедливость, и ему этого было достаточно, чтобы жить в согласии с собой и окружающим его миром.

Поздний вечер. Уютно посапывает печурка. По приемнику весело заливается Надя Бабкина. При желтом свете керосиновой лампы Романыч на пялке не спеша мездрит шкурку соболя. На душе его светло и покойно... А за стеною избушки на еловых жердочках лежит аккуратно сложенное мясо сохатого, которое привез сегодня на своем «Бурашке». Кстати, он никогда не пользовался в лесу санями, а вывозил мясо прямо в лосиной шкуре, снятой вместе с ушами. Сложив куски мяса в шкуру, он зашивал ее по животу веревкой и, продев в ушные отверстия фал, цеплял её за снегоход. Вот так, в одиночку, он и вывозил мясо к избушке из любого бурелома.

Когда он выехал на то самое болото и по своим следам летел на снегоходе к ждущей добыче, то как человек наблюдательный отметил какие-то черточки с боков от своего следа. Такое чувство, будто как прутиками чертили по снегу. «Да, наверное, зацепился в темноте, вот от этого и черточки», – хоть как-то объяснил сам себе Роман.

И откуда он мог знать, что это Боженька, который видит всё и всех, послал ему этого лося. И не самку или бычка, сеголетка какого несмышленного, которых он, Романыч, и стрелять бы не стал, чисто из-за своей жалости, а девятигодовалого хору, у которого сынов и дочек по всей этой лесной округе столько, что и не сосчитать. Что это Боженька в самый последний момент его переобул, зная, что ждет впереди. Что это Боженька, видя его тяжелое положение, отправил ему ангела-хранителя, который и сидел у него на плече, и вел его по лесам и болотам в полной темноте, и это его крылья чертили по снегу. Что это Боженька с самого рождения помогает ему во всех его, Романа, начинаниях, а он особо даже и не задумывался о первоисточке своей жалости, а точнее любви ко всему живому. Он просто знал, что всегда будет бережно и уважительно относиться ко всем встреченным на своем жизненном пути и свято верить в высшую, его, Бога, справедливость. Братъ от Природы столько, сколько необходимо для жизни, и стараться успеть отдать ей как можно больше. Да, конечно, он многого не знает, а порою просто и не понимает в современной нанотехнологичной жизни. Но одно он знает точно, что рано или поздно канут в небытие и комаровы, и мышкыны-норышкины, и медведевы, и он сам, а комары, полёвки и медведи все так же будут украшать его тайгу, и его родной внук будет так же хранить этот зеленый мир, как хранили все его предки, а потом и его внук...

А снежок все подваливал да подваливал, укрывая бескрайние леса теплой шубой, выдавливая наледи по километровым плесам реки и радуя своим теплом боровую птицу. «Надо бы в поселок с добычей выбираться, семью накормить да друзей-соседей мяском угостить. А родни сколько? Пусть понемножку, а всем». Он всегда радовался как ребенок, когда была у него возможность с кем-то поделиться или помочь: рублем, делом, словом. Любому – ближнему, дальнему, воробью или мальку в обсохшей луже...

«Вот только расстояние-то ох не пустячное, – уже почти засыпая, думал Романыч. – Ничего, выберусь. Обязательно выберусь, с Божьей-то помощью все по плечу»... «По плечу, сына, по плечу», – шептала, убаюкивая его, родная избушка.

ПОЭЗИЯ

*****

Альбина КОШКАРЁВА

Нет мира на Земле

Земля родная – шар земной,	Не гаснут звездные огни,
И родичи – земляне:	Для всех на всей планете.
Ведь то же небо надо мной,	Кому-то надо на куски
И тот же ветер рьяный	Делить, и рвать, и рушить,
Шумит в лесах, гремит в горах,	И резать Землю на клочки,
Пески в пустынях гонит,	И боль её не слушать...
С волною бьётся в берегах	Нет мира ни в одной стране,
То весел, а то стонет.	А значит, нет и счастья.
И солнце, и луна – одни	Земля в бушующем огне
Для всей планеты светят	Военного ненастья.

Бессмертный полк

Оркестрик праздничный примолк,
Вновь шум шагов нестройных:
Рекой течет Бессмертный полк –
Дань памяти о войнах,
О тех, кто голову сложил
За честь своей Отчизны,
В сердцах родных живым он был,
Таким, каким при жизни.
И я несу портрет отца,
На нём меня он младше.
С шагами в такт стучат сердца,
Идущих в мирном марше.
С других портретов, что в руках,
Глядят отцы и деды.
Живут, бессмертные, в веках,
Достигшие Победы!

В берёзовом раю

В светлый терем берёз	Легкий ветер смахнёт
Я войду не спеша.	Всю усталость с чела.
В мир зеленый, как в плёс,	Сердце вновь расцветёт,
Окунётся душа.	Снова станет светла
	Тропка в мире большом,
Сень листвы охладит	Что торить лишь тебе.
Горечь стрессов, потерь.	Как в писанье святом,
Хоть на миг отворит	Мы подвластны судьбе.
В рай берёзовый дверь.	

Читая «Лунный камень» У. Коллинза

На вашем пальце перстень с камнем лунным
Таинственно мерцает желтым светом.
Невольно возникают в полнолуние
Загадочные Коллинза сюжеты.

Страницы его вечного романа,
Писателя талантливое слово
Читаю, верю в правду и обманы,
Героев жизни проживая снова.

Страстей безумство и причины следствий,
И странная пропажа талисмана,
Затем череда мистических последствий
Таинственно идущих вслед за камнем.
А леди Вериндер, глазам не веря,
В руках любимого тот камень видит,
И с той поры, закрыв для счастья двери,
И любит горячо, и ненавидит.

В песках зыбучих топит страсть Розанна
И гибнет от любви неразделённой.
Проплыв моря, пройдя чужие страны,
Индусы ищут камень иступлённо...

Наивно книга вещая о Крузо
В руках у Габриэля Беттереджа
Толкует все события, конфузы
Под трубки дым, раскуренную прежде.

Страницы шелестят, иду я следом,
И лунный камень вновь во лбу кумира,
А Фрэнклин Блэк с возлюбленной леди
Вновь счастливы, в согласии и мире.

Уилки Коллинза романа строки –
Английской старины и судеб связи,
И в нашей жизни извлекать уроки
Зовут нас мудрости и слова связи.

Весеннее

И вновь весёлая капель
Разбудит поутру:
Весенний солнечный апрель
Возьмёт в полон Югру.

Подтают. Съёжятся снега
Под гомон голосов.

Ударит талица, тогда
Найдётся россыпь слов,

Чтоб выразить мечты полёт
Сквозь радужные сны.

В апрельский день душа поёт
Под чарами весны.

Бабье лето

Берёзовый туман окутал рощи,
Блестает небо вымытым стеклом.
И ветер стих, до беготни охочий.
И солнце светозарное взошло.

Туман рассеялся, оставив росы
На сонных травах, дремлющих кустах,
И бабье лето оживило осень
Цветным пожаром, грустным пеньем птах.

Горит на солнце красная рябина,
Склонив упруго кисти до земли,
Опять осенних дружная куртина
Моя грибную душу веселит.

С берёз струится осень золотая,
Ковром ложится, кроет всё вокруг,
И нити паутин, искрясь, летают,
Касаясь невзначай лица и рук.

Приметам я и верю и не верю,
Но как же эти радуют меня:
Ведь бабье лето, следуя поверью,
Ещё продлится, летний жар храня.

Любовь моряка

Пусть паруса мои не алы,
Морская на ресницах соль!
Несусь туда, где ждать устала
Моя прекрасная Ассоль.

Печально бродит возле моря,
Не сводит глаз с ленивых волн...
Со шквалами, штормами споря,
Лечу, надежд счастливых полн.

Но вот жестокое цунами
Сломало мачты, сбросив снасть,
И встала вечность между нами –
Морской судьбинushки напасть.

Тот риф у острова морского –
Судьбы неписаной зарок –
Разбил мечты мои сурово...
На дикий берег, на песок

Я брошен пенною волною;
Колена Богу преклонил,
Как Робинзон, под южным зноем
Жизнь в одиночестве влачил.

Текли года, бежало время,
А надо мною – страшный рок...
Пристал корабль, и плена бремя
Окончилось. Я снова смог

Продолжить путь, идя по кругу,
К моей Ассоль, но опоздал:
Мою несчастную подругу
Господь в мир вечности призвал...

Жестокое море разлучило
Союз двух любящих сердец:
Она метнулась в вод пучину –
Таков любви моей венец.

Забытая деревня

Случилось мне увидеть деревеньку,
Безвестную, в лесной глуши,
Врастающую в землю помаленьку,
И на сто вёрст – ни тропки, ни души.

Когда-то дым из этих труб струился,
И ранью громко пели петухи,
А бабий люд в подворье суетился –
На выгон гнали стадо пастухи.

Густой травой заросшие полянки,
Укор в глазницах изб, давно пустых,
И вьётся лента речки Безымянки
В кустарниковых зарослях густых.

Звенело утро босоногим детством,
Лениво тьякали собаки во дворе...
И мне теперь нет-нет да и приснится
Игрушка детская в некошеной траве.

Истлевший чёлн на берегу печальном
Грустит о тёплой ласковой волне,
Когда весло разбитое качало
Его в страстях рыбацких по весне.

Как много сёл заброшенных, забытых
В таёжной заболоченной стране,
Ещё хранящих след былого быта,
Как память о далёкой старине.

Зимнее

Наконец-то морозец крепкий –
Весь декабрь простояла теплынь –
Вновь бодрящего воздуха терпкость
И сугробов звенящая стынь.

Снова счастлива зимним настроем
На душевный лирический лад.
Вьюговейные ветры буровят
Застилающий даль снегопад.

В круговерти, метелью ведомой,
Нелегко пробиваться на свет
Столь желанного милого дома,
Где тепло, и уют, и привет.

Где родные и близкие лица
Беспокоятся, любят и ждут,
И в любой снегомёт заблудиться,
Позабыть отчий кров не дадут.

* * *

Ты зачем во сне приходишь,
Без того забот полно.
Надо мной бедою бродишь
И стучишь в моё окно.

Просыпаюсь, образ сгинул:
Предрассветный час пробил.
Ты зачем меня покинул,
Если клялся, что любил.

Но ворвавшись в сон без стука,
Ты идёшь навстречу мне
И как прежде тянешь руки,
Чтоб обнять меня нежней.

О тебе я днём не вспомню,
Занесёт метель следы.
Так зачем же ночью тёмной
В мои сны приходишь ты?

Альбина ШАБАЛИНА

Манифест моей души

Я так хочу себя обнять!
Хочу в любви себе признаться!
Всю глубину свою принять,
Полётом мысли любоваться.

Зерно осмыслить нелегко,
Что в нас заложено Вселенной.
Снимаю тонкое стекло,
Что охраняет мир мой бранный.

Проникнуть внутрь я не боюсь
И не страшусь бездонной дали.
К познанию истины стремлюсь,
Скольжу по острой вертикали.

Мне не забыть тех дней, что я,
Закрыта в гротах казематов,
Страдала молча без огня,
Склоняясь под бременем расплаты.

Платила я за всех и всё,
Покорно в жизни принимала,

Боясь встревожить остриё,
Что сердце горечью пронзало.

Но я устала от потерь
И незаслуженных укоров.
Взираю смело я теперь
На тех, кто действует, как воры.

Крадут любовь, надежду, страсть
И забирают нежность грубо.
Не для того я родилась,
Чтоб в пепел превратились губы.

Чтоб душу в кассу заложить,
В согласии кивая лживо,
И вместо правды предложить
Осколки от больного мира!

Пусть оскорблений не забыть
И унижений для забавы.
Хочу себя всегда любить!
На это я имею право!

Танец в любви

Тихо, неспешно движемся в танце.
Руки и души сомкнулись в кольце.
Просишь меня ты не увлекаться
Тем, что я вижу на милом лице.

Я не могу от тебя оторваться:
Словно наркотик влечёшь за собой.
Просишь меня ты не отвлекаться:
В па танцевальных сбиваюсь порой.

Если без страсти, то что мне за дело
До этих па и кружений вдвоём?
Только в любви танцевать я хотела...
В ритме сольёмся мы сладким ручьём...

И заскользим, заструимся как песня,
Что непонятна другим, не слышна.
Только для нас эта песня известна:
Скрипкой играет во все времена.

* * *

Как приятно жить!	Очнуться и запеть
По течению плыть!	О том, что не стерпеть...
Красоты замечать!	
О жизни размышлять.	О том, что точит грудь...
	О том, как труден путь...
Забиться в тишине...	О том, что жизнь прошла,
Закрыться в глубине...	Пронзила как стрела...
Волнение вдохнуть	
И выдохнуть чуть-чуть...	Проходит всё, а суть:
	Былого не вернуть.
Расслабиться, понять...	Проходит гнев и грусть...
Чужую боль принять...	Пройдут и беды пусть...
Расстроиться, всплакнуть...	
В глубины сна нырнуть...	Пройдут мои года,
	Где нежно молода
Ожить и задышать,	Оставила любовь,
Приняв от жизни шанс!	Чтобы вернуться вновь!

Юбилей

Мне пятьдесят, я рада жить!
Срываюсь с кручи водопада:
Сверкать, блистать, как снег кружить!
Мне в жизни многого не надо!

Парю над гладью, вижу свет,
Внимаю звукам, крикам сада!
Не остановит мир мой бег:
Движенье – цель моя, отрада!

Взмываю ввысь. За много лет
Я научилась мягко падать,
От мира получать ответ
И у себя беззвучно плакать.

Но эти слёзы – лишь вода.
Они пройдут, как талый вешний
Проходит снег, и вновь весна
Нас дарит радостью безгрешной!

Может хватит?

Жизнь идёт, мир движется, страдая,
Собирая мысли в кузовок,
Никого, поверь, не обижая
Понапрасну посреди тревог.

Мы придумываем горе сами,
Отвергая жизни красоту.
Мы идём по полю с образами,
Призывая Бога доброту.

Мы склонились над своим угодьем,
Как над важной частью бытия.
По ограде мыслей своих бродим,
Окружённые стеной вранья.

Может хватить обличать друг друга,
Тыкать пальцем в бездну и страдать?
Обними меня, моя подруга,
И пора на стол нам накрывать!

Мы весельем напоим дубравы!
Смех и радость разбрасаем вширь!
На восторг и счастье нет управы!
Нет узды на громкую Сибирь!

Надежда

Любовь пришла ночной порой,
К кровати надо мной склонилась.
Был мил и ласков мой герой.
Как жаль, что всё это приснилось.

Приснился танец голубой,
Прогулка с милым над каналом,
Приснились радость и покой,
Нежнейшей ласки покрывало.

Приснилась мне твоя душа,
Что бродит где-то по потёмкам.
Тебя пока я не нашла:
Не проходил моим посёлком.

У берега горестно сажу,
С тобою встречи ожидаю.
Тебя, поверь, я не сужу,
Что в нашу глушь не заезжаешь.

Свободы ветер – не твоё,
Ты связан по рукам делами.
Тебя б забыла я давно,
Слезой умывшись утром ранним.

Но память бережно хранит
Души твоей благую сладость.
К тебе душа моя летит,
Чтоб обрести надежды радость.

* * *

Мне пятьдесят! Я рада жить!
По небу с облаком кружить!
Смеяться, с ветром улыбаться
Речушке бурной восхищаться,
    Закатом тихим золотым,
    Восходом, что всегда любим,
    Травой, что покрывает землю,
    Деревьями, что рвутся ввысь!
Восторга много! Жизни мало!
Ах если б я ещё могла
Прожить сто раз своё начало!
Пройти без ветра и огня!
    Без пушек громогласных в уши,
    Без злобных шёпота и слёз!
    Скажу тебе: я виновата,
    Прости меня, мой дикий плёс.
Ты ласково шуршишь волнами,
Бросаешь пену на песок.
А я давно уже не с вами,
Оборван жизни волосок.
    Но я не плачу, не рыдаю,
    И волосы с главы не рву,
    Я равнодушно наблюдаю
    За тем, как по морю плыву.
Я не русалка, просто тело,
Что обрело души покой.
Остаться навсегда б хотела,
Но только пробил час и мой.
    Я поднимаюсь тихо в небо:
    Расстаться с плотью не спешу.
    Я вспоминаю боль. И небыль
    Встречаю: здесь не нагрешу.
Здесь позабуду все утраты
И отстрадаю о былом...
Всё ближе царские палаты,
Где устланы полы ковром.
    Утонут в них шаги и звуки,
    Замрут движения навек,
    Забудем стоны мы и муки:
    Преобразится человек.
Теперь, пожалуй, станет явным
Всё то, к чему стремился дух.
Растают чувства, и отрадой
Наполнится усталый слух.

Анжела БЕЦКО

Рождественское

В городе снег –
вместо перил,
вместо мостов –
всюду.

Матерь, грустя,
станет седа
и синева
выше.

И человек
двери открыл,
верить готов
чуду...

В мир на «Распни!»,
в мир на «Воскрес!»
послан Отцом
птенчик.

Зимняя стынъ.
Белая вязь.
Ангел летит
в руки.

В мире, где пни,
вырастет лес.
Станет венцом
венчик...

Вышняя синь
не шевелясь
в ясли глядит
в муке.

Тихо висясь,
падает снег,
чист, легкокрыл,
вечен.

В яслях дитя.
В небе звезда.
В путь свой волхвы
вышли.

Чуду дивясь,
вновь человек
двери открыл.
Вечер...

* * *

В зимние месяцы, в стальные месяцы
хочется солнца в окне – хоть убей!
Ангелы ссорятся ль? бесы ли бесятся?
Прячет свой клюв под крыло воробей.
Улица – белой эмалевой линией.
Поднял прохожий рывком воротник.
Небо над городом – ссадиной синею –
грузно ползёт, как гигантский ледник,
и разбивает стеклянные заводы,
с грохотом глыбы упрямо дробя...
...в окнах, ослепших от мрака и наледи,
так угадать невозможно тебя.

* * *

Из просветов, скважин я к тебе – поить. Сутолочь в пейзаже – некогда любить.	и в любовь свивают с головы до пят. В сонном приговоре – некуда бежать! – мне, как дышит море, рядышком дышать, чтобы боль на убыль – в тоненькую нить, чтоб в истоме губы простонали: «Пить...»
Сложен быт и слажен: пресен день, как мел, ночь на землю – сажей, смог – так уцелел.	
Только сны не знают, что давно распят,	

Ангел

В час намоленный и тихий
в неприкаянный мой быт
ты войдёшь, как входят блики,
и останешься, чтоб быть.

Ликом светел, станом узок –
весь из снега и огня.
Ты – смычком для горних музык –
и совсем не для меня.

Я подумаю, конечно,
что устал ты от забот.
Угощу тебя черешней.
Дам тебе, что Бог даёт.

О тарифах и проблемах
я не стану воду лить:
жизнь – не новая дилемма,
чтобы заново пилить.

И о ветреном пейзаже
умолчу, что за окном.
Ничего в ответ не скажешь
ни об этом, ни о том,

даже взглядом не обнимешь –
где услышать нас, земных...
...только молча сердце вынешь,
только тихо крылья снимешь,
чтоб попробовать без них.

* * *

Удочери меня, мой ясный свет.
Как небо – землю и как месяц – звёзды.
Возьми туда, куда другим не след.
Вдохни в себя, как ты вдыхаешь воздух.

В течение, в мелодию, в тоску
своей реки тайком возьми... послушай,
как я читаю бережно строку,
которая твою читает душу.

Возьми в ладоней тёплое кольцо,
как яблоко последнее из сада,
где снегопад забил моё лицо –
там, где душа, лица уже не надо, –

где яблони распяты на снегу
и умер сад, заброшен и завьюжен...
Возьми туда, куда я не могу,
в ту невозможность взять – возьми...
и глубже.

ничей

выше небушка не вырасти
ни на суше, ни в воде.
нет на свете большей сирости,
чем свивать гнездо нигде.
прописался глупый скворушка
в раззолоченном раю.
как живётся, серо пёрышко,
у могилы на краю?

горизонт забит скворечнями
в той заморской стороне,
двухэтажными, нездешними
да пустыми – в глубине...

а у нас снежинки мечутся
как рыбёшки...

но зато
минареты в полумесяцах
в том краю, где ты никто,
богородицы по улицам

да спасители...
не те?..

а у нас – Один...
сутулится,
воскресает на кресте...
а в окне – всполох рябиновый –
рай оседлых снегирей...

а в твоём – горчит чужбиною,
ночь – темнее, день – серей,
оттого и бродишь за морем...

а у нас – белым-бело,
на просвет – всё то же самое,
с небом дружится крыло,
только к прозе мы привычные:
горы – снега, вёдра – щей –
хорошо до неприличия!..

чей ты, скворушка ничей?

* * *

Выстоять – как трава –
в море пламени, в мире пепла,
вынянчить те слова,
что растут, чтоб душа не слеpla,
вышептать те пути –
неизменные – что наружу,
выдышать то «прости»,
без которого вдох не нужен.

* * *

Скрипучее дерево два века стоит.

Дай руку. Шаг тяжёл, как вдох.
Как камень, вымытый потоком.
Давно решивший: Бог оглох,
ты – за окном скрипучий тополь.

Как будто мало тополей
боль хоронящих в стройном теле.

Но птицы к ним весной летели
и вили гнёзда меж ветвей.

И как лучисто и светло,
как зыбко, радостно и свято
перетекала боль в тепло,
чтоб в каждой почке быть распятой.

Дудки

Есть дудки разные.
Одни –
дыханием живут,
и ноты путают они,
и чисто не поют
в чужих руках,
как соловей
стал в клетке б доживать,
о ветке думая своей...

Другим –
на все плевать.
За неумолчный звон монет –
талант,
как пёс,
издох –
продать готовы белый свет
и верят:
с ними – Бог.

* * *

По ангелу – тебе, и мне, и всем.
Как будто божьих тварей миллионы
и лучшее из редкостных поэм
запрястано в их шёпоты и звоны...
Ты несозвучен. Ты – не ко двору.
Ты – диссонанс в мажоре и в миноре...
Тогда хотя бы по крылу, перу,
по голосу, что в ангеловом хоре
срывается до бездновых высот,
где места нет ни свету, ни блаженству...
И если вдрызг, фатально не везёт,
тогда хотя б по шелесту...
по жесту...

Павел ЧЕРКАШИН

55-словники

ПРАСВЕТ

Вчера увидел, как зажглась новая звезда. Но знакомый астроном поведал, что она давно погасла. Ещё задолго до моего рождения.

Огорчаться этому или радоваться?..

Конечно, второе. Ведь её лучи будут тешить взор моим правнукам. И даже тем потомкам, что невольно забудут меня, бесконечно разбавив мою кровь кровью других.

Но все мы будем обласканы светом умершей звезды.

90 СВИДАНОК

Было дело – загремел на полгода в СИЗО.

Место пакостное, нечего и говорить. И со свиданками туго.

Но этого гостя меня никто не мог лишить.

Впервые он заглянул в оконце камеры в сентябре. Мы проболтали добрый час. Говорил, конечно, я. Он участливо слушал.

Так продолжалось всю осень.

Выйдя на свободу, я наконец-то узнал его имя. Арктур.

ДАР

Новое утро – пожалуй, самый желанный и бесценный дар человеку от Бога. Не важно – старому или молодому, пышущему здоровьем или немощному, прикованному к постели.

Какое всё же это необыкновенное счастье – открыв глаза после сна, видеть в окне робкий рассвет и вместе с ним неторопливо и с радостной благодарностью вновь разворачивать и пробовать на вкус конфету жизни.

КРАЙНЯЯ МЕРА

Четыре года откладывал, переносил, находил причины, оправдания для себя... Дотянул...

Телеграмма как приговор: «ПРИЕЗЖАЙ. ПОМИРАЮ. МАМА».

Бросил всё. Отказался от выгодных сделок, сдал турпутёвку и махнул через полстраны в таёжную глушь. Только бы успеть!

Пять тревожных дней пути под плачущим октябрьским небом.

Родной домишко.

Обрадованная мать.

– Мам, а как же... телеграмма?..

– Я смертельно соскучилась, сынок!

МНОГОМИРНОСТЬ

У каждого окна свой неповторимый взгляд на мир. И сколько существует окон – столько и разных миров.

Казалось бы, чего проще и доступней: смотри, открывай новое, любуйся!

Но человек глуп и повсюду носит свой взгляд с собой. И в любом окне видит лишь привычное для себя.

Хорошо, что не все настолько зашорено. И доверяют окнам.

СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ

Старый философ в парке с грустью наблюдал, как безропотно осыплются обессиленные листья.

Мимо шёл дурак.

– О чём печалишься, старина?

– О неизбежности конца. Человеку не суждено подобно листу возрождаться каждой весной.

– Глупости! Надо лишь обмануть смерть, когда она нагрянет в гости.

– Смеёшься? Как?

– Запросто! Поставь перед входом зеркало. Увидев себя вместо тебя, она, растерявшись, уйдёт восвояси.

ОЧЕВИДНОЕ

Оно, вероятно, бывает и летом.

Но не очевидно.

Не пробиться ему сквозь плотный полог короткой белой ночи. Пока однажды в сентябре ты неожиданно с изумлением не заметишь на небосклоне блёклый всполох этого робкого гостя.

Куда ему до яркоцветья осенней тайги!

Но через месяц оно станет полноправным завсегдатаем северного неба. От Покрова до Благовещения.

Полярное сияние.

ВЧЕРАШНЯЯ

– Негодяй! Как он мог!..

Ещё вчера поедал глазами, был неподдельно увлечён, влюблённо сидел рядом, улыбался, любопытствовал, ожидал признаний...

Сегодня всё рухнуло!

Привёл новую пассию. Сидит, воркует с ней. Мне – ни взгляда.

Ах!..

Посмотрел!

Вспомнил!

Идёт!

Я нужна ему!..

Властные руки терзают доверчивое тело, разрывают на части.

Минуту спустя в камине корчится от боли передовица газеты.

ПОСЛЕДНЯЯ ГОСТЬЯ

Когда наступает осень жизни, намного явственней, острее предощущаешь приход неизбежной гостьи.

Иногда она может постучаться тяжёлым недугом, но когда откроешь ей, извинится и скажет, что ошиблась дверью.

Но однажды визит не окажется ошибочным. И будут бессильны засовы, и будет напрасна мольба.

Она войдёт без тени сомнения и возвестит:

– Листопад твоих дней завершён. Я за тобой.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

*****

Елена АУШЕВА

Чашка счастья

(подборка стихотворений)

* * *

Небо ванильное нежно,
Воздух хрустальный прозрачен –
Шарфик повязан небрежно,
Писк воробьиный отважен.

Солнце льёт чистое благо,
Душу рождая к спасенью.
Ручка со мной и бумага,
День – как призыв к вдохновенью.

Без проблем

А мне бы однажды проснуться Свободной от груза проблем И кошкой в постели тянуться – И не торопиться. Совсем!	Упругою юной походкой Пройти незнакомый маршрут, Стучать по асфальту чёткой – В проулок тенистый свернуть!
--	---

Дышать золотистым рассветом, Косою лучи заплести, Приветствовать утро куплетом, Себя ощущать травести.	В кафе заказать чашку счастья, Забудь зарядить телефон. Минуты надеть на запястья – И слушать времён перезвон.
---	---

* * *

Тротуаров блестит золотой антрацит,
Отливая виниловым диском.
Дробных капель блестящая нитка висит.
Вечер тает. И ночь уже близко.

Город жадно глотает разбавленный дождь,
Краской вывесок пачкает лужи.
По неоновым трубкам пульсирует дрожь:
Мегаполис озяб и простужен.

Пришвартованы в спальных районах дома,
В окнах свет полинялый мерцает –
Позабыты цунами, смиренны шторма,
Убаюканы чашкою чая.

* * *

Живу! Вдыхаю кислород,
Которого здесь не хватает,
Люблю беспечный наш народ:
Он, кажется, об этом знает.

Опять в маршрутке – в суете
По окончании работы,
А мир плывёт во всей красе,
Перечеркнув мои заботы!

Он расцветает поутру
Богатством северной палитры,

Срывает ветром мишуру,
И буквы вывесок – как титры –

Прописывают новый день
Многообразием сюжета.
Шагну опять через ступень
И строчку сочиню куплета

О том, что заново живу,
Вдыхаю воздух с наслаждением,
И снова, как по волшебству,
Я верю в чудо Воскресенья.

* * *

Кто-то великий и оттого неизвестный,
Эфирный и тонкий, наверно, небесный,
Красками живописал один цвет: синий.
Смело брал кобальт, вливал лазурь,
Вкрапленья индиго подмешивал. Смешивал
Лазоревый с голубым и лиловым,
Старое-ветхое с хрупким и новым,
Прекрасное с диким, очаровательным.
И цвет купола околосемного,
Если снизу смотреть – со стороны атмосферы,
И сверху, из космоса, где тропосфера сливается с ноосферой,
И сферой жизни земной конечной,
Был цвета неизменного. Синего.
Грустный Ангел, усталые ступни избив о века,
Наползающие друг на друга пластинами,
Брёл по небу, брёл издалека – из сегодня во вчера,
Из сегодня в завтрашнее вчера,
Из сегодня в никогда не отпускающее вчера, одиноко.
Запах свежего синего был неприметен,
Тоньше, чем после грозы озон, чем аромат свежей газеты,
И, прислонившись к небесам, светлый Он
В синем крыльях купал, не боясь их запачкать краской.
Он исчез вдаль, и лишь отпечаток крылатых дум,
Как бельё на морозном ветру, на небесной дуге качался.

Беспечные

В небо – синим змеем!
Воздух режем,
Подорожник клеим
К ранам свежим,

Двухколёсный гоним –
Жизнь беспечна!
Линии ладони
Бесконечны.

Обратная сторона Луны

Когда она обратится ко мне
Своей стороной неизвестной,
Я буду маяться днём и во сне
Пред тёмной манящей бездной.

Сокрыта тайна, печален лик,
Что прежде был медно-звонным,
Бессилен солнца тончайший блик,
Мрак давит грузом стотонным.

Она – отраженье людской души,
Наполненной светом Бога, –

Разменено золото на гроши,
И чёрною стала тога.

И светоч небесный отныне погас,
Его заменила серость,
Как, Боже, ты можешь любить всех нас?
За трусость? За окаменелость?

Когда она обернётся ко мне
В царственной тёмной печали –
Я вспомню свет, рождённый во тьме,
И слово, что было в начале.

* * *

Не пишется. Вновь не выходит точка.
Нет кульминации. И нет, как прежде, слов.
Не терпится. Машинной дробью – строчка.
И чувство странное: ещё жива любовь.

Еще жива. И шёпотом страницы
Рассказов тайных мне о ней кричат.
Зажму я уши. Я возьмусь за спицы.
Отброшу снова. И возьму опять.

Я сброшу номер твой на середине.
Я снова по квартире побреду.
Поставлю чай. Включу я вальс старинный –
И в нём гитару слышу как беду.

Мой сон тревожен, краток, даже страшен.
И серым утром станет новый день.
Пройдет и это. Свет уже погашен.
Мне в мир идти, где я бледней, чем тень.

* * *

Тихо, тихо падал снег.
Звуки вязли. Окна плыли.
Шел случайный человек,
Поседев от белой пыли.

Из следов сплетая вязь,
Брёл неспешно в снежной шали,
Время, хлопьями струясь,
Запорошило печали.

Цветом нежным бересклет
Распустился у дороги.
Фонарей янтарный свет
Тёплым пледом лёг под ноги.

Тихо-тихо падал снег.
Шёл случайный человек.

Ольга БЛАГИНИНА

ЧУДО

1

Осенний ветер с диким завыванием носился по городу, нагоняя страх и ужас на его жителей. Он то безжалостно ломал ветви деревьев, то начинал кружить в незамысловатом танце опавшую листву и, судя по всему, чувствовал себя полноправным хозяином освещенных вечерними огнями улиц.

С темного мрачного неба вдруг закапал дождь. Сначала он весело прыгал по крышам зданий, дорожкам и тротуарам, затем не на шутку разошелся. Это был уже не тот мелкий дождик, что озорно стучался в окна домов, оставляя на стеклах длинные растекающиеся капли, а настоящий ливень, хлеставший с такой силой, что казалось, будто он намеревался поскорее смыть следы уходящего сентября.

«Ну и погодка», – мрачно подумал про себя школьный охранник Константин Александрович, оторвавшись от монитора с записями камер видеонаблюдения. Раздался звук шагов, и мужчина перевел свой взгляд с окна на коридор, по которому устало шла пожилая женщина.

– Что же это вы, Софья Петровна, сегодня так припозднились? Все уже давно ушли – в школе ни души.

– Так ведь можно разве уйти, не закончив работы? Две смены, да еще и отчеты с оценками... Сколько лет уж как ввели эту систему, а я до сих пор никак привыкнуть не могу к компьютеру, – на морщинистом лице Софьи Петровны появилась смущенная улыбка. – Одни проблемы с электронным журналом. То оценки пропадут, то интернет отключат. Родители называют, дети возмущаются. То ли дело раньше...

– Вот-вот. С бумажными журналами куда лучше было. Что написано пером, не вырубишь топором, – рассмеялся Константин Александрович. – Хорошо хоть писать продолжают ручкой на бумаге, – кивнул он на пакет с кипой тетрадей в руках учительницы.

– Это точно, – бодро отозвалась собеседница. – Что ж, пойду проверять сочинения. До свидания!

– Всего доброго, Софья Петровна! – улыбнулся на прощание Константин Александрович и раскрыл книгу, чтобы хоть как-то развеять осеннюю тоску.

Выйдя из школы, женщина раскрыла зонт и, прижав к себе пакет с тетрадями, чтобы они не намокли, поспешила домой.

«Хорошо-то как на улице!» – учительница восхищенно выдохнула, и ее лицо вдруг расплылось в широкой улыбке. Улыбка эта, однако, не смогла разогнать мрачную тучу мыслей, вертевшихся в голове Софьи Петровны и не дававших покоя уже третью неделю.

В этом году ей вручили седьмой «Б» класс – стайку тридцати двух неугомонных птенцов, еще не умеющих летать, но уже возмнивших себя властителями неба. Подружиться с ними учительнице до сих пор не удалось – у детей совершенно не было желания познавать новое, да и дисциплиной в первую же неделю обнаружили большие проблемы.

Порой Софье Петровне казалось, что каждое утро она вынуждена идти не на урок к своему классу, а в клетку к разъяренным тиграм. Еще бы:

их бывшая классная руководительница совсем недавно выпустилась из университета и воспитанием детей занималась мало, уделяя большую часть времени устройению семейного гнездышка, пока совсем не ушла в декретный отпуск.

Многие шалости сходили ребятам с рук; привыкшие к свободе, они не терпели власти и жестких рамок, с которыми встретились в начале нового учебного года. С первой встречи невзлюбил седьмой «Б» Софью Петровну, и каждый день неприятие становилось все сильнее.

За размышлениями учительница не заметила, как дошла до своего подъезда. Озябшими руками она достала из кармана серенького поношенного пальто ключи и открыла входную дверь. Затем поднялась по старой, потрескавшейся от времени лестнице на пятый этаж – лифта в доме не было, вот и приходилось усталой женщине преодолевать весь путь пешком. Это давалось ей с трудом: сидеть во время учебных занятий она не любила, а от долгого стояния на уроках начали болеть ноги.

– Ну вот, слава Богу, я и дома, – запыхавшись, выдохнула Софья Петровна, стоя на пороге маленькой, чисто убранной комнатки. «Так, так, так» – вторили ей большие настенные часы, доставшиеся еще от бабушки Досифеи. Сколько лет прошло с тех пор, как ее любимая баба Дося отошла ко Господу? Сейчас и не вспомнить. Перед взором Софьи Петровны вдруг предстал образ худенькой старушки, на лице которой всегда играла блаженная улыбка, а глаза так и светились добротой.

Она хорошо помнила ее мягкий, приятный голос, теплые морщинистые руки и гладкие седые волосы, видневшиеся из-под простого цветастого платочка. С возрастом Софья Петровна все больше становилась похожей на свою бабушку: свет ее голубых глаз ничуть не потускнел, голос с каждым годом будто становился все бархатистее, а длинные волосы украшало настоящее серебро – не то, которое можно купить за деньги, но которое жизнь дарит людям, немало повидавшим на своем веку, в знак их мудрости.

Баба Дося была единственным родным человеком маленькой Сони: когда родители, попав под обстрел во время войны, были убиты, она взяла соседскую годовалую девочку к себе и воспитала как родную. Каким-то чудом им вместе удалось пережить тяжелую военную пору, а когда наступили мирные времена и Соня немного подросла, баба Дося записала ее в школу, где сама работала учительницей. Девочке нравилось смотреть, как вечерами бабушка проверяет тетрадки и готовится к урокам, а в праздничные дни Соня восторгалась букетами цветов от учеников.

Иногда девочка говорила:

– Вот вырасту – тоже стану учителем, как ты. И мне каждый день будут дарить цветы, а я за это не буду ставить двойки.

Баба Дося в ответ лишь смеялась, не принимая намерения девочки всерьез. Однако время шло, Соня окончила десять классов с золотой медалью и в самом деле поступила в педагогический институт – на учителя словесности. Получив профессию, она устроилась работать в местную школу. В ней-то и преподавала много лет Софья Петровна русский язык и литературу, отдавая детям все свое сердце. Для одинокой женщины любимая работа была настоящей отрадой: именно она помогла ей пережить раннюю смерть мужа и уход дочери из родного дома. Но что поделать: у нее своя семья, много хлопот, да и в город путь не близкий...

Учительница тяжело вздохнула. Отдых отдыхом, а дело не ждет. Она наскоро поужинала, попила чай с баранками и, закутавшись в плед, села проверять сочинения под барабанную дробь дождя.

Следующий день обещал выдаться для Софьи Петровны особенно тяжелым, несмотря на то, что уроков было не слишком много. Засидевшись с тетрадями допоздна, она насилу встала с постели, едва не проспав русский язык у седьмого «Б». Погода в этот раз стояла ясная и на удивление теплая, будто и не было вчера никакого ливня. Однако настроение от этого не улучшилось: быстро шагая в школу знакомой дорогой, Софья Петровна думала о предстоящем уроке.

Ей не давали покоя проверенные сочинения, которые она сейчас несла в руках: как бы на душе горько ни было, пришлось ставить в тетрадях двойки и тройки – на положительную оценку рассуждения ребят никак не претендовали. У кого три предложения, у кого и вовсе пустой лист... А если и были исписанные страницы, то на них обнаруживалось столько ошибок, что их количество могло бы с легкостью попасть в книгу рекордов Гиннеса.

Обычно в классе есть хотя бы один отличник, но седьмой «Б», видимо, был исключением из правил. Даже Алена Кузнецова, у которой по русскому языку до этого стояли твердые четверки, плохо выполнила домашнее задание. Неоднократно женщина задавалась вопросом: почему ей достался именно этот класс? Однако сейчас ее больше беспокоило другое: как теперь объявить оценки, чтобы не вызвать волну возмущений у недовольных ребят?

За углом школы Софье Петровне встретились две ее ученицы. Они не стесняясь курили сигареты, пуская друг другу в лицо облачка табачного дыма.

– Девочки, это что такое?! В таком возрасте – и за сигареты... Пожалели бы себя хоть, что ли...

– Поздно уже нам себя жалеть, Софья Петровна, – ответила светленькая Лена, бросая на землю окурочек и растаптывая его туфелькой. Несмотря на осеннюю погоду, одета она была довольно легко: тонкая рубашка, короткая юбка, эластиковые колготки – вот и весь ее наряд. При взгляде на девочку по телу Софьи Петровны пробежали мурашки.

– Не хотите попробовать? Специально для вас оставили, – ехидно улыбнулась одетая так же по-легкому Лена подруга, протягивая учительнице пачку сигарет. Софья Петровна оторопела.

– Даша, я бы на твоём месте попробовала вести себя приличнее и вспомнить, кто перед тобой стоит. Сегодня же позвоню вашим родителям. А теперь быстро в школу – до звонка осталось пять минут! – скомандовала Софья Петровна, сама удивившись суровости интонации, с которой была произнесена фраза.

Ученицы нехотя оставили любимейшее место, а их классная руководительница, огорченная столь неприятной встречей, пошла вслед за ними, пытаясь настроиться на продуктивный рабочий день. Ее настроение, и без того мрачное, стало еще хуже – будто вчерашнее ненастье перебралось к ней в душу, и теперь там сверкают молнии и льет беспросветный дождь.

«А ну-ка не раскисать!» – приказала себе Софья Петровна, усилием воли пытаясь отвлечься от грустных мыслей. И правда, чего это она так поникла? Сейчас придет на урок, и все ее ужасное настроение передастся детям, а те в свою очередь поделятся им с другими... Ну уж нет, создавать такую цепную реакцию – дело скверное. Как бы на душе плохо ни было,

нельзя позволять себе срывать на детей и погружать их в мрак своей души.

Подняв голову выше и улыбнувшись, Софья Петровна взяла на вахте ключи и направилась в свой кабинет, благо он находился на первом этаже и дойти до него было делом одной минуты. Когда дети наконец расселись и в классе стало тихо, Софья Петровна решила объявить седьмому «Б» оценки.

– Ребята, я проверила ваши сочинения, и результат меня не очень порадовал. Вернее, не порадовал совсем. К моему великому огорчению, я не могла никому поставить пятерку. Зато чуть не у половины класса два.

С задней парты раздался голос:

– А че, и у меня тоже два?!

Задать такой вопрос решился Колька Захлюстин, известный на всю школу задира и гроза начальных классов. Многие ребята его попросту боялись, а потому он считал себя важной персоной и не терпел, если кто-то проявлял к нему неуважение. Неудивительно, что седьмой «Б» сдувал с него пылинки и берег как зеницу ока – ведь Колька мог и заступиться за одноклассников, а иногда даже и конфетами угостить, которые он добывал у запуганных малышей.

– Да, Коля, и у тебя стоит два, – спокойно ответила Софья Петровна, несколько не смутившись вопросом ученика и тоном, которым была произнесена фраза.

– Да за что?! Я же все написал! Какое вы вообще имеете право так занижать мне оценку?! – черные Колькины глаза стали похожи на два уголька, и если присмотреться, то в них, пожалуй, можно было увидеть нечто похожее на огонь – так вспыхнули они в этот момент.

– Хорошо, если ты не согласен со своей оценкой, то подойди ко мне после урока – я тебе все расскажу и покажу, – Софье Петровне стало не по себе от бешеного взгляда Захлюстина, однако она старалась не подавать вида и внешне сохраняла спокойствие – только глаза отвела в сторону, на желтую шершавую стену. В этот момент она почувствовала резкий удар такой силы, будто пуля вонзилась ей в щеку. Тут же к ее ногам упал комок плотной бумаги, а за ним еще и еще. Женщина повернула голову к тому месту, откуда доносились «выстрелы», однако ничего не обнаружила. Со всех сторон слышались смешки.

– Кто сейчас плевался бумагой?

Громкое дружное «Я!» раздалось в ответ и тут же, со всех сторон, донесся такой шум, что Софья Петровна перестала слышать собственный голос.

– Долой несправедливую оценку! Долой новые правила! – кричал Колька. Он встал со своего места и сложил руки рупором, чтобы было лучше слышно. Сашка, его сосед по парте, уже успел спрятать трубочку и твердые шарики из тетрадных листов, которые совсем недавно служили пулями для Софьи Петровны. Он был не меньше возмущен небывалыми доселе порядками. Проверочные на каждом уроке, двойки за поведение и жестокая дисциплина после стольких лет расслабона не вписывались ни в какие рамки.

– Долой негодное обучение! – поддержал товарища Сашка и тут же обратился к одноклассникам: – Кто за то, чтобы свергнуть Софью Петровну с учительского престола?

Тридцать две руки мгновенно поднялись в воздух. Сашка, довольный результатом, парировал:

– Свергнем Софью Петровну! Сделаем нашу жизнь лучше! Долой новые порядки! – крикнул он так, что всем показалось, будто в этот момент стены кабинета затряслись от его голоса. Разбушевавшийся не на шутку 7 «Б» внял призыву, и уже через минуту в кабинете поднялся невероятный гвалт. «Долой! Долой! Долой!» – доносилось со всех сторон.

В какой-то момент учительница перестала замечать то, что происходило в кабинете, будто находясь вне времени и пространства. Она долго смотрела в одну точку, иногда тяжело вздыхала, иногда невидящим взглядом обводила класс, устремив свой взор куда-то вдаль. Это еще больше раззадоривало детей, они снова и снова принимались глумиться над Софьей Петровной, словно не было для них развлечения лучше и приятнее. Кабинет стал похож на клетку зоопарка в обеденное время, когда стая хищных животных набрасывается на свою жертву, сражаясь за лакомый кусочек.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в класс не вошла Юлия Ивановна, проводившая в соседнем кабинете урок математики. Ее внимание привлек шум, который довольно долго доносился из-за стены и мешал спокойно работать.

– Ребята, что у вас тут происходит?! А где же ваш учи...

Юлия Ивановна не договорила. Она бросила взгляд на место учительского стола и ахнула. Софья Петровна сидела, откинувшись на спинку стула, смотрела в потолок немигающим взглядом, а уголки ее губ самопроизвольно подрагивали, растянувшись в кривой улыбке.

– Софья Петровна, что с вами?!.

Не дожидаясь ответа, Юлия Ивановна дрожащими пальцами набрала номер скорой, параллельно пытаясь привести женщину в чувство. Буйный седьмой «Б» к этому времени угомонился и притих, и лишь изредка тяжелые вздохи нарушали тишину. Откуда-то донеслось: «Ну все, конец...», послышался сдавленный крик и – снова тишина, способная каждого пронзить своим всепоглощающим ужасом.

Спустя несколько минут ее увезли в реанимационное отделение с приступом инсульта.

3

– Ребята, ребята, Софья Петровна умерла...

Фраза, произнесенная Дашей – той самой, что когда-то осмелилась предложить классной руководительнице пачку сигарет – прозвучала как гром среди ясного неба и живо облетела не только седьмой «Б», но и всю школу.

– Я сама слышала, – продолжила сбивчивый рассказ девочка. – Там, в коридоре, завучи между собой разговаривали. И у них у обеих на глазах слезы были...

– Вечно ты все придумываешь, Дашка, – прервала ее рассказ Нюся. – И так от русского тошно, ты еще тут...

– Да нет же, правда!

– А может, она не врет? – встрял в разговор Сашка. – Не может она умереть! Не может! Не может! – отчеканил Колька и тут же, к удивлению одноклассников, театрально воздев руки к потолку, дурашливо заголосил. – А-а-а, как же мы тепе-ерь, бедные, несчастные... Никто нас не любит, никто нам так хорошо темы не объясняет, не от кого нам ждать поддержки... Дурак я, дурак, дурак!.. А-а-а...

Но шутку не поддержали. Никто из них даже подумать не мог, чем обернутся их глупые шутки и жестокие проделки...

Молодая медсестра Катенька, как ее называли коллеги, вошла в палату, увидела на мониторе, что сердце пациентки остановилось, побежала за доктором. В тот самый момент в коридоре показалась высокая стройная женщина. Катенька хорошо ее запомнила: она называлась подругой Софьи Петровны и приходила сюда почти каждый день, интересуясь состоянием больной. Времени объясняться не было, а потому Катенька быстро отчеканила:

– Нам очень жаль, но ваша подруга скончалась сегодня утром.

Юлия Ивановна навещала больную каждый день и по состоянию здоровья подруги понимала исход событий, но сказанное равнодушно известие настолько ошеломило ее, что она едва не лишилась чувств. Тем не менее хотела поговорить с сестрой, но у той зазвенел мобильник...

– Извини, милый. Я на планерку опаздываю, – сказала девушка и побежала по коридору.

По дороге из больницы Юлия Ивановна размышляла о скоротечности бытия. Она до сих пор не могла отойти от шока. Ей вспоминался день, когда Софья Петровна оказалась в реанимации. За столько лет работы в школе они с ней очень сдружились, частенько ходили друг к другу в гости.

– Нет больше Софьи Петровны, нашего ангела...

Слезы катились по щекам, смешиваясь с дождевыми каплями. Путь из больницы в школу пролегал мимо храма. В отличие от своей подруги Юлия Ивановна в церкви бывала редко, однако сейчас она почувствовала, что душа просит молитвы. Нет, не ее душа – уходящая в иной мир душа Софьи Петровны.

Зайдя в церковь, учительница с грустью посмотрела на светлый лик Богородицы. Кроткий взор Марии будто осветил душевный мрак, и как-то необыкновенно хорошо стало возле большой старинной иконы.

– Матушка, родимая, не оставь ее без Своего заступничества... Даруй душе ее мир и покой... – шептала Юлия Ивановна, не в силах отвести взгляда от теплого взора Богородицы. – Бедные дети... Господи, прости им их безрассудство...

Мать и Младенец кротко улыбались с иконы, словно говоря: «У Бога ничего не бывает просто так. Успокойся и прими ситуацию такой, какая она есть».

Пятнадцать минут показались Юлии Ивановне целой вечностью. Она вышла из храма уже не такая понурая, как была до этого, будто преобразилась. В учительской поделилась печальным известием с коллегами, и трагическая новость мигом облетела всю школу.

...А в это время в областной больнице проходила планерка. Катенька слушала заведующую и вдруг вспомнила, что забыла выключить аппаратуру у скончавшейся бабули.

Сидя у самой двери, девушка выскользнула из зала и бросилась в палату, где лежала Софья Петровна. А зайдя внутрь, оторопела. Учительница лежала на кровати, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам, словно не понимая, где находится. Увидев медсестру, она попыталась что-то сказать, однако послышался лишь сдавленный крик. Катенька, конечно, слыхала о случаях, когда больные возвращались с того света, но в подобного рода истории не верила и считала их сказками. Теперь же Катеньке самой довелось столкнуться с воскресением умершего.

– Софья Петровна, вы меня слышите? Как вы себя чувствуете?

Ответа не последовало. Женщина снова погрузилась в глубокий сон, и лишь широкая улыбка говорила о только что возродившейся жизни. В это самое мгновение осенний город осветило нежное ласковое солнце.

* * *

– Софья Петровна вернулась! Вернулась!!!

– Дашка, хватит нести всякую чушь. Всем известно, что она умерла....

– Я по-вашему вру, да? Вы мне не верите? Раз так, сами посмотрите.

Колька прильнул головой к теплому оконному стеклу, но никого, кроме стайки воробьев, не увидел.

– Ну и где... – Захлюстин не успел договорить, потому что в этот момент на пороге кабинета появилась Софья Петровна. Совсем как в первый день их встречи, она мило улыбалась.

– Здравствуйте, ребя...

– Софья Петровна!!! – десятки детских голосов слились в один радостный крик. Через мгновение учительница оказалась в таких крепких объятиях, что ей стало трудно дышать.

– Софья Петровна, простите нас... Пожалуйста... Мы так больше не будем...

– Нам вас так не хватало...

– Мы по вам очень скучали!

– Родные мои, милые, а я-то как по вам соскучилась...

Солнечный луч заглянул в окно кабинета, заинтересованный такой трогательной картиной. Он нежно скользнул по спине и плечам Софьи Петровны, затем обнял сгрудившихся вокруг нее ребят.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

*****

Тамара ЗУЕВА

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Из Гёте

Лесной царь

Кто мчит на коне, как стрела, в тёмной мгле,
А ночь стелет бархат по стылой земле...
Ездок нежно держит младенца в руках,
Чтоб страх растворился и холод иссяк...

– Что стало с лицом, мой сынок дорогой?
– Смотри, не лесной ли там царь за тобой?
Корона как ночь и как снег борода.
– То звёзды туман опустили сюда...

– О милая детка, иди же ко мне,
Есть много забав в моей дивной стране,
Пестреют цветы там на жёлтом песке,
Где мать-королева царит вдалеке...

– Ты слышал, отец дорогой, как сейчас
Нам леса король что-то шепчет для нас...
– Спокоен, сынок, будь, не бойся, не плачь,
То ветер по веткам отправился вскачь...

– Чудесный младенец, идёшь ты со мной?
Прелестницы-дочки там ждут под луной,
Мои королевны заждались тебя,
Они будут петь, усыпляя, любя.

– Отец мой родимый, туда посмотри,
Там кто-то взывает меня для игры.
– Да нет же, сыночек, в ночной тишине
Кудрявые ивы шуршат в вышине.

– О мальчик прекрасный, как мил образ твой,
Хоть ты и не хочешь, а всё ж будешь мой!
– Спаси, мой родимый, царь схватит меня –
Напрягся младенец, застыв, как струна...

Отец вдаль стрелой что есть силы летит,
В руках его бедный сыночек молчит.
Во двор, исстрадавшись, отец прискакал,
А сын его мёртвый уже не дышал...

Из Гейне

Где?

Где, мятущийся бродяга, Я смирение обрету? Иль под пальмой, как бедняга, Или в Рейне сон найду?	Иль в песке мне быть отныне Средь глубин и средь времён? Будь что будет, я уверен, В шуме волн и в тишине Упадёт звезда на берег Поминальная ко мне...
Буду, может, на чужбине В синих далях погребён,	

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Из Жоашена дю Белле

Когда я не люблю, ни слова мной о страсти,
А коль не знаю страсти, молчу о красоте,
Когда несчастлив я, о радости забуду,
Когда задеты чувства, о нежности молчу.

Когда я огорчён, о счастье и не вспомню,
А коль владею властью, о почестях молчу,
О дружбе промолчу, коль вижу безучастье,
О здравии молчу я, когда не отдохну.

Забуду короля, коль нет столицы рядом,
Про Францию забуду, когда за рубежом.
Не вспомню я про честь, которую не вижу,
А если денег нет, о золоте молчу...

Гордыня если рядом, доблести не вижу,
Священник коль со мною, о знаниях молчу...

Из Жоашена дю Белле

Песня сеятеля пшеницы

Вам, гости дорогие, Летающие, благие, Глашатаи весны, Поющим звонким маем, Порхающим над краем, Что свежести полны!	Чудесных, бело-чистых, И красных, и душистых, В корзинке, в каплях рос Принёс вам, шаловливым, Крылатым и игривым, Сегодня вешним днём, С ветрами что есть силы Зерно мы разносили Под солнечным огнём...
Цветущие узоры, Малышки мои флёры, Букет прекрасных роз,	

Из Микаэля Ангелиса (Канада)

Маленький кораблик

На волне мой кораблик средь скал,
Он убежище в бурю искал,
Только парус порвал ураган,
Стойким будь, верный мой старикан!!!

Сломанная ветка

Сломанная ветка, ветка на весу,
Как монисто, листья в памяти несусу,
Золота добавит осени гламур,
Листьями сухими кружит ton amour.

Золотой листочек

Тишины напившись,
Золотой листок,
С ветром накружившись,
Умирал у ног...

Ты всегда моя

Не отдам я тебя никому, никому...
Ты в радости мне и в горе – мне одному,
Ты моя навсегда, навсегда – лишь моя,
Слышу, ветер приносит слова: «Я твоя...»

На спящем озере

Под слоем тишины
Уснуло тихо озеро,
Не слышно и волны
В зеркально-стылой просини.

ПОДСТРОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ С АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Из Хизри Дидойского

Зауре Качалайской

О, как изящна девушка моя,
Притягивает хрупкой вазой взоры.
Божественных мелодий не тая,
Звенит хрусталь, по золоту узоры...

Ты светишь мне дорогу, как фонарь
Из тонкого китайского фарфора,
Что славится и ныне, как и встарь.
Глянь на меня, божественная Флора!

Как будто свет вдохнул в тебя Аллах,
Ты – нежный шлейф индийского шифона,
Из стран арабских сладкий чамасдак
Несёшь и наслажденье, и истому.

Ты, как на троне вышитый ковёр,
Взываешь тайной чудной арабески,
Отправь письмо, затей в нём разговор,
Зажги лучом монеты и подвески.

Тебя заждался в Сагаде ашуг,
С пандуром верным, по горам кочуя,
Ляг шалью тонкорунною, прошу,
И облаком плыви ко мне, молю я...

Подобна лани робкая моя,
Пошли посла с ответом тёмной ночью,
«Заира» – шепчут горные края,
И звёзды Бог выкладывает в строчки...

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

*****

Светлана ИВАНОВА

УЖАСНЫЙ ЛЕВ

Огромный страшный лев с клыкастой разинутой пастью хотел съесть всякого, кто подходил к нему. Пузатого мужчину, старика с клюкой, двух мальчишек, разных болтливых тетечек.

Но больше всего на свете ему хотелось съесть серую кошку. Она приходила, долго смотрела на него, а потом бежала к зеркалу и кривлялась, изображая его, Льва, Царя зверей. Как хотелось Льву в этот момент зарычать, чтобы земля содрогнулась.

Но он не мог.

Как-то раз в комнату залетела муха и села Льву прямо на нос. Как хотелось Льву чихнуть.

Но он не мог.

А потом пришла Хозяйка. Она прошлась по нему мягкой щеточкой, смахивая пыль.

Вот кого бы не съел Лев. Она ему нравилась. Ему так хотелось ей улыбнуться, а может, и лизнуть руку в знак благодарности.

Но он не мог.

Он был простой картинкой, вставленной в позолоченную рамку.

И вот однажды в комнате появилась маленькая прехорошенькая девочка. В пышном голубом платье она выглядела как принцесса.

– Какой ужасный и стлашный лев, – прокартавила она, глядя на картину, – у него такая огломная пасть. Я его боюсь! Вдлуг он меня съест. Немедленно убелите его! – и она топнула маленькой ножкой.

– Кристина, мы не дома. Нельзя командовать в гостях, – одернула ее мать.

– Можно, если на стене висит такое чудище!

– Она права. Нельзя пугать детей львами, – добродушно согласилась Хозяйка. – Мы его сейчас уберем.

И она сняла со стены картину, вынула ее из рамки, согнула пополам и сунула в ящик стола. А в рамку вставила картину с цветами.

– Неплохо, – сказала Кристина и побежала за кошкой в другую комнату.

А в ящичке стола лежал Лев. Он нисколько не обиделся на девочку. Он так устал висеть с открытой пастью, да и в горле пересохло! А теперь... линия перегиба сомкнула его челюсти.

Он лежал и наслаждался отдыхом. Но отдыхать долго очень вредно. И Лев стал тосковать. По комнате. По людям и особенно по маленькой Принцессе.

И о нём вспомнили.

В один прекрасный день в доме опять появилась Кристина.

Она скинула лакированные туфельки, босыми ножками прошлепала к столу и стала открывать ящик.

– Кристи, нельзя лазить в чужой стол! – урезонила ее мама.

– Я не лазаю, и он не чужой. Там живет мой знакомый, стлашный и ужасный лев. Я хочу посмотреть, как он там поживает.

И она достала картину из ящика и стала разворачивать ее.

Но Лев так распереживался, что опять напугает ее своей пастью, что сжал челюсти ещё крепче, не давая развернуть до конца картину.

Кристина удивленно посмотрела на Льва.

– Посмотрите, он не хочет откльывать пасть!

Хозяйка попыталась развернуть картину сама. Но Лев сжал челюсти намертво.

– Наверное, вода попала, и рисунок склеился, – предположила Хозяйка.

– Нет! – заявила Кристина. – Плосто лев не хочет быть ужасным. Посмотрите, он улыбается! И вовсе не стлашный! Я его больше не боюсь! Пожалуйста, повесьте его облатно.

Хозяйка пожала плечами и вставила льва в прежнюю рамку. Каким-то волшебным образом картина разгладилась, но... челюсти льва так и остались сжатыми.

И теперь на стене висел добрый Лев с милой улыбкой.

– Я его люблю! – сказала принцесса Кристина. – Он настоящий Цаль звелей.

Льву захотелось замурлыкать, как та серая кошка.

Но он не мог.

ВЛЮБЛЕННОЕ ОБЛАЧКО

Белое Облачко парило над городом. Оно образовалось из воды чистого озера.

Стояла золотая осень. Но люди не замечали красоты природы. Они спешили, бежали, ехали в машинах.

– Странно. Хоть бы кто остановился. Эй, я здесь! Люди, поднимите глаза! Я хочу с вами подружиться.

Наполненное желанием подарить свою любовь, Облачко продолжило путешествие, опустившись к самой запретной черте. Ниже нельзя! От земли идет тепло и можно испариться.

Вдруг оно вскрикнуло:

– О боже, неужели увидели! Эти прекрасные глаза смотрят прямо на меня! – и Облачко затрепетало и заискрилось, отражая лучи Солнца.

А большие голубые глаза распахнулись ещё больше от удивления и восторга. Они принадлежали грустной девушке, сидящей на скамейке в скверике. В руках – раскрытый томик стихов, между страниц – засушенная ромашка.

– Она любит цветы! Так я подарю ей целый букет!

И Облачко, перетекая и меняя свои формы, стало создавать огромный букет ромашек.

И девушка разглядела рисунок! Она улыбнулась, осторожно взяла засушенную ромашку и снова задумалась.

– Нет, только не опускай глаза! – взмолилось Облачко. – Так, ромашки прочь! Они навевают грусть. А я хочу любви! Вот посмотри, теперь я твой преданный пес! – и Облачко стало кудрявой шкодливой болонкой.

Девушка радостно встрепенулась, слегка вытянула руку и будто потрепала кудряшки у собачки.

– О-о-о! – застонало от счастья Облако. – Она меня понимает! Она меня любит! – и тут же вытянулось в очаровательной улыбке и послало своей Музе воздушный поцелуй.

Девушка будто поймала его в ладошку, поднесла к губам и тоже ответила поцелуем.

Восторгу и радости Облака не было предела! Воздушные замки сменялись цветами, деревья – лодками с парусами, сердце, пронзенное стрелой Амура, оборачивалось в парящую птицу.

Девушка восхищенно смотрела на эти превращения. Но вдруг взгляд ее стал тревожным.

– Что случилось? Кто тебя напугал? – заволновалось Облако.

Оно так увлеклось, открывая свои чувства, что даже не заметило приближения чёрной Тучи.

– Бездельничаешь! Пудришь мозги этой девчонке!

– Мы разговариваем. А вы зачем здесь?

Но Туча продолжала ворчать:

– Все вы, белые и пушистые, морочите людям головы! Сами пользу не приносите, так еще их от дел отрываете. Девчонке, наверное, стихи учить задали, а она тут с облаком роман крутит.

– Не обижайте мою девушку. Ведь без любви нет жизни на земле.

– Так уж и нет? Вот без воды жизни точно не будет! А я несу эту воду, чтобы напоить все живое.

– Послушайте, – возмутилось Облако. – Небо большое, летите себе в другое место и там выполняйте свою полезность.

– Что?! – разгневалась Туча. – Ты еще будешь указывать, где мне летать? Эта девчонка через пять минут забудет о тебе!

– Да оставьте вы нас в покое!

– Ну уж нет! – зашипела Туча. – Вас, бездельников, надо проучить! Вот окачу ее холодной водой и приведу в чувство. Она убежит домой и займется делом.

– Не надо, Туча, пожалуйста!

Но Туча фыркнула и стала опускаться к земле...

«Сейчас она обрушится дождем на бедную девочку. И она убежит от меня. Ну нет! Я этого не допущу!»

И Облако юркнуло под Тучу, прикрыв собой девушку от холодных струй. Три секунды – и Тучи не стало. Все-таки она была не очень большой. Растаяло и Облако.

Девушка удивленно оглянулась: ни одна капля дождя на нее не попала. Она стояла в центре сухого круга. Пожав недоуменно плечами, направилась домой. И только Солнце горько вздохнуло.

– Э-э-эх... Какие же они всё же глупые. Одна пролилась, намочив только асфальт. Другое погибло за любовь. А ведь скольким людям можно было подарить надежду, рисуя красивые пейзажи и замки. Ах эта вечная борьба добра и зла... Когда же наступит гармония?

А в маленькой комнатке у окна улыбалась счастливая девушка. Такого состояния она не испытывала с тех пор, как рассталась со своим любимым... Но сегодня! Облачко успело передать ей огромный заряд счастья. И завтра, когда наступит новый день, девушка смело шагнет в новую жизнь.

КРОКОДИЛ

Кро-ко-дил... Вы, наверное, думаете, такой огромный, вечно голодный, с зубастой пастью? Вовсе нет! Конечно, он огромный, но вот зубов у него нет, да и вообще нет пасти.

Такого не бывает, скажете вы. А вот у нас такой был! И я расскажу про него.

...Мы жили на Севере, когда его только начинали осваивать. Десять лет ютились всей семьей в крошечном вагончике. И вот наконец-то получили квартиру. Светлую, просторную, в которую потребовалась новая обстановка. А в городской мебельный магазин как раз завезли диваны. И мы с папой отправились за покупкой.

В магазине папа предложил:

– Ну что, дочка, выбирай диван на свой вкус!

Они все были очень красивыми, с яркими цветами, с разными узорами. А в углу стоял один, обитый темно-зеленым дерматином. Взглянув на него, я решительно сказала:

– Хочу его!

Папа растерялся, а потом стал меня отговаривать:

– Ну посмотри, какой он темный, скользкий и холодный, крокодил да и только...

Но я ничего не хотела слышать и только твердила:

– Хочу этот, как у Ленина!

– У какого Ленина?! – обалдел папа.

– Ну как же, во всех фильмах про Ленина в его кабинете стоит кожаный диван. Правда, черный. Ну ничего, наш будет зеленый.

Папа сдался и, махнув рукой, с улыбкой сказал продавщице:

– Заверните!

Вот так в нашей квартире поселился Крокодил. Он был очень капризным, не любил, когда его застилали покрывалом, и обязательно скидывал его на пол. Людей тоже не баловал: от долгого сидения тело начинало потеть, прилипая к обивке.

Помучившись с ним долгое время, Крокодила решили навсегда укротить: разложили в виде тахты и придавили тяжелым матрасом. Он, правда, еще брыкался, и матрас сползал то с одного, то с другого бока, но сбросить его на пол не удавалось...

И тогда Крокодил стал ворчать и скрипеть, особенно по ночам, когда на нём ворочались. Скрип был настолько громким, что спящий непременно просыпался и долго не мог заснуть вновь.

А вот нашим детям он нравился! Они стягивали матрас, приподнимали диванную спинку и устраивали катания с горки. Малышня без устали вскарабкивалась наверх и с визгом соскальзывала вниз. Удивительно, но к таким развлечениям Крокодил относился очень терпеливо, покорно подставляя свои вытопанные бока под бойкие детские ножки.

Время шло – ребята подрастали. И вот однажды, когда они устроили очередную бурную горку, Крокодил вдруг, крикнув, развалился на две части. Сначала дети перепугались, а потом обрадованно закричали:

– Мама, мама! Наш Крокодил разделся, теперь у нас два Крокодила!

И очень разочаровались, когда его все же пришлось соединить, а на «горку» было наложено табу.

И хотя темно-зеленый диван все еще выглядел неплохо, он стал постоянно ломаться, выбирая самое неподходящее время! Либо под гостями

подламывался, либо ночью, когда очень хотелось спать. Крокодил как бы говорил:

– Я уже старый, отпустите меня на свободу и покой.

Но почему-то на замену именно этого дивана никогда не находилось денег.

...Прожил он с нами 20 долгих лет. И однажды его все же пришлось отпустить... Вечером мы вынесли диван на улицу и оставили у подъезда.

Утром его уже не было. Наш Крокодил уполз!!! И наверное, уже дополз до Африки. Лежит себе и загорает под жарким солнышком.

Дорогие друзья! Если кто-то из вас поедет в Африку и встретит там крокодила без зубов, то это он самый, наш. Не обижайте его и, пожалуйста, передайте от нас привет.

Любовь МИЛЯЕВА

Весна – девочка плаксивая

Девочкой плаксивою в лес вошла Весна.
У берёзок худеньких мокрые глаза.

Шмыгают опушки рыхлыми носами –
Катятся слезинки звонкими ручьями.

Солнце улыбнулось ласково лесам.
Стало кедров гладить по сырым усам.

Потихоньку в поле слёзы улеглись.
И в глазах просохших лютики зажглись.

Дядька-ветер

Бу-бу-бу, бу-бу-бу –	Бородой седой трясёт,
Ветер дует зло в трубу,	Волосами тонет в небе
Трубный звук зловещим гулом	И до тучек достаёт,
Пробирается в тайгу.	Он огромными руками
Мошки-мошечки, слетайтесь,	Мнёт, как губку, их стада,
Мошкорят скорей спасайте!	Скоро будет дождь-гроза,
Ходит-бродит дядька-ветер,	Разбегайтесь кто куда.

Цыплёнок

Мы с Солнышком, наверно, из рода одного:
У меня пух жёлтый – жёлтый у него,
Он клюёт росинки – я клюю зерно.

Только не пойму я что-то одного:
У меня есть лапки. Где же у него?

Разговор с ежом

Сердитый ёж, ворчливый ёж,
Скажи, ворчишь ты отчего ж?
Мне ёж ответил: оттого ж,
Что на репейник я похож!

Зима

Зима – седая кобылица, Как по полю, по земле, Разлохматив гриву, мчится. Холод – молодцем в седле.	И метели-бабки разом, Выйти в свахи норовят. Молодец богат и крепок, Серебра – не перечесть. Даже пни прихорошились, Разоделись в его честь.
Заневестились берёзки, Кто ни глянет – каждый рад. Как сверкает да искрится Из драгой парчи наряд!	Дышит холод разудало – Пробирает аж до слёз. Сказка наяву настала. По лесам трещит мороз.
Кто берёзок нынче краше? Ах, зима на блеск щедра! – Даже у царевны нашей Не сыскать сего добра.	Вся округа веселится. Разукрашены дома. Мчит седая кобылица, Нынче властвует зима.
Серьги, броши – как алмазы В ярких лучиках горят.	

Дождь

Кто-то небо, видимо, обидел –
плачет целый день,
или может ставни дождливого оконца
рогами открыл олень,
или, наверно, в большой пирамиде
небесного колодца
дырку лучом просверлило солнце –
вот водица и льётся.

Мухомор

Мухо-мухо-мухомор Посмотрел на светофор Из корзинки жестяной, Из корзиночки грибной.	Там, в корзинке жестяной Да в корзиночке грибной. «Может, этот светофор Тоже бывший мухомор? У меня на шляпке в ряд Круги белые горят», –
«Как мигает светофор! – Удивился мухомор. – У него на шлеме в ряд Глазки яркие горят».	Так подумал мухомор, Посмотрев на светофор Из корзинки жестяной, Из корзиночки грибной.
Мухо-мухо-мухомор Бородёночку потёр.	

Миша Потапович

Разговорчивой синице
Не сиделось во светлице –
Всё бы ей летать, свистеть,
Всё б на месте не сидеть.
И вдруг видит, как в тайге,
В отдалённом уголке
Загорается пожар,
Всё сильнее, сильнее жар.
Что же делать? Как же быть?
Как огонь лесной тушить?
Заметалась вмиг синица,
(Дым уж кольцами дымится),
Принялась летать, кричать
И зверей на помощь звать.
Утро. Рано. Звери спят,
Просыпаться не хотят.
Только Миша-Михаил
Вперевалочку ходил
Вокруг дерева с дуплом –
Мёд выискивал тайком.
Но услышав крик синицы:
«Там пожар!» – кричала птица,
Миша стал реветь, рычать
И деревья с корнем рвать.
Топором давай рубить –
Быстро ведра мастерить.
Звери ото сна очнулись,
Заметались, оглянулись,
К Михаилу все бегут:
Что случилось? – не поймут.
Миша быстро ведра в лапы
И к реке – не абы-кабы,
А нести воды скорей,
Заливать огонь быстреей.
И пошла в лесу работа,
Волки до седьмого пота
То к реке, как ветер, мчат,
То с водой назад спешат.
Зайцы дружную семьёй
Вёдра тащат за горой,
Птицы – в клюве,
Жабы – в дуве,
Ёж – в колючках на спине,
А сорока на хвосте –
Все ведёрышки несут,
Дождь в помощники зовут.
Миша грозно заходил,
Тучку лапой зацепил.
Тучка сжалась – дождь полил
И пожар тот потушил.

Вышли звери на парад –
Каждый весел, каждый рад...
А спасатель-победитель
Леса хвойного хранитель –
Пляшет бойко на поляне,
С ним таёжные селяне.
Ходит бурый колесом
В настроенье боевом.
Пчёлы мёд ему в бочонке
Привезли на верблюжонке,
Роем сами угощают,
Михаила почитают.
Белки прыгают по кругу
По спасённому по лугу,
И кедровые орехи
Дяде Мише для утехи.
Щёлк-щёлк-щёлк со всех сторон,
И кругом – парадный звон.
Разных голосов трезвон –
Звон-звон-звон-перезвон.
Только хитрая лисица,
Что печальная царица,
Не выходит из норы
С тайным входом у горы.
Чуть дыша зовёт синицу:
– Прилети ко мне, сестрица,
В голове идут круги,
Ой мне, бедной, помоги.
Мёда крынку принеси.
– Ай да лисонька, постой,
Что с твоею головой?
Хитрость ли её вскружила
Али зависть посетила? –
Так сказал угрюмый крот,
Что в другой норе живёт.
Он, придя на лисий зов,
Встал, сказал – и был таков.
– Не сиди, лиса, в норе,
Коли праздник на дворе.
А иди, лиса, плясать,
Нрав игривый показать,
Распушив красивый хвост, –
Подсказал лисице дрозд.
И плутовка гордо встала,
Не похоже, что страдала,
Да и вышла, как герой,
На опушку в круг лесной.
А и право, что хитрить
И в норе одной хандрить?
Лучше праздник посетить,
Хороводы заводить.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

*****

Наталья СЕЗЕВА

СОГРЕТЫЕ СИБИРЬЮ. ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

80-летию начала блокады Ленинграда посвящается

8 сентября 2021 года исполнилось 80 лет с начала блокады Ленинграда, одного из самых трагических событий Великой Отечественной войны. 80 лет назад вокруг города замкнулось вражеское кольцо. В окружении оказались около 2,5 миллиона человек, среди них – почти 400 тысяч детей.

В ноябре 1941 года в Тюменскую область было эвакуировано 155 детей известных ленинградских художников из блокадного Ленинграда. Местом назначения их стало село Емуртла Упоровского района Тюменской области. После снятия блокады в 1944 году они вернулись в свой родной город. Многие из них связали свою жизнь с изобразительным искусством: стали в дальнейшем живописцами, графиками, скульпторами, архитекторами, искусствоведами...

В ноябре 2021 года, 80 лет спустя, в Арт-салоне «На Никольской» Центральной городской библиотеки г. Тюмени в течение месяца работала выставка, которая познакомила с творчеством Виктории Белаковской, Георгия Рашкова, Владимира Прошкина, Валерия Траугота – известных художников из Санкт-Петербурга, судьбы которых оказались неразрывно связаны с тюменским краем. В экспозиции было представлено свыше сорока живописных и графических работ из мастерских художников и частных собраний. Основу ее составили жанровые и пейзажные зарисовки военных лет В.М. Белаковской; пейзажи «мистического» Петербурга Г.Н. Рашкова из серии «Небо. Город. Доминанты»; пленэрные этюды-картины и рисунки из альбома «Мой любимый город» В.В. Прошкина; виртуозно, с большим артистизмом исполненные акварели В.Г. Траугота из цикла «Мои любимые животные» и оригиналы его книжных иллюстраций, а также альбомы о художниках крупного искусствоведа и музейного деятеля Ю.А. Русакова...

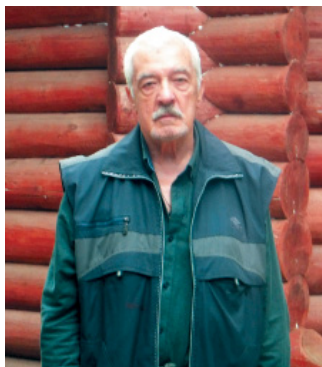
27 января, в день снятия блокады Ленинграда, состоялось торжественное открытие выставки в селе Емуртла Упоровского района и акт передачи в дар 16 живописных картин в местную Воскресную школу от Заслуженного художника России, известного петербургского художника Г.Н. Рашкова.

Реализовать проект «Согретые Сибирью. Память прошлого» в Тюмени, а позднее в Емуртле Упоровского района стало возможным только благодаря поддержке депутата Тюменской областной думы А.В. Артюхова.

Данная публикация основана на уникальных документальных и изобразительных материалах: фотографиях и рисунках военных лет, а также страниц из воспоминаний художников о ярком и незабываемом, даже 80 лет спустя(!), «сибирском следе» в их судьбе и творчестве*.

---

* Отметим, что часть воспоминаний были записаны при личном общении автора статьи в 2019–2021 гг. с Г.Н. Рашковым, В.В. Прошкиным и братом художника, известным петербургским художником А.Г. Трауготом.

Г.Н. Рашков. 2020 г.

*«Петропавловская крепость. Утро». 2014 г.
Холст, масло, 60x90*

СОГРЕТЫЕ СИБИРЬЮ. ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

80-летию начала блокады Ленинграда посвящается

*«Смольный собор».
2014 г.
Холст, масло, 60x90*

*«Набережная
Крузенитерна».
2014 г.
Холст, масло, 60x80*

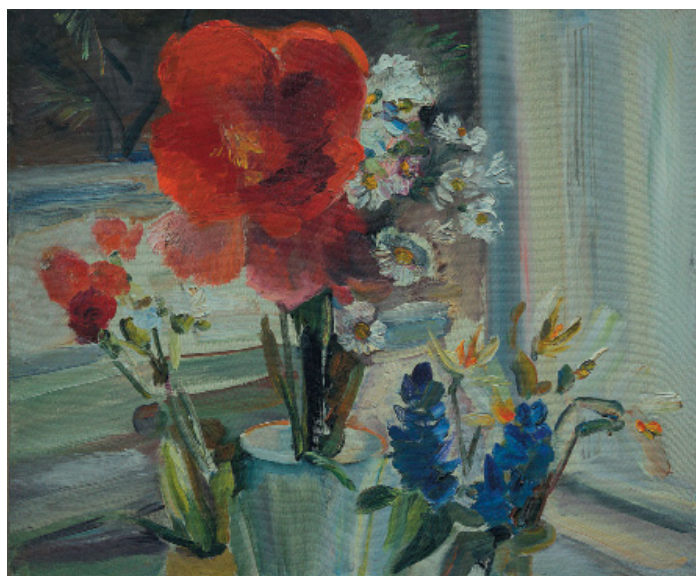
«Оредеж у Белогорки».
2008 г.
Холст, масло, 46х60
Из собрания художника,
Санкт-Петербург

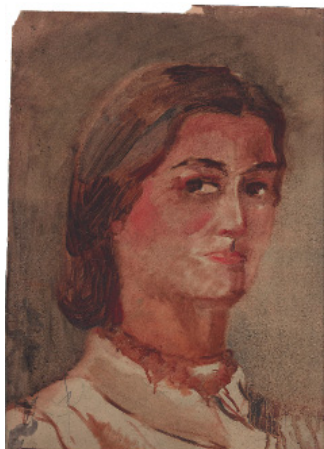
В.В. Прошкин.
В мастерской
художника. 2021 г.

«Весенний пейзаж».
2000-е
Холст, масло, 46х60
Из собрания художника,
Санкт-Петербург

Натюрморт. 2000-е
Холст, масло, 46х60
Из собрания художника,
Санкт-Петербург

*В.М. Белаковская
Автопортрет. 1943 г.
Картон, масло, 43х32
Из коллекции В.В. Прошкина,
г. Санкт-Петербург*

*«Проводы». Эскиз картины.
1942 г.
Бумага, акварель, 15х18
Из коллекции
В.В. Прошкина,
г. Санкт-Петербург*

*«Долина реки Емуртлы».
1942 г.
Бумага, акварель, 19х24
Из коллекции
В.В. Прошкина,
г. Санкт-Петербург*

*Альбом для рисования
(акварели, наброски,
рисунки). 1942–1944 гг.
Из коллекции
В.В. Прошкина,
г. Санкт-Петербург*

«Кошка».
Бумага, акварель

А.Г. Траугот.
Из серии «Мои любимые
животные». 1950-е
Бумага, акварель
Из собрания А.Г. Траугота,
Санкт-Петербург

«Серна».
Бумага, акварель

«Тигр».
Бумага, акварель

РАШКОВ Георгий Николаевич
1936 г.р.

Заслуженный художник РФ. Живописец, график, плакатист. Пейзажист, автор жанрово-тематических композиций, натюрмортов. Член Союза художников РФ. В 1941 году был эвакуирован из блокадного Ленинграда в село Емуртла Упоровского района. Участник областных, всероссийских, международных выставок. Произведения находятся в частных собраниях России, Германии, США, Канады, Швеции, Финляндии и других странах.

СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ ДЕТСТВА

«Четыре зимы и четыре лета, прожитые в ЕМУРТЛЕ, навсегда остались в моём сердце и памяти. За всю свою долгую жизнь я никогда не забывал своё детство, согретое теплом приютивших нас ЕМУРТЛИНЦЕВ. Детский дом над обрывом, с которого мы катались на чём придётся. «Школьный дом» напротив дома купца Рякишева, с пожарной каланчой во дворе – место наших «штабов», заросли белены у заборов. Её всегда хотелось попробовать. Дерево, усыпанное майскими жуками. Такого я больше нигде не видел. Незабываемое зрелище – коршуны, кружащие в голубом небе над деревней. Лютые морозы зимой, жаркое лето и бурные весенние протоки на улицах, по которым мы пускали кораблики. И КОНЕЧНО, ЕМУРТЛИНКА, с её омутами и перекатами, где мы собирали красивые камешки. ЕМУРТЛИНКА, в высоком берегу которой жили стрижи или береговые ласточки. Живут ли они сейчас? В Емуртле я закончил первый класс. Сперва ходил в каменную школу в конце деревни. Потом нас перевели в двухэтажную деревянную рядом с клубом. Из школьных приятелей по именам не помню никого, к сожалению. Помню только Юрку Огурцова. Их дом стоял рядом с каланчой. В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ ДЕТСТВА ПРОШУ ПРИНЯТЬ ОТ МЕНЯ СЕРИЮ КАРТИН О ЛЕНИНГРАДЕ «НЕБО, ГОРОД, ДОМИНАНТЫ»

Буду рад если это вызовет у ЕМУРТЛИНЦЕВ минуты заинтересованности и удовольствия.

Георгий Рашков. 19.09. 2021 г.

*6 ноября 1941 года. Гаврилов Ям.
Город по дороге в Емуртлу.
Я первый слева
Фото из собрания Г.Н. Рашкова*

*Емуртла. Лето 1944 года. Я в центре.
Самый высокий рядом со мной –
Валерий Траугот»
Фото. Из собрания Г.Н. Рашкова*

ГЕОРГИЙ РАШКОВ НЕБО. ГОРОД. ДОМИНАНТЫ

«Прежде всего, когда говоришь о произведениях Георгия Рашкова, задумываешься – что же мы видим?

Пейзаж? Нет. Жанр? Нет, совсем не жанр, хотя есть и пейзаж, и содержание, рассказ, но не это главное. В каждом холсте есть какой-то вопрос, тайна и хочется сказать забытое слово – картина. Пожалуй, это определенное больше всего подходит к сравнительно небольшим работам Рашкова.

По-моему, картина – это прежде всего нечто значительное, ее не просто смотрят, над ней думают, и она дает серьезный повод для размышлений.

«Мысли приходят ко мне в зашифрованном виде», – сказал Анри Матисс.

Каждый художник задает свои загадки. Воспринимая зрительные впечатления, он воплощает их на холсте по-своему, и именно это составляет ценность произведения. Мир, увиденный художником в реальности, в воображении, во сне, переданный им с темпераментом и талантом, обогащенный глубокими философскими раздумьями, представляет, на мой взгляд, большой интерес.

Главным героем этого раздела является Петербург. Петербург – несомненно, самый мистический город России.

Единственный из ныне существующих городов мира, он имеет своего основателя, больше того, автора, и этот город отразил в себе величие и противоречие гения Петра. Самый русский и самый европейский, прекрасный и страшный, город великолепных невских проспектов и классической архитектуры, мостов и каналов, белых ночей, тишины, наводнений и революций.

О нем писали поэты и писатели. Его писали художники. У Рашкова свой Петербург. Это много».

Валерий Траугот, Заслуженный художник России

«Согласно желанию родителей и подчиняясь законам деторождения, появился на свет 14 октября 1936 года в городе Ленинграде в семье художника Рашкова Николая Георгиевича.

Что было дальше? Дальше была эвакуация в Сибирь в годы войны, школа, спорт, техническое училище, служба в армии.

Чего не было? К сожалению, не было никакого художественного образования. Никогда не было желания стать бухгалтером и чиновником любого ранга в любой стране.

Демобилизовавшись из армии, поступил на работу в художественно-оформительский комбинат Художественного фонда РСФСР. Начались долгие годы блаженного безделья, которые продолжаются и по сей день, потому как философ сказал: «Хочешь всю жизнь ничего не делать – выбери профессию, которая тебе по душе».

Член Союза художников России с 1977 года. Специализировался в культурно-зрелищном и рекламном плакате. Постоянный участник выставок плаката, как на родине, так и за рубежом. Произведения находятся в музеях плаката Варшавы (Польша), Лахти (Финляндия), в лектории ГРМ, Государственной библиотеке (Москва).

С 1990 года живопись стала основным направлением в творчестве. За период с 1993 по 2012 год состоялось 12 персональных выставок живописи. На каждую выставку автор представлял новые работы, объединенные одной темой.

В 1996 году – выставка в Сеуле (Республика Корея).

В 1998 году – выставка в Хельсинки (Финляндия).

Остальные выставки проходили в залах Санкт-Петербургского Союза художников.

Чем объясняется это постоянство – патриотизмом или ленью, не может сказать даже автор.

Полотна Георгия Рашкова находятся в частных собраниях России, Украины, Бразилии, Германии, США, Канады, Республики Корея, Финляндии, Швеции.

Пока все... Продолжение следует».

Г.Н. Рашков

ПРОШКИН Владимир Викторович 1931–2021

Заслуженный художник РФ. Живописец, график.

Пейзажист, автор жанрово-тематических произведений, натюрмортов. Работает в технике акварели, занимался книжной иллюстрацией. Родился 11 июля 1931 года в Ленинграде в семье художников В.М. Белаковской (1901–1965) и В.Н. Прошкина (1906–1983). В 1941 г. с матерью и сестрой эвакуированы в Ярославскую обл., дер. Селише. В ноябре-декабре этого года переезд в село Емуртла Тюменской области. В 1943 г. поступил в кружок скульптора Шульца. В августе 1944 года по возвращении из эвакуации поступил в Среднюю художественную школу при Всероссийской Академии художеств (1944–1951). Учился в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (1951–1957) у А. Зайцева, В. Соколова, Л. Худякова. В 1957 году окончил институт по мастерской Б. Иогансона. Член Союза художников РФ. Член общества акварелистов Санкт-Петербурга. Участник областных, всероссийских, международных выставок. Произведения находятся в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург), в музеях и частных собраниях в России, Латвии, Эстонии, Франции, Италии, Финляндии, Израиле, Японии, Великобритании и других странах.

СИБИРСКИЙ СЛЕД

«В возрасте 10 лет, я, городской, василеостровский мальчишка, очутился во глубине Сибири – в селе Емуртла, на одноименном притоке Тобола. Это был 41-й год, эвакуация с матерью и сестрой из стремительно сжимавшегося кольца вокруг Ленинграда.

Через три года, когда мы вернулись, я, оставшись один, влез на подоконник городской квартиры, посидел, посмотрел – и ощутил какую-то первобытную тоску по утерянному – цветам, травам, запахам, просторам...

Конечно, это прошло, как прошел и мой сибирский говорок, и ухватки. Но – тяга к природе, к естеству нашей земли – осталась.

Кстати, именно в Емуртле тогда жила и вдова замечательного русского художника А.А. Рылова. С собой в эвакуацию она увезла из осажденного города огромное количество этюдов мужа. Однажды она показывала матери этюды Аркадия Александровича. Я был рядом, конечно, я тоже увидел, и – был шок. Вблизи – видны только мазки. Чуть отошел – все начинало благоухать. Живую природу Рылов чувствовал и изображал изумительно. Это я потом понял, что сначала надо прочувствовать как следует, и только потом изображать, передавать это чувство восторга. Знакомство с этими работами и предопределило окончательный мой выбор профессии».

Из воспоминаний В.В. Прошкина

**БЕЛАКОВСКАЯ Виктория Марковна
1901–1965**

Живописец, график. Портретист, жанрист, пейзажист. Училась в Одесском институте изобразительных искусств (1918-1923). С 1923 по 1927 гг. учеба во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе (Петроград-Ленинград) у А.И. Савинова, затем в мастерской профессора К.С. Петрова-Водкина. В 1930 г. поездка с мужем – художником В.Н. Прошкиным на строительство Харьковского тракторного завода. В 1931 г. рождение сына Владимира, в 1939 – дочери Марианны. В 1941 г. – эвакуация с детьми в Ярославскую область, затем в Сибирь, в село Емуртла Тюменской области. В 1944 г. – возвращение из эвакуации в Ленинград. Член СХ СССР с 1945 (1949-1953 – исключена). Участник выставок с 1924. Член общества «Октябрь» (1930-1931), Товарищества художников (Горком ИЗО, 1935-1941), была близка мастерам «Круга художников». Работы находятся в собраниях Государственного Русского музея, Государственного музея Санкт-Петербурга, музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, а также в частных собраниях в России, Латвии, Эстонии, Франции, Италии, Финляндии, Израиле, Японии, Великобритании и других странах.

«Одно из первых впечатлений детства, мне было, наверное, года четыре: просыпаюсь утром, выбегаю в рубашонке в другую комнату – там мать разбивает куриные яйца – чик! – нет, не для яичницы – отделяет желтки в чашу фарфоровую, вливает туда пенистую жидкость, пиво. Размешивает, добавляет синие, красные, зеленые порошки – делает темперу яичную, как я узнал уже позднее. Сейчас так почти никто не работает.

Она же была ученицей Петрова-Водкина, это школа монументальной живописи, из глубины веков. Водкину нравились и ее цветовые решения, и рисунок. Он ее почти не поправлял».

*Из воспоминаний В.В. Прошкина,
сына художницы*

ТРАУГОТ Валерий Георгиевич
1936–2009

Заслуженный художник РФ. График. Выдающийся книжный иллюстратор. Пейзажист, автор жанрово-тематических композиций, натюрмортов. Член Санкт-Петербургского Союза художников. Председатель бюро секции графики Союза Художников Санкт-Петербурга. Является достойным продолжателем династии великолепных художников Трауготов. В 1941 году был эвакуирован из блокадного Ленинграда в село Емуртла Упоровского района. Окончил художественную школу при Академии художеств СССР и ЛИЖСА им. Репина. Оформил более 300 книг. Участник областных, всероссийских, международных выставок. Произведения находятся в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург), в музеях и частных собраниях России, Латвии, Эстонии, Франции, Италии, Финляндии, Израиле, Японии, Великобритании и других странах.

ВАЛЕРИЙ ТРАУГОТ

**«Мы смотрим на мир лишь однажды — в детстве.
Остальное только воспоминание...»**

«...В июле 1941 года пятилетний мальчик с лучезарными глазами, как про него говорили, вместе с другими детьми художников ехал в эвакуацию. Вначале в Ярославскую область, в городок Гаврилов Ям. Потом почти два месяца в далекую и безопасную Сибирь, в Тюменскую область. Домашнему ребенку все было в новинку, казалось интересным приключением. Без всякого ужаса вспоминает Валерий дощатую теплушку, нары, на которых грелись вповалку мальчишки, — начались сорокаградусные морозы. Ели какую-то баланду. Пили, обжигая губы, кипяток из алюминиевых кружек. Взрослые, чтобы выбраться на остановках наружу, топором обрубали лед с тяжелых дверей.

14 декабря 1941 года прибыли на станцию Заводоуковская, а от нее на грузовиках сорок с лишним километров ехали вглубь, на свое постоянное место жительства. Так Валерий оказался за тысячи километров от родного дома, в сибирском селе под непонятным названием Емуртла, что по-татарски вроде бы означает «сто яиц». Село на самом деле оказалось основательным: сельсовет, семь улиц, несколько школ, больница, две церкви (правда, недействующих) — все каменное, по-сибирски добротное. Когда-то тут проходил знаменитый сибирский тракт, по которому гнали каторжан и везли декабристов. Об этом рассказывали старожилы. Теперь посреди села был овраг с ручьем, заканчивающийся низиной. Иногда там выли волки. Валерий их видел.

Вместе с другими детьми Валерия поселили в двухэтажном доме, рубленном из сибирской сосны, — по шесть ребятишек в комнате. Жены художников на четыре года стали их воспитательницами. Постепенно обзаводились собственным хозяйством — как иначе прокормить более сотни маленьких ленинградцев? Научились сажать овощи, ухаживать за скотом, построили скотный двор. Была и конюшня с лошадьми. (При возвращении в Ленинград лошадей, коров, гусей, поросят и быка повезут с собой в теплушках и отдадут Дому творчества художников в Старой Ладогге.) Старшие ребята ездили со взрослыми в лес на лесозаготовки, женщины тоже помогали валить и пилить

деревья. Валерий помнит купание в речке Емуртла, притоке самого Тобола, бегом босиком в любую погоду до самых холодов и другие детские радости.

Но самые главные его впечатления все-таки о книгах, лепке и рисовании. Библиотека в школе, где он начал в семь лет учиться, была на редкость хороша – от Плутарха и Шекспира до русских классиков. Ее собрал директор школы с литературной фамилией Лир, приехавший из Петербурга в Емуртлу еще в 1911 году с университетским значком на сюртуке, чтобы учить уму-разуму сибирских детей. Через тридцать лет ему выпало просвещать ленинградских школьников. В ранние темные вечера, при свете коптилки – электричества и в помине не было – он читал детям вслух Шекспира, Диккенса, Пушкина, Толстого. Валерий, вспоминая, что Лир поражал обширностью знаний, образованностью, внутренней культурой и утонченной воспитанностью, прибегнул к такому сравнению: «Литературу и историю он знал не хуже Лихачева». Нетрудно представить, что за художественные образы витали в воображении будущего художника книги. Он и сам уже много читал. Хроники Шекспира, например, к девяти годам знал наизусть, а потом, уже в Ленинграде, даже разыграл их со школьным другом, самостоятельно смастерив костюмы и вооружение.

Георгий Николаевич, как только появилась возможность, вместе с письмами стал присылать сыну бумагу для рисования в больших конвертах. И вот еще одна радость: печь для обжига глины. Ее оборудовал скульптор Гаврила Александрович Шульц, выбравшийся к ним из блокадного Ленинграда по спасительной ледяной ладожской дороге. Он охотно взял талантливого мальчика в ученики, и Валерий стал сам обжигать вылепленные им фигурки, в основном всякой живности и птичек, за которыми он любил наблюдать, рисовать их и лепить. Так насыщенно прошли для него четыре года.

В Емуртле долго не ведали о блокаде родного города, да и о самой победе узнали не сразу – ни газет, ни радио у них не было. В Ленинград и впустили-то не сразу после окончания войны – паспорта выдавали только коренным ленинградцам, да и то не всем. Наконец добились разрешения на въезд, снова погрузились в теплушки, и 14 августа 1945 года Валерий Траугот оказался дома.

В Волхове, где остановился их состав, его встречали старший брат и отец. Паровичком добирались до Ленинграда, за окнами были страшные картины разрушения: покореженные танки, сгоревшие зенитки, остовы домов. Родной дом, хотя и сильно поврежденный снарядом, был по-прежнему красив – своим петербургским охристым цветом, белой лепниной над сохранившимися любимыми балконами. Но вошли они в другой подъезд, со двора. Теперь Трауготы жили в отдельной трехкомнатной квартире, прежняя, коммунальная, в пятнадцать комнат, была отдана под интернат для детей-сирот.

На пороге встречала мама. В самой большой комнате стояли знакомые мольберты. К стенам, как всегда, были прислонены картины отца, кнопками прикреплены рисунки Александра. Валерий развернул свои рисунки и скульптуры, бережно им довозенные. Все смотрели и радовались.

Валерий быстро привыкал к новой жизни, носясь, по деревенской привычке, босым по улицам. Только вот в кинотеатр не пускали: босоногим вход был воспрещен».

Из книги Л. Кудрявцевой, Д. Фомина «Линия, цвет и тайна Г.А.В. Траугот». – СПб.: Вита Нова, 2011.

РУСАКОВ Юрий Александрович
1926–1995

Искусствовед. Крупный музейный исследователь. Автор монографий, научных статей.

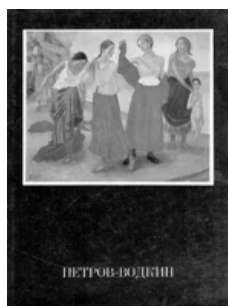
Родился в семье ленинградских художников Александра Исааковича Русакова (1908–1952) и Татьяны Исидоровны Русаковой-Купервассер. Осенью 1941 года вместе с другими детьми членов ЛОСХа эвакуирован в с. Емуртла Тюменской области, откуда в ноябре 1943 года призван в РККА. Демобилизован по болезни в мае 1944 г. В 1950 г. окончил факультет теории и истории искусства Института им. И.Е. Репина. В 1951–1954 годах работал в Государственном Русском музее и ленинградском отделении издательства «Искусство». С 1955 году работал в Государственном Эрмитаже, с 1965 заведовал там отделением западноевропейской гравюры. В сферу профессиональных интересов Ю.А. Русакова входило изучения западноевропейской (в основном французской) печатной графики и русского искусства XX века. Автор ряда монографий (о Д.И. Митрохине, К.С. Петрове-Водкине, французской *Livre d'art* первой половины XX века) и большого количества статей. Писал о творчестве ленинградских графиков Б.Н. Ермолаева, Г.М. Неменовой, Г.С. Верейского, Л.А. Юдина, о книжной графике А. Матисса, М. Шагала, А. Лоранса, А. Майоля. Написал ряд мемуарных очерков о своих коллегах по Эрмитажу, а также оставшиеся неоконченными воспоминания о родителях. Сыграл большую роль в формировании эрмитажного собрания французской книжной графики первой половины XX столетия.

Поздравительная открытка Ю.А. Русакову. 1942 г. Из собрания А.Ю. Русакова, Санкт-Петербург

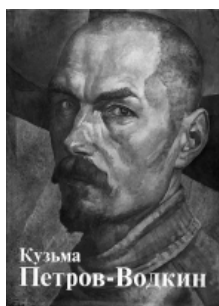
Алла Александровна и Юрий Александрович Русаковы. Вторая половина 1950-х гг.

1.

2.

3.

1. Ю.А. Русаков. *Петров-Водкин*. Л., 1975 г.
2. Ю.А. Русаков. *Анри Матисс. Искусство книги. Каталог выставки из собрания Эрмитажа Л.*, 1980 г.
3. Ю.А. Русаков. *Кузьма Петров-Водкин*. Л., 1986 г.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*****

Анна НЕРКАГИ

ЛЮБЛЮ ЧИТАТЬ ОМЕЛЬЧУКА. В ОДИНОЧЕСТВЕ

Омельчук... Произнесу я это вслух или скажу про себя, не важно. Важно, что в душе моей наступает молчание, похожее на благовейнейшую молитву.

Омельчук... Этому человеку было суждено судьбой, а значит и Богом, жить со мной, знать меня, не дать мне погибнуть в жизни. Не как человеку, а как писателю.

Так решено Богом. Настоящих дорогих близких незаменимых нам дает Бог. Отправляя в жизнь, как в командировку в одно и то же время, он делает это и знает зачем. Быть одним единым. Чтобы не случилось в жизни каждого из нас...

Омельчук... Он остался со мной, хотя нас разделяет не одна тысяча километров. Как познакомились, мы ни разу не предали друг друга. Я молчала о нем, когда надо было молчать, когда любое слово теряет смысл, лицо и силу...

Для меня Омельчук никогда не падал... Не падал, как не может упасть моя вторая нога... или глаз.

Я восхищаюсь мужеством и силой Духа моего Друга. Хотя согласна с ним в одном... дни жизни уходят, их становится все меньше... Но хочу сказать: дни жизни станут днями Вечности, где работы будет очень много. Будет много красивой и сильной, радостной работы.

У Омельчука есть особый талант. Талант быть другом. Согласитесь, это редкий талант. И дается он только Богом. Талант быть писателем, к сожалению, не всегда от Бога, от противного – сатаны. И сколько талантливых людей съел, убил, уничтожил, извел на нет тот, кто противен Богу. Не от слова противен, от смысла: стоять против, быть против, убить противника.

От творчества Омельчука не веет войной, знаком гнили и помоек... Тонкий, редкий юморок, как весенний, настоящий на травах, цветах радости всего существующего – он есть. Без него мертво всякое творчество, Омельчука особенно.

Люблю читать некоторые размышления Омельчука. Останавливаюсь на них всей Душой моей. Восхищаюсь ими и чувствую себя находящейся на ранней весенней проталине, где зацвели цветы – дети.

Читая Омельчука, зная его, о том, что он есть на свете, чувствую себя другим берегом одной реки. Великой реки, имя которой Вечность, и прожитые нами жизни – это всего лишь кусочек Вечности – маленькие короткие пути, которые к нашей радости, в этих путях слились воедино и стали Рекой.

Не хочу сразу сказать. И самому Омельчуку, и всем, кто слушает, читает, думает.

Я не согласна потерять своего Друга, потерпевшего меня в этой жизни, никогда меня не предавшего, никому меня не продавшего ни за грош собачий.

Я хочу быть с ним не только до скончания веков человеческих, хочу быть с ним, когда время из человеческого станет Божьим. Когда мы станем

нашему Спасителю детьми, друзьями, соратниками, сотворцами, когда мы будем с ним тем, кем нас хотели видеть, знать и любить.

Я даже уверена, что это будет так. Верные и преданные наши Други не будут нами потеряны, они будут с нами вновь и вновь. Они будут вечно с нами.

За честь почту работать с Омельчуком, сотворчествовать, совершенствовать вместе, погибать и воскрешать, ибо и это будет нами постигнуто.

Ибо и это мы сможем совершать по великой милости нашего Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа.

Напоследок хочу сказать простые тёплые слова, которые имеют силу радовать, в этой нашей «пробной» жизни; вернее в одной из пробных жизней.

Спасибо тебе, мой Друг, мой Великий другой Берег, ибо берега одной реки верны друг другу, так, как еще не умеют люди. Никогда не слышала, чтобы ушел, пропал, исчез, изменил и предал другой Берег, свою истинную половину. Бог даст – мы ещё проживем, порадуем друг друга. Посидим в одиночестве, читая друг друга, восхищаясь и изумляясь силой сказанного, понятного и принятого.

Честно говоря, ни одного современного писателя не читаю. Омельчука читаю в одиночестве. Читаю одна и думаю... Иногда завидую, но чисто и честно восхищаюсь и думаю, что я не смогла бы так сказать. Иногда вслух разговариваю... но всегда радуюсь...

Вроде все важное сказано, но ничего не могу поделать: простые, обиходные человеческие слова выстроились в дружный ряд, и тоже хотят, чтобы их сказали и их передали через расстояния и время.

И поэтому... Анатолий Константинович, мой вечный Берег и Друг, хочу дать очень теплый совет – не бояться старости, ибо благословенно время мудрости. Не бояться смерти – ибо и она есть Божие произволение. Пока без неё никто не будет с Богом, со Христом. Но только пока придет время, когда и Смерть сдаёт свои позиции, и мы все будем вспоминать о ней с добром и радостью, ибо без неё, как ни странно, нет того, чего мы все так любим – нет Жизни. Жизнь и Смерть – они пока тоже разные берега Великой реки, которая называется Вечностью.

Читая Омельчука, чувствую себя ходящей по осенней тундре – поляне, и везде встречаю поздние осенние цветы, которые Душе особенно дороги и милы. Хочется их собрать в букет, поставить в кабинете и, подходя к ним, думать: как жаль, что вы расцвели и решили жить глубокой печальной осенью. Надо было немного пораньше начать жить, цвести и радовать.

НА ПОЛЯХ ПРОЧИТАННОГО

Из книги «Козырный век»

Каждый свою правду и только свою представляет как всеобщую.

Я: Да, это правда. Это главная задача писателя. Иначе зачем писать? Зачем писал Лермонтов, зачем сочинял Пушкин, зачем Данте мучался, зачем умер за книгой «Роза Мира» Даниил Андреев?

Представить свою правду? Разве есть главнее и важнее для писателя задача?

Нет... своя правда? Нет, это не правда лично писателя... Это правда Бога, его честь, достоинство и работа. Писатель – работник Бога. Он работает хорошо. Как дворник работает хорошо...

Омельчук: У человека не было инструмента, кроме собственного тела.

Я: Да, человек – музыкальный инструмент Гения Бога.

Омельчук: Сегодня организм у нас изношенный, только для лечения болезней – достояние врача.

Я: Да, потому что сегодня больной, потому что Дух его – трус, враг... и развратник.

Омельчук: Анна Неркаги – голос, крик, немного радости естественного последнего на этой планете человека.

Я: Какой мощный комплимент. И когда? Через многие расстояния и годы. Спасибо, Анатолий Константинович.

«Мудрые изречения ненецкого народа» – это крик маленького, христопещерного народа. Молчание – самый лучший крик больной и одинокой Души. Мой родной и великий ненецкий народишко – крик о Беде. Но жизнь так шумна, вряд ли кто услышит одинокий крик умирающего?

Омельчук: Кастрация языка – дискриминация слов, гуманитарная толерантность – на русский язык не распространяется.

Я: Правильно. Я встаю на колени перед русским языком. В моем случае я думаю по-ненецки, но свои мысли могу выразить только на русском.

Думаю, Господь, творя, думал по-Божески, но говорил по-русски. Русский язык – язык Вселенной.

Омельчук: Литература занимается несовершенством человеческой личности и ужасающим несовершенством власти...

Я: Да, несовершенство человека – главный вопрос творчества любого... Да! Нам нет дела до Власти. Дело и вопрос есть к человеку...

Омельчук: Человек – сгусток Вселенной...

Я: К сожалению, да, потому что он сегодня будоражит и тревожит Вселенную... Как пьяный сосед в многоэтажке.

Я расписалась на странице 431. Да, это я, и там мои слова. Это я люблю Омельчука, и чем дальше по времени, тем больше уважаю, ценю и горжусь. Недаром я как-то сказала, уже давно, ощущая вперед время. Сказала, что буду с любовью и тревогой ожидать его на тропе Вечности. В начале тропы, великой тропы, когда нельзя дальше идти одному, лучше вдвоём...

Так оно и случилось...

Книга печали

Замечательная книга. Отлично, потому что Книга печали легка и радостна. Хорошо, что книга печали, а не книга Скорби. Скорбь – она тяжела, она уйдет из Души, как некая чистая печаль. Скорбь поселится в Вашей Душе, как хозяйка в чужом жилье. И не уйдет, она притаится...

Книга печали со многими мудрыми, простыми, понятными мне печальями-печальками мне очень понравилась. Печаль времени, печаль мудрости, печаль первой любви. Времени печаль... Читаешь и думаешь! Из скольких прекрасных печалей-печалек состоит наше бытие. Мы богаты печалью... И очень радостно, что все эти прекрасные печали имеют Великую мать – Печаль Вечности.

Так и рвется из меня сказать, хотя, наверно, не стоило. У нас с Вами не так уж много читателей, а можно и смело сказать – их нет. Читателей

нет, есть судьи. Они берутся судить то, о чем не имеют ни понятия. Мы пишем не для них, мы пишем для себя, потому что если не напишешь – себе не простишь.

Наше орудие – слово. Недаром Даниил Андреев писал и говорил про слово «Розу Мира» – если хотя бы одни внимательные глаза прочитают эту книгу от первой до последней страницы, значит не зря прожита длинная тяжелая жизнь.

Мы тоже можем подобно этому Великому воскликнуть: если хоть один пытливым ум прочел хоть одну нашу книгу, значит и мы прожили не зря.

Вот тебе и печаль Творчества. Значит, все-таки мы маленькие, но все-таки творцы. Бог был и есть Творец, и будет Творцом. Дай Бог, чтобы после смерти мы смогли бы себя так назвать после земных мытарств.

Царственная тайна

Царственная тайна... Тайна о Сибири в данном случае. Сибирь как последний хребет Великой России, а если ещё смелей сказать – последняя земля человечества, которая сохранит в своем теле крохи человечества.

И поэтому вам голос был. Я не сомневаюсь, мне тоже был Голос. Во время болезни ковидом. Вернее, на третий день после моего беспомощства. Я помню Утро. Оно только наполовину было человеческим Утром. Потому что не помню точно, но настойчивый, отчетливый голос говорил мне: жизнь и смерть – они братья по крови. У них одна мать. У них один огонь.

Они живут в одном чуме. Наверно, «чум» был произнесен, чтобы мне стало ещё понятней, я понимаю, что такое жить в одном чуме. У них один огонь. У них одна работа – спасти человека.

До обеда с небольшими перерывами голос отчетливо ясно и упорно говорил о двух братьях – Ангеле Смерти и Ангеле Жизни. До сих пор пока этот краткий, но веский текст я не выучила наизусть. После обеда он исчез, но время не отвернешь: уже сама по себе повторяла, что было мне сказано.

Теперь я понимаю. Сказанное очень резко изменило моё отношение к Смерти. Смерть – лишь другой берег жизни, без жизни нет Смерти. Без Смерти жизни нет. И пока будет так.

И вот говорю. Меня изъяли из жизни дня на три, чтобы я услышала так нужные современному человеку слова. Бесценные слова. Если их кто-то поймет, значит, и я, подобно Даниилу Андрееву, не зря прожила в сущности длинную жизнь.

Из книги «Река возвращается»

Печаль Вечности

Любовь – репетиция Вечности, сказал Анатолий Константинович. К сожалению, я не люблю Любовь. Не уважаю, не принимаю. Любовь в том виде, в каком она царствует в мире людей, мне не указ. Я не люблю её.

Люди её обожают... А зря?! Апостол Петр тоже любил Иисуса Христа... и Иуда не промолчал, когда спаситель задал свой главный вопрос: любите ли вы меня?

Все ответили утвердительно. А чем всё кончилось? Одним словом, не люблю ни это чувство, ни это слово.

До любви

Ненцы, как нганасанки, тоже стали человеческой крохой, и не потому, что что они подобно нганасанам тоже не говорят дешевых слов – «я тебя люблю».

Ненцы женятся без любви, и они правы, жизнь – не игра, и любовь в ней никому не нужна.

Вопросы Богу

У человека вопросов к Богу не должно быть. Бог все сделал для человека. Помню из своего детства, очень и без него убогого на первый взгляд детства.

Мы никогда не задавали вопросов отцу – запрещалось. Отец наш знал все сам. Это было Законом.

Помню ещё, запрещалось разговаривать и задавать вопросы собакам. Они тоже все знали сами. Работали, лаяли, ели, бегали и еще раз много работали.

Запрещалось разговаривать и задавать вопросы взрослым, когда кто-то умирал. Умиравший всё знал Сам.

Мне уже много лет, и я не осмеливаюсь задать ни одного вопроса Богу до сих пор. Ненцы коротко говорили – Он. Бог всё знает Сам.

Отцовская обида

Сибирь – Земля Бога, его последняя крайняя Надежда. Она принимала и будет принимать обиженных до скончания Века. Будет принимать обездоленных, оскорбленных, невинных.

Поэтому и Отца Вашего Сибирь приняла. Она, Сибирь, готовится к своей особой участи – быть последней Твердью для человечества – нелегкая Участь. Но мы, как и она, не выбираем свои участи. Она нас выбирает.

Руки отца

Нас отец никогда не бил. Никого. Нас в семье было восемь, то ли не за что было бить, то ли некогда.

Из своего детства и жизни понимаю очень крепко, наверно и беспрекословно – наш Отец никогда не бил своих детей. Отсюда делаю вывод – Бог никогда не бьет человека.

Глаза смерти

Они ласковы. Они полны слез о нас, грешных... Мы же сами не умели плакать, особенно при Смерти. Слава Богу, у нас есть кому за нас плакать – Ангел наш Хранитель принимает на себя всё, что мы не умели делать, в том числе и плакать...

Всей вашей семье желаю радости, терпения вашим близким, ибо сама иногда замечая, как мои близкие терпят меня с великим трудом. И я их с радостью терплю. Желаю легких и радостных дней вам и семье вашей, особенно Гале. У нас с вами нет причин для глубокой печали, ведь мы еще тут. Бог даст, и еще будем...

С уважением, терпением, с радостью Анна Неркаги

**Антонио ПЕРЕС ЛАШЕРАС,
доктор филологических наук,
профессор Сарагосского университета (Испания)**

ПАМЯТЬ СНЕГА

Анна Павловна Неркаги (род. 12 декабря 1952 г., полуостров Ямал, Сибирь) – российская писательница, представительница малочисленной народности ненцев, обитающих в сибирской тундре и занимающихся главным образом оленеводством. Как и все ненецкие дети ее поколения, с 1957 года, когда в СССР среднее образование стало обязательным, она обучалась в интернатах и после получения аттестата зрелости поступила на геологоразведочный факультет Тюменского индустриального института. Однако в отличие от многих из ее сверстников, в 1980 году Анна вернулась на свою малую родину и посвятила себя обучению ненецких детей, создав в поселке Лаборовая образовательный центр «Земля надежды», учебный план которого охватывает широкий круг предметов: его воспитанники изучают не только культуру своих предков, но и основы православной религии, проводят опыты по выращиванию овощей в закрытом грунте и изучают закономерности формирования самобытного характера своего народа. И сегодня, когда земля ее предков стала крупнейшим производителем нефти и газа в России, а некоторые из ее земляков отказываются от традиционного образа жизни, Анна Неркаги борется за воспитание подрастающего поколения в духе исконных принципов и ценностей своих предков.

Анна Неркаги стала одной из самых ярких выразительниц духовного богатства своего народа (согласно данным последней переписи населения, общее число ненцев составляет немногим более 40 тысяч человек, из которых только 30 тысяч могут говорить на родном языке), используя для этого самые разнообразные жанры: рассказы, повести и сборники текстов антропологического характера, в которых находят отражение мысли, обычаи и верования ее предков. Ее путь в литературу начинается в 1976 году, когда была опубликована ее повесть «Анико из рода Ного». Изданная через три года повесть «Илир» стала еще одним подтверждением ее несомненного таланта. Два десятилетия спустя Анна Неркаги предъявила на суд критиков и читателей две новые повести: «Белый ягель» (1995 г.) и «Молчащий» (1997 г.). Последнюю из них она считает своим лучшим творением.

Благодаря инициативе издательства Гара де Эдисьонс (г. Сарагоса, Испания), безупречному переложению Алексея Ещенко с русского языка на испанский (русский оригинал совершенно не доминирует над испанским переводом, в текст которого удачно вкраплены термины ненецкого происхождения) и краткому, но содержательному предисловию Натальи Дворцовой испаноязычные читатели получили возможность познакомиться с творчеством автора, популярность которого растет с каждым днем. Под обложкой книги, которая является предметом нашего рассмотрения, читатель найдет дебютное произведение Анны Неркаги – «Анико из клана Ного» – и один из ее более поздних текстов – «Белый ягель».

Две повести, в которых описана повседневная жизнь и нашло отражение мировоззрение ненецкого народа. В «Анико из клана Ного» автор

вскрывает проблемы, вытекающие из конфликта между ненецкими традициями и тем, что принято считать современностью. Старшее поколение ненцев испытывает чувство принадлежности к своему роду и потребность жить так, как жили их предки, в то время как дети, которых они отправляют в интернаты, в семью не возвращаются.

Перед взором читателя проходит долгая череда действующих лиц – не только людей, но и животных, – принимающих участие в развитии сюжета этой повести, в которой представлены мельчайшие детали материальной и духовной жизни ненецкого народа. В отличие от «Анико из клана Ного», в «Белом ягеле» повествование строится на судьбах двух мужчин – Петко и Алёшки, – которые живут ожиданием, когда же Илне – дочь Петко и первая любовь Алёшки – вернется из города. Из-за этой любви Алёшка, выступающий в роли связующего звена между двумя произведениями, избегает телесной близости с женой, а несбыточное ожидание встречи с прошлым оборачивается для него нескончаемым самоистязанием.

В произведениях Анны Неркаги ненецкая культура представлена не только в ее первозданной простоте, но и во всей ее доброте, красоте и наивности. В 1834 году ненцы приняли крещение, но им удалось сохранить духовные ценности своих предков в сочетании с нормами православной церкви. В этом симбиозе верований доминирует анимизм, в системе которого роль верховного бога и центра мироздания играет Нум, воплощенный во всех элементах живой природы, включая атмосферные явления. Хотя Нум не имеет олицетворения, по силе своего духовного воздействия он сопоставим с христианским Святым Николаем, и именно ему весной и осенью ненцы приносят в жертву белых оленей. Нга – его сын – властвует в мире мертвых, которые не перестают оказывать свое влияние на мир живых. Кроме них, в состав ненецкого пантеона входят духи земли и воды, дающие смысл всем существам творения. Даже у очага есть свой дух. И каждый из этих духов представлен в виде деревянных или каменных статуэток.

В последние годы Анна Неркаги нашла новую художественную форму для своих произведений, предлагая своим читателям сборники поговорок, легенд и традиций ненецкого народа: «Мудрые изречения ненецкого народа» (2014), «Загадки моей бабушки» (2015), «Легенды и предания» (2015) и «Песнь Творцу» (2015). Собранные вместе, эти книги представляют собой убедительный образец ненецкой мифологии и слияния древней культуры этого народа с православной религией.

В то же время они образуют своеобразный трактат по антропологии, посвященный исследованию образа жизни, которому – увы! – суждено исчезнуть. В ненецкой культуре анимизм и духовность присущи всем творениям, даже тем, которые выступают в качестве врагов или, скорее, соперников человека – такие как волк, – а также тем, что излучают жизненную силу, как деревья или земля, «которая есть мать, Бог и спасение». У ненцев особая концепция семьи, особое понимание любви, особое отношение к памяти предков и своя философия опыта, которой они готовы поделиться с другом, удобно расположившись у очага и покуривая трубку...

Перевод с испанского Алексея Ещенко

Сергей ЛУЦКИЙ

И ЭТО ВСЁ О НЕМ...

1

Меня всегда занимал вопрос: когда Коняев умудряется писать?

С Николаем Ивановичем я был знаком добрых два десятка лет, и почти все это время он возглавлял писательскую организацию Югры. Должность беспокойная и многотрудная. Это и разработка разного рода документов, и их реализация на деле, и многочисленные выступления перед читателями, и участие в писательских мероприятиях, вплоть до всероссийских – да мало ли что еще.

В том числе и многолетнее редактирование альманаха «Эринтур», у истоков которого он стоял. На такой должности ни словом, ни взглядом нельзя задеть гипертрофированное самолюбие авторов. А это тоже труд – не всякий автор такого отношения заслуживает. Не говорю уж о том, сколько времени и нервной энергии забирала у Коняева борьба с чиновниками. Чего стоили одни только страсти вокруг писательского дома в Ханты-Мансийске, в свое время дарованного нам, а затем под благовидным предлогом властью и отобранного.

И тем не менее Коняев писал. Находил для этого время и силы. Умел сохранять в себе душевное равновесие, без которого ничего толкового в литературе не создашь. А что это как не показатель духовного здоровья и преданности делу, которому была в итоге отдана жизнь?

Я мог бы перечислить и другие вехи биографии Николая Ивановича. Но в жизни писателя не внешние события определяют суть. Главное – душа и ум, а они наиболее полно проявляются именно в произведениях. Отсюда и название этого эссе. Разговор о рассказах и повестях Коняева – попытка осмыслить его духовную сущность, нравственные критерии и писательский потенциал. Что, повторюсь, главное в настоящем, серьезном литераторе.

2

У прозы Коняева есть одна любопытная особенность. В ней чувствуешь себя, как в обжитом деревенском доме. Ты не знаешь наверняка, что ждет тебя в той или этой комнате и какой вид откроется из окна. Но совершенно уверен: и там, и здесь встретишь понятные, близкие твоему читательскому сердцу порядки и вещи.

Ощущение естественное, причины очевидны. Николай Коняев работал в стилистике, имеющей в отечественной словесности давние добрые традиции. Эта стилистика (речь не столько о формальных признаках письма, сколько о нравственных установках) осенена именами Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Василия Белова, других хороших писателей. Для них духовное здоровье русского человека всегда составляло главный нерв творчества. Если же заглянуть вглубь времени, то забрезжат фигуры исполинов нашей литературы, на многие годы определившие ее пафос.

Большая часть включенных в том избранных произведений «До поры до времени» хорошо знакома читающей публике. Эти рассказы и по-

вести печатались в московской и региональной периодике, выходили в коллективных сборниках, публиковались в авторских книгах Коняева. Не ошибусь, сказав, что в фокусе внимания писателя находились прежде всего деревенские жители (отсюда, вероятно, и ассоциация коняевской прозы именно с д е р е в е н с к и м домом). Основное же духовное содержание рассказов и повестей – стремление человека сохранить в себе твердые нравственные начала.

Особенность нашего времени: оно насыщено многочисленными идеями – от традиционных до вполне экзотических. Что и понятно, процессы глобализации проявляют себя и таким образом. Кто-то преклоняется перед научным прогрессом, а кто-то верит, что на Сатурне обитают души умерших. Но для героев Николая Коняева главное не отвлеченные идеи (нередко оказывающиеся к тому же ложными), а то, что испокон века существует в народном сознании. Это справедливость, честность, семейный лад.

С симпатией следишь, например, за Таисьей, немолодой героиней рассказа «Чужая музыка», сумевшей отказаться от такого нужного ей, но ворованного теса. Трогает сердце родительское беспокойство Евдокии и Никандра (рассказ «Письмо без приветов от Кирилла»). Сопереживаешь бескомпромиссному Мартынову («Прости, капитан»). И невольно задумываешься: окажись больше таких людей в нашей стране, так ли сложилась бы ее история?..

Почти родственные чувства вызывает Изот Чагин из рассказа «Изоша Поперешный». Ну не хочет человек быть бараном в стаде, направляемом властью имущими!.. Об исконном для России нежелании начальства понять простого труженика идет речь в одном из лучших коняевских рассказов «Все перевернут».

Стоит сказать о непростом вопросе, которым в последние годы задаются многие писатели. Гуманистическая традиция – это, конечно, хорошо. Но не устарел ли такой подход в литературе, не остался ли в прошлом? На первые роли все очевиднее выходят произведения другого рода. Разговор не о коммерческих изданиях – все эти детективные, дамские, мистические и прочие сочинения не в счет. Они не литература.

Имею в виду произведения, авторам которых не откажешь в профессиональных качествах, но которые превращают литературу в некую забаву, разгадывание невразумительных ребусов и шарад. Их романы и повести – этакие вещи в себе, самодостаточная игра интеллекта. Осмысление новых тенденций в жизни происходит такими авторами никак не с позиций нравственности, чем всегда была сильна русская литература. Декларируется едва ли не полное безразличие к реальной жизни к ее болевым точкам.

В какой-то мере позицию таких писателей можно понять. Вероятно, это разочарование в проповеднической миссии литературы. Ее высокие идеалы, к большому сожалению, человечество не исправили. (Что, замечу, на протяжении нескольких веков, которые существует светская литература, и нереально. Христианство, к примеру, бьется над совершенствованием человека два тысячелетия – и с довольно скромными результатами.)

Возможны и другие объяснения подобной тенденции в современной изящной словесности. В частности, зависимость от власти, как ни странно это может прозвучать в нынешние времена. Опыт показывает, любая власть не заинтересована в оценке своей деятельности с точки зрения нравственности. И совсем не обязательно вводить цензуру. Достаточно,

к примеру, поставить «толстые» журналы, задающие тон в литературе, в финансовую зависимость от государства, а то и вовсе отделить от него. Что благополучно и делается.

Но каковы бы ни были причины смутного времени в литературе, мириться с мыслью, что отныне ей уготована роль пустого и необязательного времяпрепровождения, согласится не каждый писатель. Согласиться – значит лишить литературу смысла, души, отказать в высоком предназначении. В наши дни водораздел между истинной литературой и подделкой под нее – не то, какими стилистическими приемами пользуется писатель и не устарели ли они. Куда важнее: есть у него нравственная позиция или нет. Именно это оселок, на котором поверяется значимость литературной работы.

Следует все-таки оговорить один существенный момент. Превозносить прозаика только за то, что он не теряет нравственных критериев, было бы неосмотрительно. Пафос автора становится фактом литературы только в том случае, если он подкреплен профессиональным умением. В этом смысле Николай Коняев, как уже говорилось, также был по-хорошему традиционен, его произведения по-писательски добротны и высокопрофессиональны. Им уготована долгая жизнь.

Претендующая на объективность оценка должна быть доказательной. Сделать это в данном случае и легко – и сложно. Проза Коняева из того ряда, когда каждая фраза, вырванная из контекста, ничего из себя особого, казалось бы, не представляет. Но в совокупности с другими создает плотную художественную ткань, отличающую настоящее искусство от суррогата.

Прочитую начало рассказа «Изоша Поперешный».

«Поутру 7 ноября Изот Чагин встал в предвкушении праздника, чему законным основанием служило красное число на отрывном календаре. Встал и, почесывая грудь, прильнул к окну.

– Погляди в свое окно – все на улице красно! – продекламировал он с чувством, хотя на улице-то было вовсе не красно, не ало, даже не розово, а белым-бело от свежего, ночью выпавшего снега.

Дурачась от избытка теплых чувств, он мимоходом чмокнул жену в ухо и под ее довольное бурчание вышел налегке во двор. Постоял, полюбовался чистым оснежением и расправил плечи...

Через полчаса, выбритый, умытый, сел за стол и выжидательно глянул на жену. Тоже на законном основании. Но она вдруг проявила нерешительность.

– А может быть, Изоша, без стопки обойдешься?

– А почему без стопки? – удивился он. – Праздник же сегодня!

– Да вроде праздник и не праздник, не поймешь... Еще когда по радио сказали, что демонстрации не будет! Скажи, Иван? Ты слышал?

Сын подтвердил с набитым ртом:

– Угу... Сказали. Слышал».

Ничего, на первый взгляд, особенного. Простота и естественность текста порой создают именно такой эффект. Но искушенный читатель отметит: за каждой фразой свобода обращения со словом и материалом. А они даются даже одаренному литератору далеко не сразу. Коняевский текст имеет самостоятельную эстетическую ценность – он, что называется, вкусен, осязаем. А умело вкрапленные детали с самого начала закладывают в читательское сознание представление о героях.

Изот – обычный, нестарый еще мужчина, он и грудь способен с удовольствием почесать, и жену попутно чмокнуть, и полюбоваться во дворе свежеснеженным снегом. Живет Изот, судя по всему, в собственном доме

то ли в поселке, то ли на городской окраине (должны же быть у него основания надеяться, что 7 ноября «все на улице красно», – в деревне такого не бывает). Косвенным подтверждением полудеревенского быта и отрывной календарь на стене – городские, более «продвинутые» жители предпочитают глянцевые календари-альбомы.

Жена Изота тоже осязаема уже по первым фразам рассказа и своим репликам. Она из тех простых женщин, которым приятно внимание мужа, но традиция требует поворчать, когда тебя целуют при сыне. В семье она не на последних ролях, что по ходу повествования и подтверждается. Жена определяет, когда налить Изоту рюмку, а когда нет; когда дать деньги «на общение» с мужиками, а когда и отказать. Кстати, это обстоятельство – краска в характер не только Изотовой жены, но и его тоже. Во всех смыслах положительный семьянин вряд ли полез бы на телевышку устанавливать красный флаг...

Всего несколько фраз, но сколько всего за ними! Кроме психологически точного поведения и реплик героев налицо и экономное обращение автора со словом, когда нет ничего лишнего и каждая деталь несет максимальную смысловую нагрузку. Подобное дорогого стоит, особенно в жанре рассказа, который по определению должен быть лапидарным. Ну и разумеется, звучание каждой фразы, абзаца. Без чувства гармонии, лада хорошего писателя не бывает. Коняев это чувство демонстрировал убедительно. Как и стремление к неизбежному определению или ситуации. Изот любит «чистым оснежением», а целует жену не в щеку, а в ухо – потому что неловко, мимоходом...

Остается только добавить, что все перечисленное типично не только для «Изоши Поперешного», но и для всего творчества Николая Ивановича.

Написанные в разные годы и собранные под одной обложкой, рассказы стали показателем еще одной существенной особенности. Речь идет о направлении, в котором развивалась коняевская проза. Так сказать, вектор ее движения. «Изоша Поперешный», «Время поворота солнышка на лето», «Новый русский хант», «Деньги для адвоката», «Прыжок с закрытыми глазами» и некоторые другие рассказы запомнились не только актуальным по тем временам материалом. Они были новым этапом становления Коняева-прозаика. В этих произведениях автор самобытней, изобретательней, тоньше, чем в написанных раньше. А замысел новых рассказов объемней и глубже.

Живописуя, например, жизнь пенсионера Петра Мокеевича («Время поворота солнышка на лето»), автор подводит читателя к пониманию состояния человека, выпавшего из полнокровной жизни и в итоге никому не нужного. Ситуацию объемно подсвечивает и выводит на общечеловеческий, вневозрастной уровень случай с бывшим сотрудником Петра Мокеевича – Григорашем, которого уволили с работы. Пронзительный, берущий за сердце рассказ! Сделан он на полутонах и при всей своей самостоятельности в чем-то перекликается с рассказами Чехова.

Или взять «Прыжок с закрытыми глазами». Здесь тоже все узнаваемо, тонко и современно, хотя рассказ написан давно. И мытарства тридцатилетнего Семена, в прошлом работника совхоза, а ныне безработного. И недовольство его жены Шуры, которая того и гляди уйдет от него, а еще вероятнее – самого Семена выживет из дома. И возникшая от безысходности мысль пойти служить по контракту в горячую точку...

Удерживает Семена от опрометчивого поступка случай. Купаясь, он чуть было не напоролся в воде на остро затесанные колья. Он так ярко

представил в мыслях и пережил свою смерть, что это отрезвило его. Семен приходит к выводу: никакие бытовые трудности не стоят жизни. Показательна концовка рассказа. Семен *«в сумерках пришел домой и виновато улыбнулся встревоженно взглянувшей на него жене.*

– Ну как вы... без меня тут?»

Эту реплику можно трактовать и совершенно иначе. Может статься, Семен пришел к другому решению. Мысленно пережитая смерть не отрезвила его, а смирила с неизбежным. Служить в горячей точке все равно придется – работы-то нет и не предвидится, а терпение Шуры на пределе...

Николай Коняев дает читателю возможность самому додумать, как дальше повернется жизнь персонажа. Не толкать к однозначному выводу, не расставлять все точки над *i* – один из показателей незаурядного писательского дара. Жизнь разнообразней нашего представления о ней.

Глубиной и неординарностью мысли запоминается рассказ «Коршун». Он написан в постперестроечные годы, когда о многих ранее притушеваемых явлениях стало можно говорить открыто. Речь в рассказе идет о колхозном объездчике по прозвищу Коршун. Во время Великой Отечественной этот человек был механиком-водителем танка, имеет много боевых наград, но до сих пор не перестает пакостить односельчанам. Его страсть – убивать плеткой гусят.

Жестокость, возводимая на войне в ранг геройства, осуждаема и вызывает неприятие в обычной, нормальной жизни. Парадокс, заставляющий по-новому взглянуть на тех, кто был первым на фронте. Воистину война – противоестественное, бесчеловечное дело. Единственное, что, на мой взгляд, снижает пафос рассказа, это попытка объяснить жестокость Коршуна житейскими обстоятельствами. Безжалостность – скорее врожденное качество, а не приобретенное. Именно она, выражаясь словами персонажа, «струя» в его жизни. А «брызги» – и ордена, и убитые гусята. То и другое, как это ни странно, в одном ряду.

3

Отдельного разговора заслуживают повести Николая Коняева. В том числе «До поры до времени», одна из лучших, самых глубоких в его творчестве. В основе этого произведения извечная для русской интеллигенции боль – взаимоотношение с народом. Несколько слов о содержании повести.

Ее главный герой Виктор Веремеев приезжает на несколько дней в родную деревню. Он – писатель, служит в журнале, но приехал в деревню не отдыхать, а в тишине и покое написать важную статью. Угадывается время – конец 80-х или начало 90-х с их идеологическими битвами, непомерным авторитетом депутатов и прочей атрибутикой.

Как водится, поработать Веремееву не дают. Сразу возникает масса дел: от необходимости подновить загородку для кабана в хозяйстве немолодого дяди до приглашения выступить перед земляками по районному телевидению. Глазами известного, повидавшего мир писателя мы видим безалаберность деревенской жизни. Пьянство, пренебрежение исконными крестьянскими обязанностями, безразличие к жизни родного человека. Только и остается вслед за Веремеевым воскликнуть: «Самоубийцы вы!..»

И то сказать, дядин двор – *«с обрушенным колодцем у ветхого плетня, с запрокинутым отчаянно в небо журавлем над трухлявым срубом зарос густой пастушьей сумкой, неувядаемым пыреем»*. И всё это при вполне здоровом двоюродном брате Веремеева Сахе (Александре). Сам Саха берет

с матери деньги за обещание привезти дров, благополучно пропивает их, а дрова так и не привозит. Потребовалось вмешательство Веремеева, чтобы дрова все же были доставлены. Дядя Петр (Петруня) готов, что называется, заживо лечь в могилу, лишь бы не ездить к врачам. Сын Саха потворствует ему, хотя мог бы присоединиться к здравомыслящему Веремееву и настоять на больнице. Невестка Галина, пострадавшая от Сахиного любвеобильного нрава и приверженности к зеленому змию, тем не менее за то, чтобы муж продолжал пить. Она не говорит прямо, но это следует из ее горячего монолога в конце повести. А Веремеев, желающий избавить двоюродного брата от пагубной привычки, чуть ли не враг для нее...

О деревне в русской литературе написано немало. Если говорить только о классике, это и чеховские «Мужики», «В овраге», и «Деревня» Бунина. А еще раньше – «Записки охотника» Тургенева, очерки ныне полузабытого Глеба Успенского и многое другое. Любопытна метаморфоза в изображении крестьян. Если, скажем, у Тургенева на первом месте уважение к внутреннему миру и талантам крепостного, то отношение к деревенским жителям у Чехова (и особенно у Бунина) едва ли не диаметрально противоположное.

Людям, выросшим на европейской культуре, кажутся дикими, нечеловеческими условия, в которых живут крестьяне, поражают скотские отношения между ними – с неизменным торжеством хамов. Давно уже нет помещиков-крепостников, на которых можно было списывать неприглядные стороны жизни деревни, а дикости и грязи, по Бунину и Чехову, стало только больше.

В советской литературе так жестко о колхозниках не писали. Причина, думается, не только в идеологических установках. Русские интеллигенты (и писатели в том числе) двойственны по своему мировосприятию. Они понимают: так, как наши крестьяне, жить нельзя – это оскорбительно для человеческого достоинства. Так живут разве что в полудиких Афганистане или Сомали. Но ведь «вышли мы все из народа», народ наш кормилец. Мы, дескать, живем в квартирах с теплыми клозетами, а крестьяне – в избах с печным отоплением, с единственным на несколько деревень магазином, в который только на тракторе и можно добраться...

Я не склонен преувеличивать значение волевого начала в судьбе каждого из нас. К несчастью, бывает так, что семья, в которой человек родился, окружение, в котором вырос, другие обстоятельства не позволяют ему жить иначе. Однако и то правда, что многие все же вырываются из «идиотизма деревенской жизни», стремятся к более достойному существованию, а главное – добиваются его.

Что же касается миссии интеллигенции, которая якобы должна жертвовать собой ради блага народа, лично мне видится в этом изрядная доля лукавства. Жертвенность выгодна власти, которая готова с радостью свалить на плечи интеллигенции то, о чем должна заботиться сама. Подобная позиция выгодна и таким людям, как Саха. Не для того они остаются в деревне, чтобы пахать огороды, помогать колоть подсвинков и т.д., как заявляет Галина. Причина в другом. Так вольготно, как в деревне, людям, подобным Сахе, нигде не будет. Чтобы и выпить, и закусить, и квартиру бывшей жены взломать, и пьяным на тракторе в баню с моющими женщинами въехать без особых для себя последствий, и прочие непотребства творить.

Выше я говорил о том, что Коняев избегал приговоров. Как многое в жизни, явления вокруг нас имеют противоречивую сущность. Прав

Веремеев, но и правы, видимо, пусть по-своему, его деревенские родичи. Может, и в самом деле не стоит «трогать с места» Петруню? Человек прожил большую нелегкую жизнь, она естественным образом клонится к закату – чем ему помогут врачи?.. (Кстати, удивительно точно автор сумел передать состояние тихо уходящего из жизни человека. Ничто вроде бы у Петруни не болит, а он может часами сидеть неподвижно, отрешенно глядя в одну точку, то и дело подыскивает место, где можно было бы прикорнуть, практически не участвует в окружающих событиях. Человек словно готовится к другому состоянию, другой реальности, если таковая существует.)

И возможно, не выговор Веремеева подействовал на Саху, который все-таки привез дрова для отца и матери, а нечто другое. Можно пить, но слово свое держать, хотя и выполнять обещанное не сразу. Есть своя логика и в поведении Галины, которая только что была готова упечь Саху за его художества в тюрьму, но сутки спустя яростно бросается защищать от Веремеева...

Крестьянская жизнь – другая цивилизация. Другой образ жизни и мышления. То, что в конечном итоге и разъединяет европеизированного русского интеллигента и исконного сельского жителя, несмотря на общность языка, истории, менталитета. Такие мысли – непростые, горькие – приходят по прочтении повести. Знаменательна ее концовка. У Веремеева происходит обширный инфаркт. Надо полагать, причиной не только идеологические разногласия с яркими перестройщиками, но и то, чему он стал свидетелем в родной деревне.

Не останавливаюсь подробно на других смысловых составляющих повести. Хотя есть среди них серьезные. Например, сюжетная линия, представляющая взаимоотношения Веремеева с «апрелевцем» Зарницким, которого на свою голову он когда-то пригрел, помог пробиться в литературе. Символичными выглядят блуждания Веремеева и Зарницкого в поисках дороги – ни «консерватор», ни «демократ» долго не могут ее найти, все выходит на болото... Вторым планом, дополняющим основные события, идут ощущения и мысли главного героя, связанные с положением писателя в обществе. С одной стороны, неуверенность, что он, Веремеев, имеет право чему-то учить людей, на глазах которых вырос. А с другой – убежденность, что они, земляки, уважают и ценят его. И никому не позволяют оскорбить или ложно обвинить.

События повести показывают – позволяют. И даже сами устами Галины обвиняют.

Такова уж, видно, судьба русской интеллигенции – быть по большому счету чуждой народу. Не потому ли, что она хочет родной народ видеть другим, стремится, пусть и вяло, изменить его жизнь?..

Если в «До поры до времени» народ показан в восприятии интеллигента Веремеева, то в другой значимой в творчестве Коняева повести «Околоток Перековка» посредников не существует. Вернее, он есть – главная героиня Серафима Ниловна Колягина, пенсионерка шестидесяти трех лет. Однако она сама одновременно и носитель народного восприятия с его традиционными понятиями о добре и зле, правде и кривде. Обостряет это восприятие горбачевская перестройка, ставшая бедой для подавляющей части населения страны.

Резкий всплеск преступности, талоны на продукты питания, произвол чиновничества, обман едва ли не везде и во всем – все это для людей, привыкших к порядку и благополучию 70-х и первой половины 80-х годов

стало шоком. Заправилами в жизни, и это все очевидней, становятся те, кого власть еще недавно преследовала. Честный труд стремительно теряет свою цену. Растет число опустившихся, растерявшихся перед новыми реалиями людей – бомжей.

Да что бомжи! Серафима Ниловна, у которой и крыша над головой есть, и пенсия, все более и более чувствует себя неуютно в новой жизни. Северу она отдала лучшие годы, а сейчас, на склоне лет, оказывается, что не так жила и в своих бедах сама же виновата. Устами видного в масштабах города чиновника власть внушает ей это. Кроме ветхого домишки на окраине у Ниловны ничего нет. А теперь и его собираются сносить. Казалось бы, радуйся – взамен дадут более благоустроенное жилье. Но тогда не будет огорода, который немалое подспорье для пенсионерки. И квартирантке-студентке придется отказать. Как, чем жить в условиях повального дефицита и начинающейся инфляции?..

Отчуждение к перестроечной жизни переносится у Ниловны на сам город Кедровый. Женщине кажется, что в родной деревне все другое, лучше и светлее. Она решает вернуться туда. Однако нужны деньги, чтобы обжиться на новом месте. Вопреки своим убеждениям Ниловна принимается приторговывать водкой. А это не только постоянное беспокойство по ночам, но и страх. Лихих людей вокруг все больше, а вдруг кто позарится на рубли, что она скопила на переезд? Скажем, тот же вахтовик-пропойца Шуруп, из-за денег убивший уже человека.

Завершается повесть трагически. Ниловна, жертва новой жизни, стреляет из ружья в другую жертву, бомжа по прозвищу Полиглот. Ниловна в свое время выходила его, спасла от смерти, а сейчас убивает, приняв за Шурупа... Гримаса перестроечной действительности, распатавшей нравственные устои, смешавшей понятия добра и зла. Теперь вместо спокойной жизни в родной деревне – лагерь. Пойдут прахом собранные с таким трудом и насилием над собой деньги. Сама судьба пожилой труженицы будет исковеркана...

И в этой повести Николай Коняев проявляет себя как тонкий стилист – качество, характерное для всего его творчества. Язык повести пластичен, образен, точен. Текст от автора гармонично сочетается с несобственно прямой речью – речью самого народа, одним из лучших представителей которого Ниловна заявлена. Завидую читателям, которым только еще предстоит познакомиться с повестями и рассказами Коняева!

4

Однотомник избранного включает в себя и многие другие произведения. Они дают достаточно полное представление о творческом пути Николая Коняева, о его становлении и развитии как прозаика. По сути это подведение итогов многолетней работы в литературе, пусть пока и предварительное.

По крайней мере, так тогда казалось...

Разумеется, что-то осталось и за пределами юбилейного однотомника. По тем или иным причинам не вошло в него, хотя эти произведения тоже заметные вехи в писательской биографии Николая Ивановича. Почитателям его таланта знакома, например, документальная книга «Моя нечаянная родина». Это не только благодарная дань Коняева памяти родителей, семье, многочисленным родственникам, но и скрупулезная исследовательская работа о прошлом малой родины.

Значителен и потенциал другого документального повествования «Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Березова Коровьи-Ножки». Это произведение печаталось в центральной периодике, входило в один из авторских сборников Николая Коняева, по нему был снят документальный фильм. В фокусе внимания писателя оказалась глубокая мировоззренческая проблема. Коротко ее можно сформулировать так: влияние на судьбу простого человека мимолетного случая, сведшего его с исторической личностью. Березовский мещанин Кузьма Коровин-Ножкин помог бежать из ссылки злому гению российской истории Льву Троцкому...

Коняев продолжал работать над этой темой и в Тюмени, куда, выйдя на пенсию, переехал из Ханты-Мансийска. Документальное повествование превращалось в полновесный роман, насыщенный реалиями времени и осязаемыми характерами. В июле 2016 года Николай Иванович писал мне: *«Неделями пропадаю на даче... Пишу урывками, когда потянет. А если не тянет, то просто живу и радуюсь каждому дню. Но первую книгу (2 части) все-таки уже сделал. Буду печатать тогда, когда закончу 3 и 4 части – вторую книгу. С жанром, кажется, окончательно определился – это будет роман-расследование. Рабочее заглавие – «Берег белый – берег красный». Два берега одной реки – России. Замысел рискован, современные «белые» меня не примут, а современные «красные» меня «отторгнут». Надеюсь на понимание «бесцветных».*

Казалось, так и будет. Все говорило о том, что творческий потенциал одного из лучших прозаиков современной Сибири далеко не исчерпан. Коняев не только был полон творческих замыслов, но и активно участвовал в литературной жизни Тюмени. Составил, например, однотомник избранных произведений рано ушедшего из жизни талантливого Ивана Ермакова и написал вступительную статью к этому однотомнику. Николай Иванович был отмечен правительством области за «Хрестоматию тюменских писателей». По решению Госдумы ему вручена памятная медаль «Год литературы»...

«Меня тут недавно включили в члены жюри и конкурсной комиссии регионального конкурса «Тюменская книга года – 2016». Так что осенью придется ворошить горы книг и брошюр...»

Казалось, ничто не предвещало беды. Коняев активно работал, был полон замыслов и творческих планов, совершенствовался и рос как серьезный, вдумчивый писатель. Но одна из самых горьких несправедливостей жизни состоит в том, что из нее нередко уходят в самом расцвете сил. Так случилось и с Николаем Ивановичем Коняевым. Он умер 28 сентября 2017 года.

Памятью о нем стали талантливые, заставляющие думать произведения. По моему глубокому убеждению, они не остались в своем времени, их потенциал намного значительнее – он вневременной. И это не только мое мнение. Так думают многие.

И важно, чтобы это осознали люди, от которых зависит издательская политика в регионе. Книги Николая Коняева должны регулярно переиздаваться. Потому что от них во многом зависит духовное здоровье русского человека. Как бы патетически это ни звучало.

Нэлли ТОБОЛКИНА

СЛУЖИТЕЛЬ МЕЛЬПОМЭНЫ

*То ль наяву, то ли во снах,
С мечом и маскою в руках,
Увенчана плющом с листою виноградной
Являлась мне ОНА... И пламень благодатный
Взметал в душе моей!.. Волшебным был союз
С прекраснейшей из театральных Муз!..*

Театр!!! Особый, влекущий к себе мир! Он завораживает нас чудесами перевоплощения, потрясает драматическими конфликтами, остротой чувств, горением души, восхищает своей высокой миссией – доносить из поколения в поколение вечные духовные ценности: добро, красоту, справедливость...

Нельзя не уточнить, что в этом виде искусства среди многочисленных служителей Мельпомэны значительная (если не главная) роль принадлежит драматургу.

Ведь это из-под его чудотворного пера рождаются драмы, трагедии, комедии – та, необходимая театру основа, которая составляет его «живую душу».

На Тюменской земле до сего времени среди писателей нет драматурга, чье имя прозвучало бы так успешно и широко по всей стране, как имя Зота Тоболкина. Вне сравнения лишь Петр Павлович Ершов с его нетленной волшебной сказкой «Конек-Горбунок», многократно инсценированной, облетевшей всю планету, до сих пор покоряющей сердца зрителей.

Славил родную землю, пел ей гимны всем своим творчеством замечательный и достойнейший ее сын Зот Тоболкин.

Начинающий журналист, едва покинувший студенческую скамью, хотя до этого уже успевший «вкусить» и крестьянского, и рабочего труда, отслужить в армии, не мог не откликнуться на потрясшее весь мир «открытие века», открытие богатейшего нефтегазоносного месторождения на Тюменском Севере. Он пишет свою первую пьесу «Самый главный народ».

«Героями пьесы стали первооткрыватели березовского газа. Те, кому по праву следовало бы поставить памятник. Иных уж нет, другие состарились и вышли на пенсию, третьи забыты. И мне показалось, это несправедливо, и вот пьеса моя о них».

Автор насмелился предложить свое «детище» главному режиссеру Тюменского театра драмы того времени Евгению Плавинскому. Но встречен был им весьма недоброжелательно. На просьбу почитать предлагаемую пьесу тот ответил: «Молодой человек! А вы знаете, сколько стоит час моего времени?!» На что строптивый, но тоже знающий себе цену Зот Тоболкин отпарировал, посмотрев на часы: «Я занял у вас полторы минуты. У меня в кармане три рубля, надеюсь, этого хватит?!» И выложив деньги на стол, вышел...

Пьеса ждала своего часа семь лет, пока однажды его друг, поэт Анатолий Кукарский, работавший в тот период в Доме народного творчества, поинтересовался, нет ли у него подходящего материала для народных театров... И забрал пьесу.

Однажды в передаче «Персона» заслуженный работник культуры России Владимир Михайлович Волчек, в то время директор областного Дома народного творчества, вспоминал: «Зот Тоболкин стал драматургом с помощью Дома народного творчества, потому что его первая пьеса «Геологи» («Самый главный народ») была нами рекомендована в Тобольский драматический театр. Там великолепно осуществил постановку Владимир Волкоморов...».

Премьера состоялась 27 октября 1972 года на маленькой, но великой для автора сцене чудесного сказочного «теремка», шедевра деревянного зодчества. Невыразимо больно и горько от того, что спустя годы этот уникальный памятник истории и архитектуры не пощадил шальной и преступный огонь...

В отклике на премьеру газета «Тюменская правда» писала: «Геологи» – спектакль о тех, кто торил дорогу к открытию века. Захватывающая острота ситуаций и конфликтов, в которых раскрывается человек, подлинный героизм во имя высокой цели. Проблемы, связанные с образованием нашего края».

Однако в адрес молодого дебютанта звучали и слова критики, обвинявшие его в «антисоветчине». За поднятые проблемы в экологии на заповедной земле, за правдивый показ аварии на месторождении...

Сам автор первые впечатления оставил в своих записях: «Я оглушен, я подавлен. Не верится. Первая премьера в театре, где я хотел быть когда-то поставленным. И вот сбылось! Не чудо ли это? Победа! Можно кричать «Ура!». Пьеса «Геологи» принималась зрителями оглушительно. Аплодисменты бешеные. Когда вызывали на сцену меня, я чуть не разревелся». (Подтверждаю. Радовалась премьере вместе с ним. Н.Т.)

Окрыленный победой, Зот Тоболкин со свойственным ему порывом берется «за дело», особое внимание уделяя драматургии, тем более что через месяц после премьеры, в ноябре, он впервые вызван на творческий семинар в Рузу со своей новой пьесой «Верую!», созданной на едином дыхании...

Всегда интересно начало движения автора к литературному Олимпу. Вот как он описывает атмосферу семинара, свои первые «радости» и первые «муки» драматургического творчества: «Собрались 35 человек со всего Союза. Среди них люди, у которых есть имя и по десятку пьес, не считая стихов и прозы... У меня одна поставленная пьеса... Ведут семинар именитые драматурги, режиссеры, критики... С волнением, которое тебе понятно, Нэленок, жду суда над своей пьесой... Пьеса-то написана за 8 дней. Это только Лопе де Вега такие шутки отмачивал...»

«...Ну и натерпелся же я вчера страху!.. Терзали меня с 8 вечера до часу ночи. Хвалили, обвиняли в таланте и т.д. Словом, гений от драматургии. Есть, правда, один незначительный нюанс: в таком виде, с такой социальной направленностью, пьеса пойти не может. Нужен светлый компромисс: партийный руководитель на селе... Где же я возьму этого «благодетеля», если их в то время надо было с огнем искать? Может, найду иной выход...»

«...Пьесу читали, обсуждали. Прием восторженный. Драматург, профессор Литинститута Алексей Дмитриевич Симуков: «Это высокоталантливая вещь!» – и расплакался. Обнялись. Зав. отделом критики «Литературной газеты»: «Изумительно!» Главный редактор репертуарного комитета Министерства культуры И.П. Скачков: «Это очень талантливо! Очень!».

Одно «но»! Это «но» сводит все восторги на нет! Пьеса мрачная, без просвета. Смягчите третье действие. Иначе не пойдет...»

«...Добил пьесу вечером... Исидор Шток, руководитель семинара, тоже драматург: «Это гениально!» Я бы не прочь этому поверить. Но похвал было так много, что я от них стал жестче, трезвее. Он-то, я знаю, хвалил искренне. Когда я выйду на большую дорогу, он может сказать: «Я его благословил!» И будет прав, т.к. много помогал, советовал... ждал, когда я отступу последнюю строчку... Забрал, прочел сразу, и я узнал, что я великий драматург... Хвастаюсь маленько, отзывы неожиданные, сама понимаешь... Но лестно, что признали. Тем более здесь около сорока профессионалов. А я – номер один непрофессионал из Тьмутаракани...

В театральном мире стало известно имя молодого талантливого драматурга, оно замелькало на страницах «Литературной газеты», «Советской культуры», других изданий.

«Для подлинного таланта, – утверждает Зот Тоболкин, – существует один путь – дерзать!»

И он выдает из-под своего неутомимого, вдохновенного пера одну пьесу за другой: «Журавли», «Верую!», «Баня по-черному», «Взлетная полоса», «Кто пойдет со мною в Альпы?», «Рука дающего», «Матрена», «Лидер», «Подсолнух», представляя их на творческих семинарах, одерживая победы на всесоюзных конкурсах.

Пьесу «Верую!» запрашивает в Министерстве культуры СССР Тобольский театр. Главный режиссер В. Волкоморов настаивает на праве первой постановки. Директор театра Чубисов собирается включить ее в репертуар 73-74 годов.

«Только после этого, – вспоминает В.М. Волчек, – гигант театра Евгений Анатольевич Плавинский вместе с Александром Кузьмичом Калугиным пригласили Зота Корниловича на разговор и вступили в творческий контакт. И пошел Зот Корнилович...»

Старшему поколению тюменских зрителей до сих пор памятливы спектакли нашего драмтеатра, поставленные по пьесам Зота Тоболкина главным режиссером, заслуженным деятелем искусств России Евгением Плавинским: «Сибирская баллада» («Верую!»), премьера которой состоялась 9 марта 1974 года, и «Сказание об Анне» («Баня по-черному»), премьерой этого спектакля открывались московские гастроли тюменских артистов на сцене театра им. Е. Вахтангова 9 июня 1975 года.

Газета «Правда» писала тогда: «Если искать кульминационную точку, на которой поднимается наш интерес к театру, то надо назвать «Сибирскую балладу» Зота Тоболкина. От поэтической драматургии этого автора веет свежестью жизненного восприятия».

Огромный успех выпал на долю трагедии «Баня по-черному», получившей на Всесоюзном конкурсе премию Министерства культуры, Союза писателей СССР. Во многих театрах страны шли спектакли не только под авторским названием, но и в других вариациях: «Судьба Анны», «Сибирская мадонна», «Анна – мать русская», «Сказание об Анне». Премии Министерства культуры СССР удостоен спектакль «Сказание об Анне» Саранского Государственного театра драмы.

Отмеченная Всесоюзной премией Ленинского комсомола его драматическая поэма «Песня Сольвейг» была поставлена на сцене Московского театра «Ромэн».

О том, как созданная в 70-х годах на подлинном местном историческом материале, дышащая поистине сибирским колоритом в характерах

героев, бытовых деталях, окружающей действительности, языке, эта пьеса попала на цыганскую сцену, вспоминает В.М. Волчек: «...1980 год. Город Тобольск. Возглавляю творческую делегацию Союза писателей, драматургическая секция. Звездный состав: Иван Друцэ, Александр Гельман, Николай Мирошниченко, главный редактор журнала «Театральная жизнь». К ним примкнувший Николай Алексеевич Сличенко. Возглавляет все это заместитель начальника отдела театров Минкультуры России Хамза Инна Леонидовна. И я уговорил в эту группу включить Зота Корниловича. И цыганская сделка состоялась. Они понравились друг другу. Зот Корнилович прочитал при нас свою замечательную пьесу про учительницу, которая погибла в хантыйском стойбище, куда была направлена, чтобы она, а не шаманы учили детей. После прочтения быстренько учительница поехала не в чум, а в цыганский табор к Николаю Алексеевичу... И пьеса «Братья», основанная на этом сюжете, шла довольно долго в «Ромэне».

«...Первые зрители принимают спектакль восторженно», – телеграфирует Николай Сличенко.

Бурные овации не умолкали и на премьере, чему мы (всей семьей) были свидетелями. Этому спектаклю рукоплескали не только зрители разных городов нашей Родины, но даже японские зрители. Покоренные силой характеров героев, потрясенные глубоким драматизмом их судеб, они плакали, сострадали, долго вызывали (к сожалению, отсутствующего) автора на сцену, о чем эмоционально и не без гордости рассказывал по центральному телевидению Николай Сличенко, только что вернувшийся со своим коллективом с японских гастролей. Автору он писал: «...Зот, хочется верить, что дружба наша надолго, навсегда. И даст Бог, мы соворим вместе что-нибудь еще! Во всяком случае, мне бы этого хотелось. Твой Николай Сличенко».

За создание спектакля «Братья» и автор Зот Тоболкин, и режиссер, и коллектив театра удостоены премии Министерства культуры СССР, Союза писателей и диплома 1-й степени.

С ностальгией вспоминаю еще один незабываемый миг его жизни, когда автор пребывал в атмосфере праздника, в буйстве цветов, аплодисментов на сцене Московского Нового драматического театра вместе с актерами, только что отыгравшими премьеру спектакля «Про Татьяну» (о волнующей многих вечной теме женской судьбы), тепло и благодарно встреченную зрителями.

Талантливому драматургу аплодируют по всей нашей необъятной Родине – от Баренцева моря до Тихого океана: Алтайский, Краснодарский, Хабаровский, Красноярский, Приморский края, Украина, Белоруссия, Казахстан, Чехословакия, его пьесы переводят на национальные языки, и сам он осуществляет авторизованные переводы пьес национальных драматургов на русский язык.

«Мосфильм» экранизирует его повесть «Жил-был Кузьма», его сборник пьес запрашивают библиотека Конгресса США и Гарвардский университет, его драматургические произведения публикуют центральные издательства, журналы «Театр», «Театральная жизнь», «Советская драматургия».

Свердловский писатель Борис Путилов сообщал в одном из отзывов на его творчество: «Имя Зота Тоболкина уже давно известно всесоюзному читателю и зрителю. Его «Пьесы», изданные в Москве, купил в Баку, а «Баню по-черному» смотрел в Улан-Удэ».

Зоту Тоболкину были подвластны все основные жанры драматургии – и комедия, и драма, и трагедия, которую он считал «самым возвышенным жанром». «Ваша сила, – пишет ему доктор искусствоведения Н. Войткевич, – поэтика трагедийного». Отмечает в его творчестве «сочетание обнаженно-доверчивой простоты и трагедийной пронзительности ее выражения...».

Именитые московские литературоведы и критики, говоря о незаурядном драматургическом таланте Зота Тоболкина, обращают внимание на любовь автора к своим героям, глубину и сложность их характеров, силу чувств, жесткие повороты судеб, яростные социальные столкновения, особую, сибирскую ипостась русского характера, силу воздействия на сердца и души читателей, зрителей, способность «увлечь до слез, до замирания сердца, до гулкой, мертвой тишины в зале, до высшего градуса сопереживания пришедшего на спектакль зрителя» («Северная правда» В. Голубев).

Его пьесы – гимн душевной красоте русского человека, они полны веры в его творческие силы, в победу добра и справедливости» («Советская культура» Вал. Жегис).

Зота Тоболкина – «одного из интереснейших драматургов современности» (И. Вишневская, доктор искусствоведения), за плечами которого еще и Высшие режиссерские курсы при ГИТИСе, приглашают к участию в дискуссиях по проблемам драматургии, развернувшихся на страницах журналов «Театр», «Театральная жизнь». В своих суждениях он ко всему подходит с высокой мерой: «Человек должен уйти из театра потрясенным величием души героя. Не важно, кто этот герой, пастух или врач, слесарь или моряк. Он – Человек! И это – главное!»... «Я за мужественный театр, я за большие проблемы, о которых театру надо говорить. Для больших и мужественных пьес нужны большие и мужественные режиссеры. И я верю, что будет день, когда театр заговорит во весь голос. Я верю, что гений театра А.Н. Островский однажды подымет свою двуумную голову и скажет: «А ведь Русь-то не оскудела!..».

«Я люблю пьесы до сих пор, – писал автор в период бурного расцвета его драматургического творчества, но не готов к этой жизни театральной. Когда мне в двух театрах предложили соавторство, я говорю: «Да вы что? Я еще, слава Богу, хожу на двух ногах, голова есть, чтобы я кого-то в соавторы взял – зачем вы мне нужны? Я не думал о деньгах никогда, и сейчас не думаю».

Разумеется, что у режиссеров, предлагавших свое соавторство, был меркантильный интерес, а у автора – здоровое и понятное творческому человеку честолюбие мастера, не желавшего разменивать свой талант.

Для драматурга большое счастье видеть свою пьесу воплощенной на сцене. Зот Тоболкин не раз радовался своим премьерам. И все же в одной из телепередач «Диалог» он сокрушался: «Пьесы? Их написано десятка полтора. В Тюмени не идут. Не пошлю же я телезрителей в Москву или Чехословакию, чтобы посмотрели там какую-то из моих пьес...».

Действительно, театральный сезон 1975–1976 годов был последним, когда тюменские зрители встречались с творчеством Зота Корниловича. А разве это справедливо? Разве правильно, когда местного профессионального драматурга, «глубокий, яркий и оригинальный талант» которого признан многими, не ставят в своем городе?

В то время как в «Литературной газете» Эдуард Бобров пишет: «С нетерпением жду встречи с новыми пьесами Зота Тоболкина». «В Москве

началась драка за «Поликарпа», – информирует его в письме другой со- брат по перу.

Не было сомнения у современных автору критиков, что «драматиче- ским произведениям Зота Тоболкина суждена активная жизнь на сцене».

Действительность не в полной мере оправдала эти надежды. Сцени- ческая жизнь длилась с 1972 по 1987 год. Хотя последний известный нам отклик на постановку пьесы «Похоронок не было» (Усть-Кубенский народный театр) был опубликован в вологодской газете «Русский Север» в июле 2005 года.

Уходит в историю эпоха, в которой жил и творил Зот Тоболкин, певец родного края, философ, романтик, умевший своим словом, глубиной мыс- лей, чувств захватить души зрителей, читателей, заставить то замирать, то гулко стучать их сердца.

Нет сомнения в том, что Его Величество Время – пристрастный судья – не позволит прикоснуться Забвению к «дающему жизнь» («Словарь рус- ских личных имен») имени – Зот Тоболкин, для которого главным чудом всех времен являлся Человек! С его могучим, неукротимым характером, горячей душой, высокими помыслами.

Возможно, обретет когда-нибудь сценическую жизнь его историческая драма «Зодчий» о Семене Ульяновиче Ремезове, славном не только пер- вым сибирским кремлем, но и первой картой Сибири. Он – и летописец, и географ, и поэт. Потомки должны знать и гордиться своими великими земляками.

Чуть не полвека (почти два поколения) прошло с тех пор, когда тю- менский театр отмечал 30-летие Великой Победы спектаклем «Сказание об Анне» по пьесе Зота Тоболкина «Баня по-черному», в которой он с по- трясающей силой, созвучной духу народа, воссоздал через судьбу отдель- ной семьи из далекой сибирской деревеньки «трагизм народа в военное лихолетье, как говорит автор, его неистребимое стремление преодолеть все беды и выстоять!»

Пьеса эта, когда-то успешно прошедшая по стране, отмеченная Го- сударственной премией, была бы уместна на сцене театра уже в новом режиссерском прочтении.

Можно было бы познакомить тюменских зрителей с его оптимистиче- ской трагедией «Реквием». В ней – дань памяти павшим в годы Великой Отечественной войны. Гимн мужеству советских воинов, сама смерть ко- торых становится высокой нравственной победой. Многие пьесы нашего талантливое земляка, в которых история, жизнь, судьбы людей родного края – этого живительного истока, питавшего душу и творческую мысль автора, ждут своего режиссера, ждут своего звездного часа.

Драматургия Зота Тоболкина – одна из ярких страниц оставленного нам духовного, культурного наследия, весомый пласт литературной славы писателя.

Стоит надеяться, что молодое поколение тюменских зрителей не будет лишено этого достояния. Ведь прошлое и настоящее – словно два крыла могучей птицы, летящей в будущее.

КРАЕВЕДЕНИЕ

*****

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

БЕРЕЗОВСКИЕ МЕЦЕНАТЫ

Из цикла «Век девятнадцатый»

В постсоветский период развития российского общества благотворительность и помощь в общественных делах перестали быть редкостью. Сегодня множество знаменитых и незнаменитых людей ведут активную социальную жизнь, учреждают благотворительные фонды и центры помощи, которые оказывают поддержку различным проектам и конкретным людям. Этой краткой статьей я хотел бы напомнить современникам, что у российской благотворительности есть исторические корни, и мы можем с благодарностью вспоминать своих предшественников за их добрые дела.

Любовь к архивным документам приводит иногда к открытию интересных фактов. Пролистывая подаренный сборник «История Югры в документах из Томска», обнаружил письмо надворного советника Павла Михалева от 6 августа 1860 г., адресованное штатному смотрителю березовских училищ протоиерею Иоанну Матвеевичу Заборовскому.

Этот краткий документ послужил для меня поводом для изучения вопроса об открытии в г. Березово женской школы и механизмах реализации нашими предками благих намерений и дел. Некоторые документы заслуживают того, чтобы привести их целиком, несмотря на вполне понятные ограничения по объему публикации.

«Ваше высокоблагословение, отец протоиерей Иван Матвеевич!

Имея в виду то, что Вы затрудняетесь выполнить благую волю начальства в приискании дома для детского приюта, имеющего открыться по Вашему усердию в г. Березово, я, чувствуя вполне признательность к начальству как за воспитание мое, так и сына моего в Тобольской гимназии на казенном содержании, считаю для себя возможным пожертвовать купленный мною в 1854 г. у тобольского мещанина Петрова дом, который по моему мнению, на первый раз будет довольно удобен для основывающегося приюта и стоит мне 103 руб. сереб(ром). Причем чтобы не отлагать доброго дела, имею честь к Вашему высокоблагословлению препроводить и подлинный на оный акт, выданный мне из Березовского окружного суда нынешнего 1860 г. 17 июня.

*Искренне уважающий Вас и преданный Вам слуга
надворный советник Павел Михалев».*

О Павле Николаевиче Михалеве мне пока известно немного: он был заседателем городского суда, земским исправником, а затем городничим. Но текст его письма позволяет сделать некоторые вполне обоснованные выводы. Например, что человек он был внимательный и благодарный обществу за свое воспитание и образование в Тобольской гимназии «за казенный счет».

Безусловно, П.Н. Михалев обладал определенным материальным достатком, если смог пожертвовать дом стоимостью более 100 рублей серебром. Это были деньги немалые для 1860 г., поскольку в этом голодном году в наших северных краях цена одного пуда муки (16 кг) поднималась

до рубля серебром. И еще надворный советник был человеком конкретных действий: приняв решение о передаче дома в дар, он довольно быстро оформил в Березовском окружном суде необходимые документы и приложил их к письму.

Несколько слов необходимо сказать еще об одном меценате, инициаторе открытия в Березове женской школы, протоиерее И. Заборовском. Сведения о его биографии сохранились в «Формулярном списке (от 1 сентября 1859 г.) о службе законоучителя Березовского уездного училища Иоанна Заборовского». На тот момент 53-летний протоиерей «исправлял должность штатного смотрителя Березовского уездного училища, получал жалованья 450 руб. и разъездных 60 руб.». Имения он не имел, но был «владельцем собственного деревянного дома со службами» в г. Березово.

Весь жизненный путь Иоанна Заборовского был связан с православной церковью и образованием. После окончания курса в Тобольской семинарии «со званием студента» 18 ноября 1828 г. он был рукоположен в сан священника Тобольского округа в село Романовское Петро-Павловской церкви. 28 января 1830 г. был перемещен в березовскую Богородице-Рождественскую церковь «с предоставлением звания присутствующего в духовном управлении». 15 ноября 1832 г. Иоанн Заборовский определен законоучителем (преподавателем Закона Божьего) в Березовское уездное училище.

Много сил И.М. Заборовский отдавал просвещению на территории нынешней Югры, и это тоже нашло отражение в «Формулярном списке»:

«За открытие училища для обучения грамоте остяцких детей в с. Ларьятском от имени его высокопреосвященства объявлена признательность и благословление (10 февраля 1843 г.). За содействие при открытии школы для инородских детей объявлена архипастырская признательность (10 августа 1843 г.). За открытие школы в Юганском селе для крестьянских детей от имени его высокопреосвященства признательность и благословление (30 декабря 1841 г.)».

А еще протоиерей в разные годы состоял членом Березовского оспенного комитета (1841 г.), был «Высочайше утвержден председателем в Березовском попечительном о тюрьмах комитете» (1847 г.). «Неравнодушные к делам мирским» – так можно кратко охарактеризовать общественное служение пастыря.

Можно смело утверждать, что открытие женской школы в г. Березово не было «случайным делом» для И.М. Заборовского, и надворный советник П. Михалев не сомневался в том, что его дар будет использован для благого дела. Но кроме помещения для женской школы требовались еще и финансовые средства. В октябре 1860 г. березовские горожане начинают сбор денег.

Любопытно читать «Лист, учиненный исправ(ляющим) долж(ность) штатного смотрителя березовских училищ, законоучителем протоиереем Заборовским по поручению г(оподина) директора училищ Тобольской губернии на приглашение благотворителей к пожертвованию для заведения в г. Березове школы для обучения девиц всех сословий грамоте, рукоделию и хозяйству, согласно с волею высочайшей покровительницы государыни императрицы Марии Александровны 1860 г. марта 8-го дня».

Всего в подписном листе указано 35 жертвователей, реально деньги внесли 32 человека, «с полным чувством их усердия» собрано 335 руб. серебром. Березовский окружной начальник подполковник Гинц внес 100

рублей и обязался «таковую же сумму вносить в пользу школы ежегодно все время будущего служения в г. Березово». Надворный советник П.Н. Михалев (кроме переданного в дар дома) пожертвовал еще 25 руб. Указать здесь всех дарителей нет возможности. Поэтому вынужденно ограничусь только перечислением некоторых лиц.

Тобольский купец Петр Плеханов пожертвовал 30 руб., Городничий Франц – 25 руб., купеческий сын Петр Шапочников – 25 руб., вдова – купеческая жена Акилина Котовщикова – 10 руб., учитель Николай Туполев – 10 руб., священник Василий Чемесов – 5 руб., иерей Александр Тверитин – 5 руб., сургутский лекарь Малинин – 5 руб., учитель Киреев – 4 руб., мещанин Гаврило Москалев – 1 рубль.

Об одном из жертвователей, и в дальнейшем связанном с женской школой, А. Тверитине, удалось найти более подробные сведения. Полагаю, что это был Александр Яковлевич Тверитин (род. ок. 1825 – умер в 1889 г.). После окончания в 1850 г. Тобольской духовной семинарии его направили священником в Христо-Рождественскую церковь села Сосьвинского Березовского округа. Оттуда в 1855 г. он был переведен в Богородице-Рождественскую церковь г. Березова.

Одновременно с церковной службой благочинным безвозмездно преподавал Закон Божий в Березовской женской школе. 28 апреля 1867 г. А.Я. Тверитин «в видах пользы службы» переведен в обдорскую Петропавловскую церковь для несения весьма обременительных обязанностей миссионера. В 1879–1882 гг. Александр Яковлевич снова был переведен в Березово – уже протоиереем Воскресенского собора. Вероятно, что и после возвращения А.Я. Тверитин уделял внимание нуждам женской школы.

12 октября 1860 г. И.М. Заборовский обратился с приглашением к жителям г. Березово «об отдаче детей своих – девочек – в школу для обучения грамоте и рукоделию». Занятия начались 20 октября. За полтора месяца в школу поступили 10 девочек «из разных сословий». Занятия бесплатно вели преподаватели Березовского уездного училища.

30 октября 1860 г. горожанами в пользу школы был дан благотворительный спектакль, «из которого в приношении последовало 50 руб.». Женская школа в Березово начала свою деятельность, и на 1 января 1863 г. в ней училось уже 44 девочки.

Закончить краткий рассказ о результатах лишь одного из начинающий березовских меценатов мне хотелось бы фрагментом из архивного документа от 29 июня 1902 г. В отчете Березовского уездного училища о состоянии учебно-воспитательной работы за 1901/1902 учебный год было указано: «...На средства уездного училища приобретен волшебный фонарь со 106 картинками за 50 руб. Чтения устраивались в помещении березовского женского училища, охотно посещались публикой и, видимо, имели успех».

Дело, начатое с благими намерениями народного просвещения группой березовских горожан, и через сорок лет продолжало приносить плоды.

Александр ЯРКОВ, Виктор ЮЖАКОВ

«ТРИЖДЫ ГЕРОЙ»¹

19 июня 2022 года исполняется 100 лет Павлу Павловичу Сюткину – последнему фронтовику, которому через 63 года после Победы вручили Золотую звезду. Его представляли к званию Героя Советского Союза в 1945 году. Повторно – в 1946 году. Восстанавливали же справедливость необычайно долго.

Никто из командования 6-го отдельного полка тяжёлой самоходной артиллерии резерва ставки Верховного Главнокомандования не сомневался, что подвиг в Восточной Пруссии командира роты старшего лейтенанта П.П. Сюткина достоин высшего звания. Но бюрократия «повыше» оказалась сильнее. Представления складывали в надёжные сейфы, поскольку «поиски адреса и точных данных о награждаемом» не увенчивались успехом... А может, существовали иные причины?

Благодаря активности ветеранов, помощи депутата Государственной Думы, Героя Советского Союза генерала В.И. Варенникова справедливость была восстановлена: Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина в 2008 году Павел Павлович стал Героем России. Индивидуально ему разрешили носить алую колодку к медали, положенной Героям Советского Союза.

Павел Павлович неохотно вспоминает саму войну, как и многие фронтовики. Да и бои, в которых он участвовал, не раз описаны. Нас же интересовали условия, в которых формировался его характер, и те испытания, через которые пришлось пройти после 1945 года.

Отец – участник Гражданской войны, после боёв с басмачами в Средней Азии направленный в 1921 году по линии ОГПУ в Вятскую губернию (теперешнюю Кировскую область), где через год Павел и родился. Его младший брат Рэм (означающее Революция, электрификация, мир) получил там же в 1924 году грамоту «Комсомольцу со дня рождения». Эти «фрагменты» точно характеризуют семейную атмосферу и привитые нравственные идеалы.

Отец, немало потрудившийся в сфере образования, по навету был репрессирован, а семья перебралась в Тюмень. Поэтому считаем, что Павел Павлович – наш земляк. Его великолепная память (он навскидку назвал предместья – Тычковку, Сарай, Зареку, учителей и одноклассников по начальной школе № 6, имена девочек, в которых был влюблён) позволяет воссоздать некоторые страницы истории города 90-летней давности.

Семья жила трудно в материальном отношении, но сыновья получили среднее образование. Они учились в престижной школе № 21 (она строилась как стратегический объект: в случае войны её переформатировали под госпиталь), на стене которой ныне висит мемориальная доска с именем П.П. Сюткина².

---

¹ Благодарю за помощь в подготовке материала Комитет по делам национальностей Тюменской области.

² Идею с установкой своего бюста у школы отверг (хотя сам его заказал), посчитав: «Рано!».

Мальчишка имел все возможные по возрасту значки ОСОВИАХИМА, увлекался борьбой и лыжами, и был заточен на защиту Родины. В школе с 4-го класса велась активная общественно-политическая подготовка: «О строительстве Харьковского тракторного завода, ДнепроГЭСе знали почти всё», а девиз «Выше и дальше» увлекал молодых...

Мечтал Павел поступить после школы в Свердловский юридический институт, куда подал документы. А до учёбы, желая материально помочь семье, временно нанялся матросом в Обь-Иртышское пароходство. 19 июня 1941 года он сдал последний школьный экзамен. 20 июня проводить его в рейс на пирс пришли одноклассники, которые остались на выпускной вечер¹. 22 июня на идущее по Иртышу судно пришла радиограмма с известием о нападении Германии.

Сюткин рвался на войну, и после каждого возвращения в порт приписки шёл в военкомат: «Почему не берут на фронт?». Ответ раздосадовал: «Плавсостав морского и речного флота не подлежит мобилизации». И снова в рейс: «Ходили до Игарки и Дудинки, но не дальше»². Грузы были разные, а в разгрузке участвовали все: «Я же был физически развитым и трёхпудовые мешки с мукой легко перебрасывал, а в топку парохода за 8 часов вахты нужно было забросить 100 кубометров дров».

После окончания навигации 15 ноября 1941 года он заявил военкому: «Я поступаю в вуз», зная, что у студентов брони нет, и подал просьбу – отправить добровольцем в армию. До призыва в военкомате посоветовали временно потрудиться в тылу, направив на завод «Механик».

Одному из авторов довелось работать инженером на заводе в 1980-е годы. Ветераны рассказывали, что в 1941 году там был совершён диверсионный акт, а его следы – на рельсах цехового крана... Так что находившаяся в глубоком тылу провинциально-патриархальная Тюмень тоже стала «ареной войны». Город изменился внешне: здесь разместили 14 госпиталей и 50 оборонных предприятий³, население увеличилось с 80 до 120 тысяч человек. Лишь единицы горожан были посвящены в главную военную тайну – в Тюмени находился временный мавзолей В.И. Ленина.

Среди марширующих по городу курсантов военных училищ Сюткин увидел одетых в необычные мундиры. Узнал, что они из эвакуированного Таллинского военно-пехотного училища⁴, но не мог предвидеть, что встретится по службе с его выпускниками в послевоенной Эстонской ССР.

В отделе кадров завода «Механик» посоветовали: «Пройдись по цехам, присмотришься». Присмотрелся, поинтересовался. Больше всего подошла кузница, где было интересно и хорошо платили. На оборонке работало немало эвакуированных⁵ и трудмобилизованных, царили жёсткая дисци-

---

¹ В одном из скверов Тюмени установлена скульптурная композиция «Прощание» в память о выпускниках тюменских школ 1941 года, где 80 процентов мальчишек домой с войны не вернулись.

² В навигацию 1941 года только 5 судов совершили более сложное – сквозное плавание по Северному морскому пути.

³ В 2021 году Тюмень удостоена звания «Город трудовой славы».

⁴ Об этом сюжете рассказано в статье «Таллинцы в Тюмени», опубликованной в журнале «Врата Сибири» в номере 2 (57) за 2021 год.

⁵ Среди них была и будущая литовская партизанка Марите Мельникайте, по-смертно удостоенная звания Героя Советского Союза.

пина: «12-часовой рабочий день начинался в восемь утра, за опоздания грозил штраф, а то и суд. Я втянулся».

Кузнецу из эвакуированных харьковчан Куровскому помощник приглянулся – здоров (в кувалде-то 8 кг), инициативен, а его рацпредложение (всё-таки у Павла 10 классов за плечами) позволило выполнять норму до 400, а потом и на 820 процентов. «Моя зарплата доходила до 1200–2000 рублей¹. Было что оставить про запас маме, когда всё же призвали».

17 сентября 1942 года Сюткина направили в запасной полк под Челябинск, а оттуда как имеющего среднее образование – во второе Ростовское артиллерийское училище, которое находилось в Перми. И только «15 мая 1943 года мечта осуществилась – я на фронте». Удивляло ещё в эшелоне, что его ровесники «рвались на войну, а взрослые мужики мечтали задержаться в госпитале...».

Командир САУ-152 наравне со всем экипажем заправлял своего «Зверобоя» 50-килограммовыми снарядами, перетягивал гусеницы, регулировал двигатель. Полк из резерва ставки ВГК перебрасывали с фронта на фронт («в наступлении и обороне мы первые»). Наряду с наградами (что «не поспевали за нами») оставались и «зарубки на память» – пять ранений и одна контузия, пять раз горел. Самоходка – оружие грозное, да защита от поражений слабая – броня лобовая тонкая, а сверху – брезентовое полотно. Так что пять самоходок «сюткинской» роты теряли экипажи в огромном числе, а многие машины после боя не подлежали восстановлению.

Павел Павлович взвешенно относится к орденам и медалям, где «иные тыловики имели их больше, чем бойцы передовой», а 80 процентов Героев Советского Союза удостоены этого звания посмертно. Стать Героем Советского Союза или полным кавалером ордена Славы, по мнению Павла Павловича, значит «не проявлять страха ни перед врагами, ни перед самой смертью».

На сегодня ещё не все награды вручены фронтовикам или их семьям: «Большая цепочка от представления до награждения». Это П.П. Сюткину как члену совета ветеранов Сочи хорошо известно.

Быть трижды Героем – это значит пройти суровые испытания, на которые оказалась щедра судьба и в послевоенное время. Изменили в документах дату, место рождения и призыва, отец репрессирован – дали повод для сомнений кадровиков и злопыхателей. «Потерялся» же П.П. Сюткин для получения звания Героя Советского Союза и по той причине, что верно служил Родине в самых разных её регионах – от Прибалтики до Дальнего Востока. После увольнения из армии полковник, заместитель командира воздушно-десантной дивизии остался с женой, фронтовой медсестрой, в Эстонии.

Наступил крах СССР. Мечтавший обустроиться в Подмоскowie ветеран вложил все накопленные средства в «трест, который лопнул». Автора строительно-квартирной аферы нашли, осудили, но денег не вернули. Без жилья нет прописки, как нет и российской пенсии. Сюткин оказался в положении бомжа, обитавшего в сторожке дачного кооператива. На просьбы о присылке пенсионных документов эстонские чиновники отмалчивались.

Пришлось бывшему фронтовику вспомнить военные навыки и пересечь нелегально государственную границу с независимой Эстонией. Там

---

¹ Стахановцы в среднем зарабатывали по 500 рублей.

всё-таки документы выдали. Да и помнили его по работе с призывниками и по линии республиканской гражданской обороны (её штаб возглавлял выпускник Таллинского военно-пехотного училища, которое эвакуировали в Тюмень, генерал-майор В.И. Выру).

Помогла дальняя родственница в Сочи: прописала, но жить пришлось несколько лет на балконе её маленькой квартиры. Благо климат позволял, а закалённый организм и неиссякаемый оптимизм помогли выстоять, дожидаться справедливости в государственной награде и житейском вопросе. Ныне он обласкан государством: пенсия и квартира достойные, а внимание властей и детей (родных и чужих) радует.

Павел Павлович поражает по многим позициям: 50 раз отжимает весомые гантели, играет в бильярд, бегаёт марафоны (в 2014 году по улицам города-курорта он пронёс олимпийский огонь), цитирует на память болдинские строки А.С. Пушкина, поёт непоблекшим голосом, пишет картины и стихи. Есть планы достроить дачу, «...да вот незадача – опять авантюристы хотят обмануть», на этот раз – с участком земли.

Из 100 призывников 1921–1924 годов рождения День Победы встретили лишь четверо, а жизнь на войне танкиста и самоходчика – 5–6 атак¹. То, что П.П. Сюткин прошёл войну и выжил, а своё столетие встречает в здравом уме и на своих ногах, чудо.

На всё Большое Сочи в живых осталось три фронтовика, а Павел Павлович Сюткин – самый активный из них, хотя бывшие ранения дают о себе знать. И если бы не пандемия, он продолжал бы встречаться с молодёжью.

Под последнюю рюмку коньяка трижды Герой сказал о будущем: «Наша Россия выстоит в любых испытаниях, если новые поколения будут её не только любить и гордиться, но и защищать от любых посягательств на неё».

Есть у Павла Павловича заветная мечта: увидеть на своём столетнем юбилее Владимира Владимировича Путина, тем более что «в Сочи тот бывает часто!»

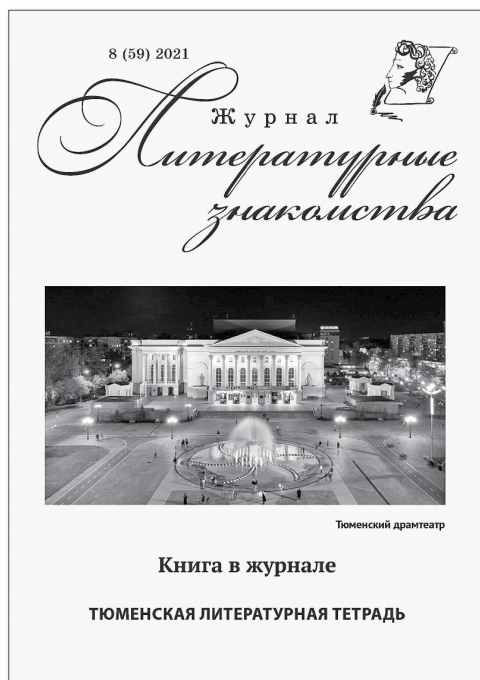
---

¹ Если машина не подбита, а сам не ранен, умножим живучесть на четыре.

У НАС В ГОСТЯХ

*****

Журнал «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМСТВА»

Международный альманах «Литературные знакомства» существует с 2008 года и через Российские культурные центры распространяется во многих странах Европы.

Автор проекта и главный редактор международного журнала «Литературные знакомства» – Звонарёва Лола Уткировна, (доктор исторических наук, член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей СССР (с 1988 г.), секретарь Союза писателей Москвы (с 2004 г.), академик РАЕН и ПАНИ.

Как любое литературное печатное издание, журнал с годами развивается, накапливает творческий потенциал, расширяет круг соратников, единомышленников, сотрудников и читателей.

В редколлегию альманаха входит 37 писателей, художников, учёных из России, Франции, США, Болгарии, Финляндии, Германии, Польши, Белоруссии, Украины, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Турции, Эстонии, Англии.

Презентация почти каждого нового номера проходит в литературной гостиной Лолы Звонарёвой в культурном центре «Булгаковский дом» два раза в месяц по четвергам. Авторы и содержание альманаха нередко обсуждается в сорокаминутных радиопрограммах «Литературная гостиная» и «Русский мир».

По инициативе редакции и при поддержке авторитетных зарубежных структур ежегодно проводится три международных мероприятия – литературно-художественный фестиваль «Русские мифы» в местечке Дженовичи, Черногория (с 2008 года, сопредседатель оргкомитета - член Правления Союза литераторов России Арсен Мелитонян), международные литературно-образовательные чтения в Сопоте и Гданьске (Польша) – вместе с Российским центром науки и культуры в Варшаве и Гданьске (координатор - Татьяна Хохлова), Дни русской культуры в Варненском регионе Болгарии – вместе с издательством «Аксиос» и Международным союзом писателей имени Кирилла и Мефодия (председатель - профессор Ивайло Петров).

МИР ПРОЗЫ

Павел КРЕНЁВ

Павел Григорьевич Кренёв – заместитель председателя Союза писателей России, автор 21 книги прозы. Тексты переводились на польский, болгарский, китайский, турецкий, французский и эстонский языки. Кандидат юридических наук, лауреат премий «Золотой витязь», имени Н.С. Лескова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Патриаршей премии им. С.Ф. Аксакова и др. Живёт в Москве.

УСПОКОЙСЬ

Толстый, звонкий ельник здесь господин. Деревя-гиганты, неприступные и мрачные, веками держатся друг за друга переплетениями густой хвои и никого не подпускают. Не пройти здесь человеку. Зацарапают его деревья, обдерут и изнурят. Завязнет, потеряется его крик в непроходимых еловых дебрях, под чёрными вековыми кронами, запутается в игольчатой паутине сине-седого лапника. Боится заходить сюда лось. Отхлещут его ёлки по глазам и животу, настегают и ничем не накормят, прогонят. Здесь живёт Рысь. Это её владения.

По брусничным угорам, по канабристым буреломам, по берегам глухих, молчаливых безрыбных маленьких лесных озёр-ламбин проходят никому не видимые её охотничьи тропы. В вечерние сумерки, когда в зубьях ёлок на западной стороне исчезнут последние солнечные блики, в чёрной хвое зажигаются кошачьи глаза. В них – отражение последнего трепета птичьих крыльев, стремительных зайцев, белок и куниц. Встреча с тускло-зелёным, немигающим, гипнотическим светом рысьих глаз – неминуемая смерть для них.

Любимое занятие для неё – это засада. Часами может она неподвижно лежать на суку над оленьими водопойными тропами, поджидая отставшего от матери детёныша или старого, уставшего, изнурённого болезнью оленя. Линяющие в начале лета, укрывшиеся в глухомани глухари – особое лакомство для Рыси. Неспособные летать, ослабевшие в ликованиях и драках на весенних токах, они скрываются в уединённых, непроходимых для человека таёжных урочищах.

Но от Рыси им не скрыться. Из-за непросветных ёлок она подкрадывается бесшумно, тело вытянуто и напряжено, голова плывёт над самой землёй, уши насторожены, глаза блестят. Последнее, что видит безмятежно кормящийся глухарь, – это огромную серую молнию, метнувшуюся в него из-за дерева.

Самая лёгкая зимняя добыча Рыси – косачи-тетерева. В предвечернее время они собираются стаями на берёзах, растущих по краям полян и опушек, и шумно хлопая крыльями, ссорясь друг с другом, набивают зобы отвердевшими от мороза почками. Полузарывшись в снег, Рысь смотрит на их игры и драки из леса, глаза её умиленно жмурятся в предвкушении скорого ужина. Когда настает сумерки, косачи затихают, некоторое время сидят нахохленные, а потом один за другим срываются с берёз в рыхлый глубокий снег. В снегу они ночуют.

Рысь подходит к косачинным лункам, когда на лес падает темнота. Света ей не нужно. Она зайдёт «с подветра» и найдёт птиц по запаху. Косач-жертва спит в снегу безмятежно, чувствуя себя в полной безопасности. Услышав над собой шорох, он проклёвывает головой снежную замать, и тут же на неё неотвратно-молниеносно опускается мощная звериная лапа с растопыренными когтями-крючьями.

Ещё Рыси нравится зимними ночами караулить зайцев-беляков. Глупые, они ходят к кормовищам по натоптанным тропам, и выследить их несложно. Чтобы не отпугнуть зайцев своим запахом и следами, Рысь подбирается к тропе «верхом», со стороны, противоположной ветру, по веткам близстоящих деревьев и затаивается на крепком суку над самой тропой. Опять горят вожделенным охотничьим блеском в темени леса рысьи глаза. Вот и заяц, настороженный, прядущий ушами, стремительный. Рыси остается только прыгнуть на глупышку с высоты. И опять раздаётся и теряется в путанице ночного холодного леса короткий плачущий крик. Иногда Рысь промахивается, и ошалевший от страха заяц, петляя и кувыркаясь, уходит из-под её когтей, но кошка и не гонится за ним. Она переходит на другую тропу и вновь затаивается. Добыча придёт к ней сама.

В конце зимы у Рыси был гон. Из Кряжистого бора к ней приходил старый её друг Кот, и они прожили бок о бок целый месяц. Вместе охотились, играли, ласкались.

По вечерам, испытывая необычайную нежность к Коту, Рысь, урча, лизала горячим языком его шкуру, ластилась и старалась всячески ему угодить. Кот отвечал ей тем же. Потом привязанность к Коту прошла, и Рысь его прогнала.

В мае у Рыси родилось двое котят.

Первые дни мать никуда не отходила от них, слепых и беспомощных. В логове, под выворотом огромной, уроненной ураганом сосны, она вылизывала их тоненькие шкурки, согревала маленькие тельца своим теплом, кормила молоком. Наевшись, рысята подолгу спали, уткнувшись мордочками в материнский живот и прижавшись друг к другу, поэтому Рысь не могла никуда отойти, чтобы поохотиться и поесть самой. После рождения детенышей она сильно похудела и ослабла, вместе с молоком рысята высосали из неё много сил.

На одиннадцатый день у маленьких рысят прорезались глаза, и Рысь смогла наконец уходить от них, чтобы подкормиться хотя бы мышами. Но уходить можно было лишь ненадолго. Распахнувшийся перед детьми мир увлекал их, уводил от логова.

Познавание мира скоро кончилось бедой для одного из рысят. Мать была на охоте, и его, отошедшего от семьи, придавило тяжёлым суком, сорванным с сосны порывом ветра. Когда Рысь нашла его, детёныш уже не дышал.

Второй рысёнок бегал вокруг матери, тормозил погибшего братишку, приглашал поиграть с принесённой матерью ещё живой мышью. На берегу лесного ручья Рысь выкопала яму, бросила в неё детёныша и завалила землей.

О погибшем сыне Рысь скоро забыла, ведь у неё оставался Рысёнок, её дитя, и извечный закон материнства требовал кормить его, натаскивать, растить...

Ах, как красив, грациозен и смышлён был её сын! Длинноногий и сильный, он, одномесячный, уже сам поймал первую мышь и принес

её, задушенную, к матери. Та, обнюхав и убедившись, что минуту назадмышь была живой, одобрительно потрепала Рысёнка по загривку и легко ударила мягкой лапой в бок. Рысёнок упал и в детском восторге закатался по брусничнику, смешно выгибая длинное плотное тельце. Ещё через месяц мать научила Рысёнка искать птичьи гнёзда. Ей нравилось наблюдать, как острые ушки её детёныша мелькали среди зелени, и молодые нерасторопные птенцы то и дело оказывались у него в пасти. В конце лета Рысь решила, что пришла пора показать сыну охоту на заячьих тропах. Азартная и, как правило, успешная, она должна была понравиться сноровистому Рысёнку.

Рысь отвела детёныша на Клеверные луга, где после июльских сенокосов стояли наваленные людьми высокие кучи сухой травы. Эти кучи, утыканые длинными жердями, разведали по Лесу дурманный запах вяленого разнотравья и привлекали к себе множество зайцев. Пьяные от хмельного клеверного аромата длинноухие зверьки забывали об опасности и становились лёгкой добычей.

...Рысёнок сидел на суку над заячьей тропой вместе с матерью и дрожал от возбуждения. Но когда появился первый заяц, весь напрягся, вытянул шею, подобрал передние лапы, будто сам намеревался прыгнуть за добычей. Мать, испугавшись, что в охотничьем азарте сын и в самом деле прыгнет и поранит себя в борьбе с зайцем, едва слышно, но грозно мурлыкнула на него и прыгнула сама.

Рысь промахнулась.

Заяц, почуяв что-то, резко скакнул в сторону и заметался по кустам. В другой раз Рысь не стала бы его преследовать, чтобы не тратить впустую силы, но сейчас на нее глядел её сын, будущий сильный и ловкий Кот, которого надо было научить искусству охоты. Рысь бросилась за зайцем, петляющим, вёртким, и хотя тот, видно, хорошо умел уходить от погони, настигла его в мелком березняке перед болотной ручьевинной. Она вовремя разгадала маневр зайца, перекинулась через завал и, прыгнув наперерез, перехватила зверька прямо на лету, когда тот был в воздухе, ударила лапой и подмяла под себя.

Когда Рысь с зайцем в зубах двинулась в обратный путь, в стороне, где остался её сын, раздался сильный грохот, и она бросилась вперёд что было сил.

Человека она почуяла ещё на подходе. Двуногий стоял под деревом, где она с Рысёнком караулила зайцев. Сын её лежал на земле. Человек поднял его и положил в корзину. Он постоял немного, забросил корзину за спину и пошагал прочь.

Рысь стояла за елью. Пахло едким и вонючим дымом, человеком и кровью.

На море – погодушка. «Полуночник», нагулявший на просторе силушку, буянит уж второй день: рвёт на мелководьях водоросли и кучами вышвыривает на берег, ломает на сёмужьей тоне колья. Сейчас отлив. Несмотря на прибойный ветер, вода, как и полагается в новую луну, крепко оголила песок, и ветер не в силах донести ударные волны до кромки берега. Он в злобе бьёт взводни об оголившиеся песчаные кошки, об обнажившиеся рогастые гранитные бакланы. А на самом берегу тишь и бескрайняя широченная полоса гладкого мокрого песка, утрамбованного морем до асфальтовой плотности.

Шурка Юдин дожидался этого отлива со вчерашнего вечера. Утром, когда вода «запала», он аккуратно положил в длинный, специально при-

способленный пестерь две бело-серебряные рыбины, повесил на плечо дробовик и пошёл к Лизке.

Лизка работала мастером рыбообработки на приёмном пункте в двадцати с лишним километрах от деревни, и рыбаки пойманную сёмгу относили ей. Была она старой девой, рябой и угловатой, жила на пустынном морском берегу в отрыве от людей как бы даже с охотой. Брала каждый год с собой двух маленьких собачек какой-то малахольной тощенькой породы, вредных, вечно без толку твякующих, недоброжелательных к рыбакам.

Ругаться Лизка умела хлётко, вкладывая в это некий азарт. От всех подковырок отъедалась бойко, всегда к месту вворачивала какую-нибудь байку относительно самого подковырщика или его жены, и рыбаки Лизку остерегались. Но Шурку она побаивалась: был он вёрток, ухватист, отчаян и удачлив. А словесную перекидку вести с ним просто невозможно, ему слово, а он – пять, да всё едких, занозистых, острых, как тройники на тресковых переметах.

Вот опять... Собачки, издав издав увидев Шурку, злобно залились, бросились к нему навстречу. Лизка, собиравшая анфельцию, выпрямилась, поглядела на приближающегося мужика из-под ладони, пробурчала с изрядным раздражением:

– Лешой несёт опять шалапута!

Не уделив собакам никакого внимания, Шурка уже на подходе начал ёрничать: стянул с головы замызганную, неопределённого цвета кепку, прямо с пестерем на плечах бухнулся на колени, криво склонил раннюю, всю в белых редких волосиках лысину, запричитал с подвываньем:

– Матерь ты наша, Лизавета Сазоновна, не дай ты сгинуть в нищете парню молодому да удалому-у... Не пусти, сударушка, его по миру-у-у...

Шурка положил на песок ладони, поднял худое, в рыжей щетинке лицо, скорбно глянул на Лизку. Та не выдержала, отвернулась, сплюнула:

– Срамись, срамись, трепло!.. Дак чего надоть-то ише?

– А прими ты, сударушка, рыбку, в трудах непосильных пойманную, не по второму да третьему, а по первому сортику-у... воздасси тебе-е-е...

Новая Шуркина выходка Лизку явно развеселила. Кроме того, несомненно её обрадовало сегодняшнее Шуркино миролюбие. Лизка игриво сгребла с песка пук мокрых водорослей, шутейно кинула их в него, покорно стоящего на коленях, и побежала к складу, запричитала вроде бы с обиженной, но явно одобряющей Шурку интонацией:

– Срамник ты проклятой, не стыдна ему, а!?

Негромко про себя хихикая, она открыла дверь рыбного склада и приняла у Шурки рыбу. И всё время, пока взвешивала и определяла сортность, выписывала квитанцию, была в хорошем настроении и называла Шурку галюзой. У одной рыбины около спинного плавника была сбита чешуя, и в другоразь Лизка обязательно придралась бы к этому, приняла бы вторым сортом, Шурка и его напарник Мишка Колюха были уж готовы к этому, но рыба вдруг получила первый сорт... Кто их разберёт, этих женщин?..

Обратно Шурка решил возвращаться не берегом, а лесом, не зря же таскал ружьё, вдруг да встретятся рябчики. Можно будет вечером отведать мясца. Рыба как ни свежа, а приелась уж.

Тропа шла вдоль пологого невысокого угора, по цветастому разноликому лесу. Ветер пошумливал где-то сверху в вянувших к осени листьях, но сквозь не обдутые ещё густые кроны к земле пробиться не мог, внизу было

тихо. Вскоре справа показались Кирилловы пожни, которые в этом году косила Шуркина соседка тётка Клавдия, и Шурка по обычности свернул туда: посмотреть, как стоят стога-зароды, проверить, не порушили ли их лоси, не горит ли сено, потом при случае доложить соседке: был, мол, проверил, всё нормально. Тётка оценит, угостит, как полагается. А как же?

Зароды были в порядке. Лишь снизу подтыкали зайцы. Ясное дело – пожни-то клеверные, для ушастых любимое дело. Вокруг в траве темнели коричневые шарики заячьего помета.

Из-под ольхи, что росла за вторым стогом, будто ударил неожиданно взрыв – взлетел на деревья выводок рябчиков. По виду все нагулянные уже, взматеревшие. Вот вы где! Шурка чётко выследил, куда сел один из них, на какую ёлку, взвёл курок «ижевки», стал подкрадываться. Но рябчик – маленькая пёстрая курочка – это же хамелеон какой-то! Только отвёл глаза, он и исчез. Вытянулся в густоте веток, сам стал как неприметный сук. Ищи его, разглядывай...

Взгляд Шурки натолкнулся на какое-то округлое утолщение, которое было, правда, на другой ёлке, но и ближе. Разглядел и обомлел: на него исподлобья, настороженно глядела в упор большая серая кошка, положившая голову на вытянутые по суку передние лапы. «Во, котяра, откуда он здесь?»

Уши у кошки, сложенные, загнутые в стороны, заканчивались длинными чёрными кисточками, и Шурка, вспомнив наконец, у кого могут быть такие кисточки, сообразил: рысь. Сомнений – стрелять или не стрелять – не было, мелькнула только мысль: заберёт ли дробь, мелковата всё-таки? Не прыгнула бы, зараза, подраненная-то.

Но когда он выстрелил, рысь, как мешок, свалилась и в конвульсиях замолотила по воздуху лапами. «А-а, крепко зацепило», – обрадовался Шурка, но подходить сразу не стал, быстро перезарядил на всякий случай ружьё. Наставил опять на зверя: вдруг оживёт да прыгнет. Однако рысь вскоре затихла, и Шурка осторожно, вглядываясь в неподвижного зверя («Эк, когтищи!»), приблизился вплотную, тронул стволом его живот. «Кажись, и правда каюк ей!» – подумал Шурка, но притронуться долго ещё не решался, вглядывался в оскаленную пасть. Наконец, опираясь на ружьё, наклонился, вытянул руку и двумя пальцами рывком дернул рысь за шерсть, как от угольев, откинул руку назад. В щепоти остались длинные тёмные волосики. «Линяет...» – разочарованно и с невольным возмущением пробормотал Шурка и только теперь разглядел вдруг, что рысь-то вроде маловата по размерам, чересчур угловата и тоща. Раздражения у него прибавилось: «Рысёнок... Шкет, а тоже по деревьям надо лазить, на человека прыгнуть хотел, может... Сидел бы где-нибудь в яме да сиську сосал, а тоже, надо...»

Мысль о том, что где-то рядом может таиться мамаша этого зверёныша, будто плеснула на спину ковшик холода. Он пополз струйками, пузырчатый, корёжисто-гадкий. Почудилось, что хищные, ненавидящие глаза вцепились ему в спину. Шурка невольно резко оглянулся, пошарил взглядом обступившие его деревья... «Да не-е, выстрел был, с ружьём я, не подошла бы она, боится... зверь ведь...» – успокоил себя маленько Шурка и подумал: «Дак, а шкета-то куда? Шкура – бросовая...» С другой стороны, оставлять тоже было жалко. «Колыху удивлю... А и кто в деревне рысь убивал, а? Кроме Шурки Юдина! Всех удивлю...» Последняя мысль ободрила и просто-таки взволновала. Шурка поднял рысёнка за заднюю лапу, бросил в пестерь и пошагал на тоню.

Зачем двуногому её сын? Зачем он унёс его с собой? Почему рысёнок не сопротивлялся? Что случилось с ним? Рысь, встревоженная, вся в мелкой дрожи глядела на уходящего охотника, затем подошла к месту, где только что лежал рысёнок, и отпрянула от острого запаха крови.

Это была кровь её сына.

Рысёнок ранен! Куда отнёс его охотник?

Рысь никогда не отважилась бы бежать по следам двуногого. Страх перед запахом человека передался ей от предков. Такая встреча всегда несла великую опасность. У живущих в лесу диких кошек, самых ловких хищников, совершенных по совокупности великих качеств – красоте, быстроте и силе – не было достойных врагов, так предназначено самой Природой. Сильнее только Росомаха, Волк и Медведь. Но никто из них в самый лютой голодный час не отважится напасть на Рысь.

Загнанная в угол, полуживая, лишённая шансов на спасение, она не сдаётся, не предаёт звериную свою честь и до последней смертной минуты будет рвать соперника страшными когтями.

Двуногий сильнее, хитрее и коварнее всех их – и Медведя, и Волка, и Росомахи. Он может победить любого зверя, с ним нельзя встречаться в лесу – Рысь знала это от предков. Но она побежала за человеком, забыв о страхе. Рысёнок, её детёныш, совсем ещё глупый и несмышлёный, ничего пока не знающий о человеке, о его повадках, не уберётся и попал в беду. Что с ним?

Некоторое время Рысь бежала позади человека, и в нос её бил его запах, мучительно острый, мутящий сознание от того, что, страшный и отталкивающий, он был смешан с родным для неё, тёплым и живым запахом Рысёнка. Человек ни разу не заметил её, хотя часто и резко оглядывался: она держалась в отдалении, а глаза у двуногого были слабее. Чтобы всё же не быть обнаруженной, Рысь побежала вдоль тропинки по лесу, но когда человек скрывался за поворотами, выбегала опять на дорожку и внимательно всё обнюхивала: проверяла, не освободился ли от человека её детёныш.

Рысёнок почему-то не мог выскочить из корзины, в которой его нёс двуногий, и Рысь решила заглянуть в эту корзину, чтобы помочь как-нибудь сыну или дать ему сигнал опасности. Решение было связано со страшным риском, но движимая материнским инстинктом, она поборола страх...

...Рысь ещё больше вытянулась на суку осины, когда человек вышел из-за поворота, и напрягшись, затаив дыхание, глядела, как он приближался, постоянно поворачивая голову в разные стороны. Это было хорошее место для наблюдения: дорожка, по которой двигался двуногий, пролегла прямо под ней.

Но Рысёнка она так и не увидела. Двуногий её всё же заметил, резко остановился, что-то по-своему закричал, поднял вверх какую-то палку, из неё вылетел огонь. Опять раздался грохот. Рысь спрыгнула на землю и метнулась в лесную чащу.

В рыбацкую избу на Песчанке Шурка влетел как ненормальный, весь взъерошенный, встревоженный и загнанный. Скинул в сенях пестерь, не снимая ружья, ввалился в дом, будто клуб морозного воздуха. Так, с ружьём на плече, бросился к койке, сел на край и уставился на дверь. Разбуженный им, Мишка по прозвищу Кюлюха приподнялся на локте и, полусонный, ничего не понимающий, глядел со своей койки то на Шурку, то на дверь. Вид у Шурки был совершенно растерянный и испуганный, словно в дверь должен был вот-вот ворваться кто-то злой и враждебный,

чтобы наделать беды. Сейчас напарник его явно не разыгрывал, и Мишка заволновался и прямо-таки струсил.

В дверь никто не врывается. Но Шурка не успокаивался. Он подошёл, как бы даже подкрался к окошку, что глядело в лесную сторону, сначала направил в него ружьё, потом выглянул сам. Мишка заволновался ещё сильнее...

– Ты чево, Саша, а?

Шурку из-за своей въедливости он в жизни не называл Сашей, но тут выскочило...

Тот ответил не сразу, оторвался от окна, поставил в угол ружьё, сел за стол, но тревожного взгляда от окошка долго не отводил. Сказал вдруг, как оглушил:

– На меня рыси напали.

Разлёживаться на койке Мишка больше не мог, от Шуркиных слов он вскочил, плюхнулся на лавку:

– Не... ничего себе...

– Вот и ничего. Убил одну... В сенях вон...

Мишка на цыпочках подобрался к двери, выглянул, ошалевший от таких дел, увидел зверя в пестере, дёрнул к себе ручку, отшатнулся, заохал осипшим вдруг голосом:

– Ой, Саша, ой ты, ради Христа... А неживая, а?

– Да говорю тебе – кокнул... – устало ответил понурый Шурка и махнул рукой.

Мишка отдышался, взял на всякий случай топор, отрывисто глотнул воздуха и вышел в сени. Какое-то время он повозился там, потом зашёл в избу, присел на чурбан к печке, помолчал. Он заметно успокоился.

– А сколько их было-то? Этот-то кабудь котёнок.

– Ничего себе котёнок... – Шурка возбужденно хмыкнул. – С дерева на меня прыгнуть хотел. Пришлось стрелять. Потом иду, зырюсь на деревья с перепугу-то, ан – ише одна, как собака по размерам, на суку сидит, чуть не над самой башкой, тоже скакнуть хочет. Страхи Божьи.

Колюха чувствовал, что Шурка в чём-то завирает. Надо же, рыси на него напали, сроду такого в деревне не было. Но страх у Шурки неподдельный, это точно, да и рысёнок в пестере. Что-то произошло значит.

– Дак что ж ты другую-то не подстрелил?

– Ишь смелой какой. «Не подстрелил-ил»... – Шурка до обидности похоже умел передразнивать Колюху. – Сам-то стал бы пулять мелкой дробью, когда она – как телёнок, а когтяры – во! – для убедительности Шурка граблисто скрючил толстые пальцы. – Стрелил, конечно, да только в воздух.

– А рысь чего? – не без сомнения поинтересовался Колюха.

– Пугнулась, в лес ускочила, зараза.

Михаил представил, как потом шёл по лесу Шурка, как боялся, что из-за любого куста на спину может прыгнуть рысь, и испытал к нему невольное сочувствие.

Когда попили чаю и сидели, откинувшись на койках, Колюха вдруг спросил у съёженного, притихшего Шурки:

– А друга-то, случаем, не мамаша того, что в сенях лежит?

– Кака друга?

– Дак котора прыгнуть-то, говоришь, хотела.

– Не-е, она в другом месте встрелулась, километра полтора... – голос у Шурки дрогнул.

– Ну и што полтора... Обошла да подкараулила, только бы мильнул, Шурка... С ейными-то зубьями...

– Типун тебе на язык да второй под язык. Ты што, она ведь не отвяжется теперь.

– А я про што... – поддержал его, вместо того чтобы успокоить, Мишка Колюха. – За котёнка и подкараулить может. Рыси, они злопамятны, читал я...

– «Чита-а-л»... – особенно едко передразнил его Шурка. – Ты книжку-то хоть раз видел?

Ночь была лунной. Шурка долго слушал тяжёлый, давно уже привычный, но сегодня изнуряющий храп напарника и не спал: ему надо было сходить на улицу. Но снаружи была ночь, там где-то ходила и искала убитого рысёнка мать, хищная, огромная, полная желанием отомстить... Зачем он убил его? Блажь какая, дёрнул же чёрт. Сейчас бы спал давно. Смешно, за дверь теперь не выйти... По окошкам и стенам гулял немного подтихший «полуночник», посвистывал в щелях, шуршал выбитым из пазов мхом, будто кто-то тихонько скрёбся и стонал. Жуть.

– Миша, стань, а, на улицу мне надо... – Шурка ещё растолкал Колюху, тот наконец поднялся, чертыхаясь и бранясь.

Вместе с ним Шурка вышел на улицу, спустился на берег и устроился в брёвнах, Михаил остался на крыльце. Было слышно, как он переминался там и постукивал со сна зубами. Скоро озябнув, крякнул и стукнул дверью, ушёл в избу. Шурка остался один.

Над ним выгнулся густо пересыпанный звёздными искрами чёрный августовский небосвод. С юго-востока к нему приклеилась обдутая ночным свежим ветром, чётко вырезанная двурога яркая луна. Ущербная, она давала меньше, чем обычно, света, лунная дорожка на море из-за шторма кривлялась и дробилась. Но когда на небе луна, всё веселее, и Шурке сделалось не так страшно. Он уже собирался уходить, когда на бревно метрах в десяти от него выползла тень. Её очертания исковеркала разбитая лунная дорожка, она как раз оказалась фоном, но Шурка на этот раз распознал бы её и в полной темноте.

Рысь! Ноги понесли сами, одеться он не успел. Так и вбежал в избу. Колюха насмерть перепугался и, услышав слово «рысь», вскочил с койки, Шуркиного вида будто и не заметил.

Рысь дала о себе знать почти сразу, заскреблась в дверь. Колюха прибавил в керосинке фитиль и от возбуждения задышал глубоко и часто, Шурка трясущимися руками разломил ружьё, вставил в него патрон с пулей, припасённый ещё днем. Затаились. Рысь мягко топталась на крыльце и царапала дверные доски.

Михаил и Шурка не поверили ушам и переглянулись, когда с крыльца донеслось мяуканье, отчётливое и настойчивое.

– Р-разве они, это, как и к-коты? – от нервного перенапряжения Колюха опять стал заикаться.

– Не-не знай, – не получилось «ю» у Шурки.

Помолчали, мяуканье стало совсем жалостливым и даже канючим. «Мяа-аи, ма-а-аи...» – вытягивал зверь на крыльце.

– На нашего Левонтия походит вроде... – неуверенно предположил Колюха.

Знаменитый своими размерами сибирский кот Левонтий, принадлежащий Колюхиной тетке Федоре, и впрямь имел привычку разгуливать по

тоням и выклянчивать у рыбаков свежую рыбу. Наведывался в прошлом году и на Песчанку.

Потом, когда распознанный и впущенный в избу Левонтий хрумчал в углу рыбными костями, когда нервное напряжение спало, Михаил начал кататься по койке и хохотать над происшедшим, над Шуркиным видом, с которым тот влетел в избу. Шурка смеялся тоже.

С утра «полуночник» слёг, уступил море «западу», тот вылизал и утихомирил воду, погнав от берега мелкую рябь. Рыбаки заметали сёмужий невод. С дальней тони в деревню шла дорка, и Шурка бросил в неё мешок с рысёнком. Попросил передать отцу, может, чего-нибудь сообразит со шкурой. Поначалу он хотел закопать рысёнка в песок, но Михаил отговорил: рысь, говорит, повадится, будет раскапывать. А так увезли, и концы, стало быть, в воду.

Ночь, звёздная, высокая и ветреная, обдала прохладой ранней осени, выветрила острый страх, который родила встреча с человеком. Страх уступил место страсти, неуёмному стремлению к встрече с сыном. Рысь всю ночь провела в логове, где стоял густой, живой запах Рысёнка, запах их семьи. От нелепости и вероломства всего того, что произошло накануне, она не могла заснуть, только дрожала и в полузабытьи бесцельно бродила вокруг пустого логова.

Утром Рысь пошла искать своего сына. Она верила, что сможет освободить его из плена человека.

Запах двуногого и запах Рысёнка за ночь выветрился и уже не стоял в воздухе такой терпкой стеной, как это было вчера, но у самой земли, в переплетении листьев, травы и корней, он остался таким же сильным и бил по обонянию острой настоятельностью, ужасным осознанием того, что два они – родной запах сына и враждебный человека – оказались столь близко друг от друга, смешались. Потом запах Рысёнка исчез, остался дух человеческих следов, торопливых, широких, ясно видимых на забрызганной росой тропинке. Дух этот отталкивал и пугал, Рысь старалась бежать не прямо по следам, а вдоль них, боясь только пропустить следы Рысёнка, он мог вырваться, ускользнуть от человека и прыгнуть куда-нибудь за кусты.

Следы вывели к морскому берегу. Лес вдруг распахнулся, и Рысь невольно отпрянула назад, втянулась в можжевельовый куст, притаилась. Неподальёку, у самого моря, стояла изба. Оттуда пахло людьми, жжёной смолой, рыбой и нерпичьими запахами. Эти запахи были здесь самыми сильными, они висели над землей плотно, и даже ветер, дующий из леса в море, не мог их отогнать. Людей не было, их шаги и голоса не доносились из избушки. Вскоре Рысь всё же разглядела их, они плавали в лодке неподалёку от берега и были чем-то заняты. Это прибавило Рыси решительности. Обойти дом, чтобы попасть на подветренную его сторону и выяснить, там ли Рысёнок, она не могла: ей пришлось бы выйти на открытый берег, просматриваемый с лодки, поэтому она осторожно выбралась из куста и подползла ближе к избе.

На неё дохнул запах сына, отчётливый и долгожданный. Её Рысёнок был там, в избе!

Забыв об опасности, забыв обо всём, движимая только неуёмной жаждой встречи с сыном, Рысь бросилась к избе. Запах Рысёнка струился из щелей входной двери. Она ударила её телом, но дверь, упругая и скользкая, только заскрипела. Рысь призывно, с пристонами, урча, стала царапать и бить дверь лапами, но та не поддавалась. Сознание Рыси

мутил и снова кидал её на преграду запах Рысёнка, такой родной и такой сильный... Дверь не поддавалась.

Распалённая прыжками Рысь вдруг резко остановилась, когда за дверью ей почудился шорох и... мяуканье. Она замерла. Мяуканье, жалобное, изнывающее от ужаса, ударило в уши. Это мяукал не её сын! Он плакал не так. Но кто же это там за дверью рядом с Рысёнком?

Рысь вдруг с отвращением узнала, чей это был голос. Там, в избе, прятался кот, который дружит и живёт с двуногим. Что он сделал с её сыном? Рысь бросилась опять на дверь.

Но со стороны берега раздались звуки, которые заставили её опомниться и отступить. К избе подплывала лодка, в ней сидели двое людей. Когда они вышли на берег, Рысь огромными махами добежала до первых кустов, легла за одним из них и оттуда стала следить за людьми. Теперь она знала точно, где находится Рысёнок.

– Шурка! Не стыднова ему, а? Тёту так встречать!

Шурка и в самом деле не слышал из-за навалившейся дремы, как подкатила к тоне лёгкая дорочка. Михаил его не разбудил, ушёл, видать, в лес за кольями, и вот! Пересуду теперь будет... «Родну тёту сын-то твой не стретил, Матвейч, икотник...» Ну и так далее... Да и действительно, время-то, ёлки-палки!

Он вскочил с койки, продраил глаза кулаками, а тётка, родная сестра его отца, уж к избе подходит. Как подкралась. Шурка скакнул на крыльцо, изобразил на сонном лице какую мог радостную улыбку, притворно-дружелюбно забормотал:

– Зра-а, тёта, здра-аст!

У самого крыльца Оксенья Матвеевна, хоть и не больно-то нагружённая – две корзины на локтях, считай, пустые: в одной ручка-ухватка для сбора брусники, в другой – белый узелок с хлебом, заступала тяжело, запереваливалась, будто только-только выкарабкалась из бесконечных канабристых болот. Устала, мол, сил нет, а племянник-то и не поможет. И Шурка, поддержав эту нехитрую игру, ещё больше заторопился, шаркнул сапожищем, стал спускаться к тётушке.

Он сделал шага два, не больше, как в дыре под нижним венцом что-то шумно зашабарчало, заколотилось, и когда он и Оксенья Матвеевна взглядели разом на дыру, оттуда выметнулась и пронеслась между ними огромная рыже-белая молния. Шурка и тётушка непроизвольно глянули ей вслед и увидели, как на некотором расстоянии молния оформилась в скачущего от них зверя, то ли в собаку, то ли в кого-то ещё. Зверь скоро нырнул в кусты и исчез.

Оксенья Матвеевна оторопела. Лицо её вытянулось, на нём застыло выражение крайней растерянности, испуга и... возмущения. Ничего себе, встречает племяш!

– Это кто? – спросила она Шурку. Поставила корзины на настил и тяжело села на крылечную ступень.

– Не знай, тёта... – Шурка тоже растерялся.

– Вроде как не собака. Но кто же тогда?

Догадка стрельнула в глазах красной вспышкой. Да рысь же это! Та самая...

И всё. По телу свинцовой холодной лавой опять растёкся страх, налился тяжестью руки и ноги, придавил к земле. «Пришла всё-таки мамаша того... Думал, пронесёт... Пришла...»

Когда вялый и отрешённый Шурка проводил тетку Оксенью в избу и стал затоплять печку, чтобы подогреть чайник, родственница разглядела резкую перемену в настроении племянника. Она долго наблюдала, как Шурка дрожащими руками ломал спички, бестолково перекладывал дрова.

– Ты, Саша, буди не в себе... – сказала Оксенья.

Шурка ничего не ответил, только вдавил голову в плечи, съёжился, ещё рьянее зачиркал спичками. Дрова, наконец, разгорелись.

– Дак чего молчишь-то? – допытывалась тетка.

Оторвавшись от печки, Шурка тяжело плюхнулся на лавку напротив Оксеньи, брякнул локти на стол, вытянул шею и, вытаращив глаза, прошептал:

– Это она меня караулила...

Тётка ничего не поняла, но всё же испугалась, отшатнулась и замахала рукой:

– Типун те, ты что, Саша, окстись...

И Шурка ей рассказал всё. И про рысёнка, и про то, как на него хотела уже с дерева прыгнуть рысь. В конце рассказа Оксенья сидела уже как на иголках.

– А я думала, каку-таку зверюгу Матвеич намедни за баней закопал? Тебя, Саша, матюкал. Послал, грит, а без надобности, шкура, грит, лезет, спасу нет.

Едва хлебнув чаю, тётка вдруг засобиравалась обратно в деревню.

– Да куда же ты, тёта? За ягодами же приехала.

– Каки-таки ягоды, Саша. Не-е! Рысюку ты тутогде завёл... Прыгнет ишше с лесины. Зла она чичас...

И укатила на своей дорочке.

Когда скидывала пожитки в лодку и ковыряла мотор, всё сетовала, что «брусничка тутогде самолучша, да уж ладно, пособираю в других местах. Рысь – зверь страшной, да ешшо мать рассерженна... Не-е-е...»

И укатила.

Через два дня Колюха растолкал Шурку посреди ночи. Вскинувшись на локоть, Шурка спросонок долго не мог понять, что произошло и чего Михаил от него хочет. А случилось, видать, что-то необычное. Худое лицо Колюхи с включенными волосьями, бледное, как белая тряпка, тускло отсвечивало в темноте. Колюха стоял перед Шуркиной кроватью на коленях. Маленькие, посаженные близко к длинному тонкому носу глаза его были распахнуты и лучили крайнюю тревогу.

– Ты это... чего, Ми-миша? – прерывисто и хрипло зашептал перепуганный Шурка.

– Хотел на улицу выйти, а тут Левонтий завыл, ну я в окошко глянул...

Сердце у Шурки вдруг сильно стукнулось раз, другой, потом замолотило на полные обороты, отдаваясь в висках гулками, горячими ударами. Он спросил:

– Ну и чего там... в окне?

– Да эта, ну твоя зверюга, ходит.

– Мамка? – Шурка непонятно зачем скользнул с койки и сел на корточки рядом с Колюхой.

Вдвоём на четвереньках они подкрались к окошку и осторожно, словно опасаясь, что рысь может царапнуть в лицо, выглянули из-за боковых косяков на улицу.

Снаружи разливался тихий, жёлтый лунный свет, жуткий и мёртвый.

– Вон она, на помойке... – зашептал Колюха.

Рысь Шурка разглядел не сразу потому, что она не шевелилась и сливалась с можжевельновыми кустами, тоже неестественно жёлтыми, как всё под луной. Зверь стоял на прямых, длинных ногах, вытянутый и увеличенный полумраком, высоко задрав морду, как бы кого-то выискивающий в ночи. Потом голова рыси повернулась к избе, и на ней зажглись два маленьких ярко-зелёных фонарика, направленных прямо на Шурку и Колюху. Оба они, будто застигнутые врасплох светом рысьих фонариков, выслеженные, разом отшатнулись от окошка, сели на пол.

– Это она меня ждет, зараза... – сказал Шурка тоном человека, которому перед казнью дали последнее слово.

– А может, меня, почем знать?

– Да не, меня. Счёт свести хочет.

Колюха вдруг встрепенулся и, не вставая с карачек, пополз к углу, в котором стояло ружьё. Быстро с ним вернулся и протянул Шурке.

– Саня, ожедерни, а, не робей, вмажь. Не отстанет ведь. Мне не пасть...

Шурка заблестел на напарника возмущёнными и испуганными глазами.

– С этой пукалкой! Что, не видишь котяру! А подраню... она избу по брёвнышку разнесёт, обоим пуза вскроет. Пулемёт тут нужен.

До утра рыбаки не спали. Постанывали и скрипели кроватями. У двери жалостно и тоскливо выл Левонтий.

Утром в невод попали три 10–12-килограммовые рыбины. Опять пошла сёмга.

На другой день к обеду пропал Левонтий. Отсутствие его сразу заметили, потому что кот мог где-то пропадать, но в полдень, когда чистилась и скоблилась свежая рыба, и с треском разлеталась в разные стороны серебряная чешуя, и в изобилии были ароматные рыбки потроха и головы, когда избу наполняли запахи кипящей ухи, Левонтий, хоть и сытый, всегда крутился где-то поблизости, тёрся о ноги, демонстрируя полное расположение к рыбакам, ныл и клячил еду.

Сегодня он куда-то запропал. Когда наелись ухи, Михаил сгрёб кости в пустую миску, вынес на крыльцо и вывалил в корытце, выдолбленное из куска толстой доски специально для Левонтия. Позвал кота, даже покричал, но впустую.

Пока пили чай, все удивлялись, что такое с котом. Рыбу он никогда не пропускал. И Михаил, и Шурка вида друг другу не подавали, но у обоих на душе висело нехорошее предчувствие, что с Левонтием что-то случилось. После обеда Михаил не прилёг, как обычно, а вдруг засобирился, взял топор и пошёл на берег, мол, захотел глянуть, не выбросило ли на заплёсток пару-тройку строевых лесин, мол, баню надумал тюкать... Шурка знал, что Колюха пошёл искать Левонтия. Он пошёл бы и сам, но не хотел лишний раз бередить напарника. И так тот уже поговаривать стал, что рысь одолела, что за порог озарко выйти теперь...

Михаил нашёл кота около вешал, на старом деревянном настиле, просшем теперь травой, пробитом кореньями. Под настилом были мышьи гнезда, и Левонтий туда повадился бродить. Колюха это ещё раньше заметил.

Левонтий лежал на спине с вытянутыми лапами в лужице крови. Пасть у него была оскалена, он был весь изодран. Вокруг на песке отпечатались большие звериные следы.

Колюха собрался съезжать с тони. Он демонстративно громко бухал сапожищами, бегал из угла в угол, складывал пожитки в пестерь, нервничал. Шурка нервничал тоже. Ему не хотелось оставаться на тоне одному. Но чтобы не унижаться, виду не подавал, сидел на лавке у печки и вырезал из берёзы плашки для ножен. Михаила он не уговаривал, знал, что бесполезно, и всё же, когда тот забренчал посудой и присел глотнуть на дорогу чайку, Шурка попробовал:

– Может, надумаешь остаться-то, Миша?

Колюха аж закашлялся:

– Шутишь, а! Сегодня вон опять следы. Вкруг дома всю ночь шлялась! Хотел мамане вересу нарубить на помела, к кусту подошёл, а там лёжка.

– Нужон ты ей порато.

– Нужон не нужон, а караулит она нас. В лес не отойти... Затряхнет, как Лехоу! Когти, как крючья ш-щу-чьи... Затряхнёт. Из-за тебя всё, паразита, навёл беду...

Колюха чай пил вприкуску. Окунал в остывшую кружку куски сахара, подолгу промокал их там, потом хрумкал и злился.

– Поживи, ладно, поживи тута один. Скоро она тебе на шкирку-то с лесины али откуда скочит, ско-оро! Вытрясет опилки-то с башки, вытрясет!

Шурка попытался козырнуть ещё кое-чем:

– Заработки-то, Миша, пошли каки, в каку осень видали? Сёмга, смотри, прёт, как прорвало, спасу нету...

Колюха это и сам понимал, но аргумент не подействовал.

– А нужны они мне больно будут, ежели я с прокушенным брюхом на бережку буду стыть. Не-е!

И Михаил допил чай. Сейчас уйдёт... Шурка высказал главное, наболевшее:

– Дак что, я ей сдаваться должен, зверюге этой!

Колюха пристукнул об стол пустой кружкой, нервно хохотнул и посмотрел на Шурку как на человека, у которого явно не все дома и которого ему жаль.

– Борец! Сражаться с ей задумал! Погляди... ха!.. Да она с тобой легче, чем с Левонтием. Это ж мать! Ты же сынка у ей сгубил, балбесина, почто-то! Борец...

Уже встав и набросив на спину пестерь, Колюха, чтобы расстаться хоть более-менее мирно, добавил напоследок:

– Я вот про тебя, борца, Матвейчу расскажу, он тебе задаст.

И ушёл. И Шурка остался один.

Темень непроглядная. Низкие чёрные тучи закрыли небо. Они несутся почти над самой крышей, их царапают ёлки, что растут на угорах, подступающих к морю. С северо-запада задувает сырой и холодный «побережник». Облизывая холмы, он падает в пологое ущелье – ручьевину, разгоняется по нему и набрасывается на избу, прижавшуюся к открытому морскому берегу.

Шурка стоит на крыльце, держится за распатанные, подпорченные временем дощатые перила и смотрит на тёмный шумный лес. Ворот фланелевой клетчатой рубашки у него расстёгнут, по лицу ударяют мелкие злые дождевые капли, редкие волосы слиплись и мотаются на ветру тонкими кисточками. Но Шурке не холодно сейчас и не страшно: вечером он хлебнул из бутылки, оставшейся ещё от Колюхи. Шурка, конечно, знает, что страх снова вернётся. И он опять не будет спать ночами, будет

вздрагивать от каждого шороха за стенами, а утром, прежде чем выйти на улицу, долго выглядывать в окна и, приоткрыв входную дверь, сначала просовывать в неё ружьё...

Сейчас страха нет, есть только выворачивающее душу отчаяние, и Шурка разговаривает с лесом. Он даже и не разговаривает, а будто бы приплакивает, как деревенские старухи на проводах покойника, подвывает тихо и обречённо в конце каждой фразы. Ветряная рвань разбрасывает его слова, и они улетают к морю не услышанные лесом, растрёпанные.

– Ну отстань ты от меня, а-а... Слышь, ты, а... Хри-ста-а ради, мамка-а... Не хотел я его... Подвернулся он... Вот беда-то, а... Послушь, ты, а-а... Жениться ведь мне надо сей год. Невеста и всё это есть уж. Не злосья ты на меня, мамка-а... Рыба-та прёт, спасу ведь нету-у. Деньги-то нужны... али нет... Понимать должна-а... Ну не хотел я. Прости ты, Христа ради, мамка-а...

Рванина-ветер уносит слова в море, и лес ничего не слышит. Шурка вернулся от Лизы под вечер. Чтобы не топтать по берегу и не шарахаться от каждого куста, он сходил к ней на карбасе с подвесным мотором и сдал рыбу. Обратного тону возвращаться смертельно не хотелось, одни только наплывающие обрывки воспоминаний о ночных кошмарах рождали бегающих по коже шершавых мурашек. Лизавете Шурка всегда хоть и отдалённо, но нравился. Ершистостью, мужской удалью, что ли. Сегодня он был до необычайности пришибленным, вялым, поблёкшим и скоро наскучил. Так и сказала ему, что не до него ей, и хоть и не очень-то надо было, пошла собирать бересту. Шурка посидел-посидел около склада, подышал переменной обстановки, и взяв себя в руки, решил: пора! Запотягивал взводенёк, а в море стояла снасть. Надо было возвращаться.

У своей тони поставил дорку на рейд и только вышел на берег, как увидел её следы. Они подходили к воде как раз в том месте, где он сидел в карбасе, когда повёз к Лизке рыбу, словно рысь искала его здесь. Шурка остановился, будто споткнулся об эти следы, идти к избе не хватало духу. Но не жить же в карбасе, и Шурка медленно, озираясь и оглядываясь, сгорбившись, побрёл к тоне. Ружьё со взведёнными курками держал, как будто подкрадывался к зверю, спрятавшемуся за избой.

Рысшего следа около крыльца не было, не вёл он и в дыру под пол. Входная дверь была приоткрыта. Прежде чем войти в неё, Шурка постоял и повспоминал: да нет, вроде закрывал. Может, ветер...

В сенях ему на плечи упал кто-то тяжёлый, сбил с ног. Шурка дико закричал и, падая, инстинктивно нажал на оба курка. Мгновения слились в грохоте выстрела и в боли от удара затылком об дверной косяк. Шурка упал...

Придя в себя, он зашёл в избу, сел на койку, потом лёг на неё со стоном. Уснул только под утро, забылся в коротком и тревожном сне.

Утром Шурка выбрал невод. Сложил на дно карбаса мокрую снасть, распатал и выдернул из воды колья, поклат их аккуратно на банку. Он выбрал невод насовсем. Подъехав к берегу и зайдя в избу, чай кипятить не стал, есть не хотелось. Плеснул в кружку вчерашний холодный кипяток и выпил пустую воду с куском чёрного хлеба. Перетаскал в карбас небогатый скарб: бензин, продукты, постель... оттолкнул лодку от берега, чтобы не «обсыхала»: шёл отлив...

Перед тем как завести мотор, он долго сидел, курил, внимательно и задумчиво выглядываясь в кусты и лес, будто хотел напоследок увидеть

зверя, который заставил его покинуть эти места. Потом поднялся, снял зачем-то кепку и сказал:

– Ты это, не помни худо. Понял я всё... Успокойсь...

И завёл мотор.

Исхудавшая, выбившаяся из сил Рысь ушла, когда в памяти стёрся запах её сына, Рысёнка, отнятого у неё человеком. Она вернулась в дикие, глухие и свободные таёжные крепи, где испокон веков господин лишь толстый звонкий ельник. Опять в ясные, короткие ночи горели на укромных, не видимых никому охотничьих тропах кошачьи её глаза. Опять раздавались и терялись в паутине серебряной от мороза хвои последние крики попавших ей в когти зайцев, куниц и глухарей.

А над дремотно-молчаливым, старым лесом из тёмной, фантастически бездонной глубины мигали и глядели на мир вечные, жёлто-зелёные звездочки, удивительно похожие на глаза Рыси, вышедшей на охотничью тропу.

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ

Павел КРЕНЁВ

ОХРАНИТЕЛЬ РУССКОГО ДУХА

С Аркадием Григорьевичем Елфимовым мы идём по Тобольску. Не знаю, есть ли в этом славном историческом месте человек, так влюблённый в этот город, как он? Не знаю. Скорее всего, вряд ли, потому как он ценит и досконально знает каждый его дом, каждую улицу и переулочек, может часами, без перерыва рассказывать о них, о людях, живших в них когда-то и живущих теперь. Особое, восхищённое внимание и искреннее почтение придаётся при этом гражданам города, внёсшим какой-либо достойный вклад в пополнение его славы.

– Вот тут жил и замечательно работал великий летописец и картограф Семён Ремезов. Надеюсь, помните такого... – он стреляет по мне внимательно устремлёнными глазами. – Сколько сделал для города, великий был патриот!

Слово «патриот» звучит у Елфимова часто, и мне понятно: это часть его житейской идеологии, истинный патриот – он сам. Эта яркая черта его сущности греет мне душу, мы с ним исповедуем одинаковые подходы к укоренившемуся в мире порядку вещей.

– А здесь трудился и жил в ссылке Александр Алябьев, известнейший русский композитор, написавший всемирно знаменитого «Соловья». Блестящий офицер, гусар, храбрец, награждённый многими орденами и медалями.

Аркадий Григорьевич всё более воодушевляется, не в силах скрыть гордость от имён великих земляков.

– А вот здесь обитал создатель «Конька-Горбунка» Пётр Павлович Ершов, тут писал свои картины художник Василий Перов, а здесь работал великий этнограф Михаил Знаменский.

Мы идём по городу, останавливаемся у любимых для Елфимова мест, и я поражаюсь тому, сколько же он знает интересного, увлекательного, как он любит историю!

Аркадий Григорьевич – человек в Тобольске знаменитый. В городе нет людей, не побывавших в созданном им и активно действующем ландшафтном парке «Ермаково поле». Это средоточие исторической славы, памятников, уникальных находок землеустройства и образцов современного лесоводства. Над всем этим великолепием возвышается замечательный православный храм. И в самом деле входишь в этот парк с трепетным чувством жадного предвкушения – знаешь, что предстоит увидеть много интересного. Уходишь из него с сожалением, что пришлось покинуть это уникальное место.

Не меньший душевный подъём возникает в душе после посещения также созданной радушным хозяином Елфимовым Липовой аллеи. Особенность её в том, что своим гостям он предоставляет право и возможность в любое время года посадить на аллее дерево – липу, а потом возможность приезжать к посаженному тобой дереву и ухаживать за ним, наблюдать за ростом, фотографироваться...

Мы с литературоведом Лолой Звонарёвой посадили свою липу аж в январе месяце. Говорят, что взялась и растёт. Необычно это – сажать среди зимы, в лютый мороз, довольно теплолюбивое растение. Правда, тут есть у Елфимова секрет: он перед зимней высадкой липы готовит – согревает почву, чтобы нежные корешки не заморозить. И придумал чего-то ещё, чего я пока не знаю.

Есть в характере Аркадия Григорьевича важная для города особенность: он всегда на стороне справедливости. Вот недавно возникли разногласия: чьим именем назвать местный аэропорт? В числе претендентов называли даже татарского предводителя, напавшего на Русь, хана Кучума. Елфимов до конца сражался за присвоение аэропорту имени русского воеводы казака Ермака.

У Аркадия Григорьевича огромное количество друзей и последователей. Он непоседа, всё время в поездках. Встречается с людьми, проводит литературные встречи и важные переговоры, отстаивает интересы тех, на чьей стороне правда, читает лекции... Как известный в регионе издатель дарит людям нужные им книги.

Сам собой напрашивается стих А. Некрасова, посвящённый критику Добролюбову:

*Природа-мать, когда б таких людей
Ты иногда не приносила миру,
Заглохла б нива жизни.*

Думается, точно такие же слова можно посвятить и другому славному сыну России – Аркадию Григорьевичу Елфимову.

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ...

Лола ЗВОНАРЁВА:

«МОЙ ДЕВИЗ – «НЕ НАВРЕДИ...»

*Беседа студентки-первокурсницы с профессором
о жизненной стратегии в современном мире*

У нас в Институте мировых цивилизаций Лола Уткировна Звонарёва преподаёт интересную дисциплину – «Межкультурные коммуникации». Прочитав в Википедии её биографию, а она российский литературовед (кандидат филологических наук), критик, историк (доктор исторических наук, академик РАЕН и ПАНИ), искусствовед, автор 15 книг и более 600 статей, переведённых на 11 языков, член творческих Союзов (секретарь Союза писателей Москвы, член правления Союза художников Подмосковья, член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов), постоянный участник международных конгрессов, приглашаемый профессор, почётный работник сферы молодёжной политики РФ, главный редактор журнала «Литературные знакомства», директор альманаха «Серебряные сверчки», я решила взять у неё интервью, так как впервые встречаю человека из Википедии.

Но для начала расскажу немного о дисциплине, которую профессор Звонарёва нам преподаёт. Межкультурная коммуникация – процесс общения и взаимодействия представителей разных культур и культурных обществ. Полагаю, это действительно важный предмет хотя бы потому, что Россия – многонациональное светское государство, и нам было бы по-настоящему здорово научиться находить общий язык с теми, кто живёт с нами на территории одной страны. А если учесть, что мы учимся на факультете международных отношений, и это направление подразумевает дипломатию, то этот предмет наравне с умением правильно общаться становится и вовсе первостепенным, так как, на мой взгляд, даже блестящие знания не заменят, казалась бы, банальное умение коммуницировать с окружающими. Что уж говорить о представителях других стран? Одно лишь неправильное слово может перечеркнуть хорошо начинающуюся беседу, дружбу и тому подобное. Как говорила Коко Шанель: «У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление». Так что да, речь человека действительно многое о нём говорит и многое решает.

На самом деле изначально эта дисциплина произвела двоякое впечатление: конечно, мне было интересно слушать, особенно о личном опыте Лолы Уткировны и интересных фактах, например, про Францию, однако я думала: под лекцией подразумевалось зачитывание правил дисциплины, этикета, каких-либо нюансов общения с человеком той или иной национальности. Вот вам и классический пример ожидания и реальности.

Предлагаю вниманию читателей нашу беседу:

– Много о человеке, говорят, можно узнать, когда он сам рассказывает о себе. Охарактеризуйте себя в двух-трёх словах: какая вы? Есть ли разница, когда вы с семьёй и на работе?

Л.З.: Спокойная, доброжелательная, деликатная. Одинаковая дома и на работе.

– Какой самый запоминающийся опыт культурных взаимосвязей был у вас?

Л.З.: Наверное, с друзьями из США. Мне доводилось преподавать в университете в Дейвисе, в Калифорнии. Возглавлять в России больше десяти лет российский филиал американской благотворительной организации, жить (по рекомендации известного писателя Тимура Зульфикарова) в Международном доме творчества Ледиг-хаус для писателей и художников в двухстах километрах от Нью-Йорка. По соседству, в маленьком городке Клавераке, находились замок и парк скульптур известного художника Михаила Шемякина (лауреата Госпремии РФ, почётного академика Российской академии художеств), он пригласил меня в гости, я подружилась с ним и его женой Сарой де Кей и выпустила три номера альманаха «Мир Михаила Шемякина», вернувшись из США.

– Расскажите о пути от школьника до того человека, которым вы сейчас являетесь. Насколько сильно изменились вы с детских времён, это разные люди – московская школьница 60-х годов прошлого века и вы нынешняя?

Л.З.: В детстве я была примерно такая же: старалась успеть всё: занималась в нескольких кружках, прочитала целую библиотеку книг, старалась учиться только на отлично (считая, что школьная программа рассчитана на среднего школьника, если же ты претендуешь на нечто большее, то, безусловно, должна быть круглой отличницей). И ещё много работала, мало спала и отдыхала, отдых – перемена занятий. Моя жизненная стратегия – наступать по всем фронтам. Поэтому я с юных лет занималась одновременно древнерусской литературой, современной словесностью, изучением истории и сегодняшнего состояния книжной графики (сегодня это называют арт-критикой). И если мне перекрывали путь в одном направлении, я быстро переходила в другое русло: не пускают в критику, ухожу в искусствоведение, не кормит искусствоведение, занимаюсь медиевистикой. Поэтому у меня сегодня три специализации, и я могу относительно легко реагировать на гримасы рынка вакансий.

– Почему вы выбрали именно филологию?

Л.З.: Моя мама была литературоведом, институтским преподавателем, и мне с детства казалось, ничего интереснее словесности в мире нет: читать книги, писать книги, обсуждать книги. В этом меня убеждали и старшие мамы друзья, к которым она меня водила с детства. Например, Корней Иванович Чуковский и семья Тагеров, Елена Ефимовна и Евгений Борисович, дружившие с Пастернаком, Ахматовой и Цветаевой.

– Вы стали тем человеком, которым хотели стать в детстве: карьера, жизненные установки, ценности, место жительства, черты характера – словом, всё что угодно. Вы бы стали восхищаться таким человеком, которым вы сейчас являетесь?

Л.З.: Восхищаются собой только ограниченные и пустые люди. На фоне великих филологов, имена которых знает весь мир, например, Михаила Михайловича Бахтина или Юрия Михайловича Лотмана, мои достиже-

ния смешны. Нужно уметь видеть себя в рамках большого исторического времени. К себе отношусь весьма критически.

– Ради успеха / славы / денег множество людей готово идти по головам, переступить через себя и свои принципы. Вы являетесь таким человеком? Поделитесь несколькими такими событиями, ситуациями из жизни, если это возможно.

Л.З.: Я никогда не уважала людей, которые идут по головам. Убеждена: зло, предательство, непорядочность возвращаются к допустившему такой проступок сторицей и в самое ближайшее время. У меня в жизни была такая ситуация, когда я работала в знаменитом молодёжном журнале рядовым сотрудником отдела критики. Меня вызвала заместитель главного редактора и предложила на редколлегии выступить против своего заведующего: он часто опаздывал на работу, это повод его уволить, а меня, молодого кандидата наук, передвинуть на его место (и тогда моя зарплата с учётом учёной степени увеличилась бы больше чем на сто рублей, то есть выростала вдвое).

Моим заведующим был большого таланта прозаик, чуть младше меня (не так давно он получил престижную Патриаршую премию), и я ответила: мой заведующий настолько талантливый прозаик, что даже если бы он приходил к концу рабочего дня, для нашего журнала большая честь, что в нём работает такой одарённый человек. И я как литератор, занимающийся критикой, при любых условиях не могу выступить против настолько интересного писателя, это непрофессионально.

Заведующая была удивлена моим ответом, прозаика я предупредила: против него плетут интриги. Мы до сих пор поддерживаем знакомство, и я знаю, он меня уважает.

Ещё один случай: молодой поэт пригласил меня экспертом в одну из радиостанций на свою передачу. Через несколько месяцев руководство предложило мне стать ведущей этой программы. Я согласилась с условием, что пригласивший меня поэт также будет работать, и если там одна позиция, мы будем занимать её в равных долях, но я не буду работать, если меня хотят взять на его место.

– Как вы считаете, какая самая большая ошибка в жизни человека? Желательно на собственном опыте.

Л.З.: Самая большая ошибка в жизни – выходить замуж без любви. Я два раза пыталась, и всегда это печально заканчивалось.

– Для начала несколько общих вопросов: какой опыт вы считаете лучшим – негативный или позитивный? Отталкиваясь от этого ответа, расскажите о вашем самом значимом, ярком, запоминающемся успехе или провале. Какой опыт / урок вы получили из этого?

Л.З.: Я считаю лучшим опыт позитивный, но иногда он соседствует с негативным. На презентациях одной из моих пятнадцати книг, проходивших в Центральном доме литераторов и Литературном музее, выступало три министра – два экс-министра культуры и министр печати. Но я понимала: они внимательны не ко мне, а к герою моей книги, и старалась вести себя скромно, говорить в самом конце презентации и коротко. Всё

прошло хорошо. Все были довольны. Когда же через несколько лет после издания этой книги (объёмом 640 стр., писала её семь лет, и у меня не было гонорара) я попыталась своему герою возразить, он обиделся и не разговаривал со мной несколько лет. Сейчас мы помирились, но я ещё раз убедилась, как осторожно нужно вести себя в литературном мире.

– Вы верите в судьбу, знаки зодиака, нумерологию? Можете назвать свою «миссию», так как, как правило, люди, которые верят в это, следуют какой-то миссии, девизу.

Л.З.: Я православный человек, крещена именем великомученицы Иулитты, и стараюсь не обращать внимания на знаки зодиака, хотя иногда про себя немного горжусь, что родилась под знаком Льва, и замечаю, что люди, родившиеся под знаком Скорпиона, бывают неоправданно жестоки с близкими. Мой девиз – «Не навреди».

– Пару лет назад заметила такую деталь, интересно ваше мнение. Речь идёт о культуре: в англоязычных странах, например, в Америке, люди пишут местоимение «я» (I) с большой буквы, в то время как в нашей стране пишут «Вы». Как вы считаете, подобный нюанс как-то отражается на культуре, характерах людей?

Л.З.: Конечно, тонкое замечание, вы молодец. На Западе люди склонны к индивидуализму, в нашей стране велики традиции соборности, общности, мне они тоже близки.

– Последний вопрос: кто самый главный человек в вашей жизни?

Л.З.: Я бы сказала, этот человек един в трёх лицах – мой сын, моя дочь и мой любимый мужчина.

*Вопросы задавала Сталина Макевич,
студентка 1-го курса Института мировых цивилизаций.*

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

Анна РЫЛЁВА

Анна Рылёва – искусствовед, доктор культурологии, профессор Московского международного университета. Живёт в Подмосковье.

ПОИСКИ ПОТЕРЯННОГО РАЯ: ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВА

Рецензия на книгу: Звонарёва Л.У., Кудрявцева Л.С. Потерянный рай Александра Алексеева. М.: Издательство АСТ; Болонья, 2020, 448 с.

Он родился в 1901 году, в 1920-м покинул Родину, покончил с собой в 1982-м в Париже, прожив всю сознательную жизнь на чужбине. Чем же нам интересен Александр Александрович Алексеев, чей 120-летний юбилей рождения мы отмечаем в 2021-м, а в 2022 году – 40-летний юбилей его смерти?

Перед нами уникальные циклы его иллюстраций к русской классике: «Братьям Карамазовым», «Анне Карениной», «Игроку», «Запискам из подполья», «Доктору Живаго», о которых мы узнали лишь в начале XXI века благодаря петербургскому издательству «Вита Нова». Графические сюиты к «Слову о полку Игореве», «Пиковой даме», «Повестям Белкина», «Запискам сумасшедшего», «Рассказам и легендам» Толстого, «Русским сказкам» из собрания Афанасьева, «Дон Кихоту» Сервантеса, новеллам Э. По, стихотворениям в прозе Ш. Бодлера, сказкам Гофмана, романам Мальро – Алексеев иллюстрировал свыше 50 книг, которые выходили в издательствах Парижа, Лондона, Нью-Йорка, и увы, почти неизвестны нашим соотечественникам. Добавим: русский художник признан и всем культурным сообществом, прежде всего как основоположник нового анимационного кино с использованием изобретённого им игольчатого экрана, как экспериментатор и новатор.

Литературовед Л. Звонарёва и арт-критик Л. Кудрявцева написали 448-страничную книгу «Потерянный рай Александра Алексеева». В чём принципиальная новизна предпринятого труда? Авторы поставили перед собой непростую задачу: изучить и восстановить по документам биографию художника, ибо им пришлось столкнуться с настоящей завесой – ошибками, неточностями, мифами, связанными с жизнью художника.

Исследование началось с изучения его иллюстраций к книге сказок Х.К. Андерсена «Лунные картинки», изданной в 1942 году в оккупированном Париже. Им Звонарёва и Кудрявцева посвятили целый раздел в книге «Сказки Андерсена и четыре русских художника-иллюстратора» 2010 года.

Авторы постепенно продвигались вглубь непростого и запутанного материала. Так появились исследования «Как нам открывался художник Алексеев», «Alexeieff из рода Алексеевых. На второй родине», «Детство Александра Алексеева: из Константинополя в Гатчину», «Мистическое десятилетие Алексеева», «Отрочество в кадетском корпусе», «Русская классика в символических образах парижского художника», опублико-

ванные в журнале «Литературные знакомства», а затем в книге, охватывающей, похоже, все источники и литературу, когда-либо изданную об Алексееве и по поводу его творчества. По одному внушительному списку использованной литературы можно понять напряжённость поиска, принятого авторами, многолетний труд, стоящий за этой книгой. Издание снабжено обширной библиографией в 180 позиций.

Книга выстроена по биографическому принципу: первая глава «Истоки» повествует о роде Алексеевых, более подробно рассказывая о деде и отце, далее – «Детство», прошедшее на Босфоре в Константинополе и Гатчине; «Отрочество» – в Петербурге, Казани и Уфе; «Юность», прошедшая в Самаре, Оренбурге, Иркутске и Владивостоке, а затем начало эмиграции – через Японию, Гонконг, Индию до Парижа; «Молодость» в Париже; «Зрелые годы», когда он вынужден был уехать в США, а потом «Преклонный возраст» – опять в Париже, где художник ушёл из жизни 9 апреля 1982 года по собственной воле.

Вот как авторы объясняют его поступок: *«Отношения нашего художника с миром не являли собой гармонию, в его душе навсегда была скрыта глубокая тоска по потерянному раю, который уже обретал не только облик детства. Это тоска по недостижимому, тоска покинутости, которую ни с кем разделить невозможно. Тоска, имеющая в данном случае название, сегодня слишком употребительно-затёртое – эмиграция. Умы называют её одиночеством».*

Итак, если сравнивать с любым другим изданием о художнике, эта книга оказывается самым полным, самым выверенным, самым глубоким, на него теперь не может не опираться любой исследователь творчества и жизни художника как на первоисточник ценных архивных данных.

Оказывается, жизнь Алексеева – это удивительный, можно сказать, приключенческий роман, она наполнена находками и потерями, удивительными встречами, мистическими поворотами, трагическим концом, подробно исследованными авторами. Не вдаваясь в детали, назовём тех, кто оказал глубокое влияние на жизнь и судьбу художника: И. Билибин, С. Дягилев, С. Судейкин, Ф. Супо, А. Мальро. Какое поле для дальнейших исследований!

Само творчество Алексеева, которое столь пристально и вдохновенно рассматривают авторы, можно условно разделить на книжную графику и художественные эксперименты, среди которых анимация.

Мы узнаем, что становление книжного графика происходило в 1924–1926 годах. *«Я... любил связь между СЛОВОМ и ИЗОБРАЖЕНИЕМ: к их связи я питал особую страсть».* Самое первое произведение, выбранное двадцатитрёхлетним художником, – повесть «Нос» Н.В. Гоголя. Четыре пробные иллюстрации, выполненные им в ксилографии, стали основанием для первой его заказной иллюстрированной книги «Аптекарьша» Ж. Жироду.

Окончательное признание он получает благодаря поразившим издателей иллюстрациям к «Запискам сумасшедшего» Н.В. Гоголя, затем были литографии к роману «Мария Шпанделен» Л. Эмона, цветные ксилографии к «Путешествию в страну эстетов» А. Моруа. Авторы считают, что к 1928 году Алексеев уже стал сложившимся художником-гравёром. Это время работы над «Сибирскими ночами» Ж. Кесселя, «Живым Буддой» П. Морана, «Пиковой дамой» и «Повестями Белкина» А.С. Пушкина.

Цикл из 100 иллюстраций к «Братьям Карамазовым», вышедший в 1929 году, становится вершиной творчества художника. Впечатления от

него авторы назвали «эстетическим шоком». Анализу посвящена целая глава, как, впрочем, и многим другим циклам.

Параллельно появляются «Падение дома Ашероу» Э.А. По, романы «По реке Амур» Ж. Дельтейля и «Адриенна Мезюра» Ж. Грина. К этому времени складывается и особая техника мастера: *«Известно, что Алексеев предпочитал пуантилистские или зернистые техники, чтобы получать очень тонкие и богатые текстуры своих гравюр. Этот метод позволял ему не только работать над изображением поэтапно, но рисовать размытые силуэты и образы, поэтические воспоминания о воображаемом и преображённом мире»*. Эта техника в итоге и натолкнула его на создание игольчатого экрана.

В главе восемнадцатой исследуются работы художника к «Маленьким стихотворениям в прозе» Ш. Бодлера. Здесь, пожалуй, следует привести фрагмент текста: *«Сразу скажем: совершенство его гравюр таково, что восторженному глазу непрофессионала невозможно порой понять – как он достигает этого чуда мастерства»*.

При этом две его замечательные работы – 120 акватинт – к «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, выполненные в 1951–1957 годах, и неоконченная сюита из 115 офортов к «Дон Кихоту» Сервантеса – не были изданы. Во втором случае испанские издатели из-за гражданской войны не осуществили издание.

Приведём всего один пример мастерского анализа авторами техники иллюстраций художника к роману «Анна Каренина». *«Выбор техники не случаен. Офорт с акватинтой связан с исключительным проникновением художника в процесс рождения «хрупкого» образа, считал Алексеев. «Образ, предчувствуемый творцом, – анализировал он таинственный процесс, – неясен у него в мозгу, как галлюцинация. Только в процессе воплощения он приобретает точные пластические формы. Ритм этого воплощения – один из самых мощных факторов творчества. Создание офорта почти целиком происходит в воображении. Он не должен быть вымученным. И нужно уметь передать тот импульс, внезапный взрыв возбуждения, верный и мгновенный рефлекс, то, что называется вдохновением»*.

Офорт с акватинтой помогал Алексееву выражать по-своему и роман Толстого «Анна Каренина»: *«Сама Россия возникает как мираж, как навсегда навечно ушедшее. Атмосфера миража пронзительна, красива и – горька. Она рождена не замыслом, не рассудочностью, не философией, а чем-то бессознательно живущим вечно страждущей душе художника. Это его, личное, отношение к «мысли семейной», воспринятой через призму романа и убеждения русского писателя-гения. Вслед за Толстым Алексеев по-своему размышляет о главном: смысле бытия человека...»*.

Подробно в книге исследуется удивительное изобретение Алексеева – игольчатый экран. Мультипликационный фильм «Ночь на Лысой горе» на музыку Мусоргского вышел в 1933 году. Путь художника к изобретению экрана и художественные особенности внимательно исследованы авторами в нескольких главах их капитального труда.

Завершая наш небольшой обзор большой книги, состоящей из 26 глав с предисловием М. Сеславинского, послесловия, обширной библиографии, сведений об авторах, опубликованных фотографий мастера и подборки его иллюстраций, хочется поразмышлять вот о чём: какова сегодня может быть причина обращения к Алексееву, кроме юбилейных лет? Что пытаются обнаружить невидимые и видимые бойцы этого фронта позна-

ния? Не оказываемся ли мы, сообщество мыслителей, в нравственном долгу перед молодым поколением, которое по большей части незнакомо с творчеством А. Алексеева?

Постепенно пришло понимание: замысел авторов книги значительно шире, чем просто описание жизни и творчества, а возникающие вопросы приобретают общественное звучание – ведь находки художника имеют мировое культурное значение, а сегодня в России переизданы, как уже говорилось, далеко не все книги с его иллюстрациями. Творчество Алексеева лишь эпизодически изучается, а первая выставка его работ в России прошла лишь в 1995 году.

Замечательная книга авторов-энтузиастов Л. Звонарёвой и Л. Кудрявцевой закрывает существенную брешь в нашем незнании. Насколько же уместно и злободневно в наши дни выглядят их усилия по восстановлению связи времён и пространств? Авторы книги словно вынимают из сундука припрятанные драгоценности для специалистов и всех интересующихся. И давно забытое вдруг оказывается современным и злободневным.

Время Алексеева – время утраты единства, разделения мира, разрыва связей, тоталитарных государств, фашизма, войны. Именно в этом причина забвения. Нам словно бы показывают: смотрите, уникальный человеческий опыт может быть утрачен, если его не беречь, не изучать, не иметь продолжателей.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СУДЬБЫ

Павел РЫКОВ

Павел Григорьевич Рыков – член Союза писателей России, автор многих книг стихов и прозы, лауреат многих премий. Живёт и работает в Оренбурге.

«ОТКРЫЛАСЬ БЕЗДНА...»

О книге Павла Кренёва «На огненном рубеже» // «Путеводная звезда. Школьное чтение». № 1 – 2021

Слово должно быть живым и упругим на ощупь. Если читатель ощутит волглый, пропитанный йодом запах водорослей, выброшенных гулливой волной на холодный беломорский песок, зябко поведёт плечами, почуяв задувающий Сиверко, норвящий пробрать до костей, услышит крики вечно несытых чаек, реющих над рыбацкими карбасами, да войдёт вместе с автором в самую гущину северного леса, значит, не зря открыл ту самую книгу, такой заветный мир русской прозы, по которому истосковалась наша душа.

Речь у нас с вами пойдёт о Павле Кренёве и его книге, которую вы, уважаемый читатель, взяли сейчас в руки. Автор – ПОМОР! И этим многое сказано. Значит, из архангелогородцев – русских северян, укоренившихся с незапамятных времён на побережье Белого моря. Там многое наособицу, отличное от среднерусских реалий. Да и люди, в этих пределах живущие, тоже наособицу. Сами понимаете: Белое море – это вам не Чёрное. И полярный круг – не шёлковая опояска лёгонького сарафана. От здешних мест до круга рукой подать.

Всякий человек уникален. Умеющий же подбирать слова и запечатлеть свои чувства и мысли на бумаге уникален вдвойне. Северяне издавна почуткие к Слову и всегда умели его бережно хранить. Вспомним: именно здесь, среди глухих лесов, в деревянных, ладно сложенных из строевого леса избах, сберегались веками не только древлеписанные книги, но и распевы русских былин о богатырях и князе Владимире Красное Солнышко. Киев запомятовал, Москва пренебрегла. А на Севере продолжало золотанное слово звучать. Конечно, тому причиной – не вытоптали народную память кочевники. Сказалась отдалённость мест, анклавированность культурного пространства от среднерусского смешения языков, от заразы бездумного заимствования и навязывания иноязычия. А ещё – Свобода. Крепостного права Русский Север не знал, бар, помешанных на всём французском, здесь не заводилось, чем северяне немало гордятся.

Вчитываясь в прозу Павла Кренёва, начинаешь осознавать: у него за плечами великая, давняя и славная традиция владения словом. Непременно вспоминается помор из Холмогор Михайло Ломоносов, чья строка из оды вынесена в заголовок нашего раздумья. А ещё изошрённые мастера словесного плетения Степан Писахов и Борис Шергин. А ещё бабушкины сказы, а ещё характерные северные многоголосные распевы, которые сберегает Северный академический русский народный хор.

Да иного и быть не могло: Павел Кренёв родом из деревни Лопшеньга на Летнем берегу моря. Одно название селища дорогого стоит. Здесь и шипение приливной волны, набегающей на прибрежный песок, и звуки от лопастей вёсел карбасов, и шаньги печёные – лакомство из лакомств, и ворожба звукосочетаний. И, конечно же, сызмальства впитал он в душу слова, которыми перекликаются-перебрасываются меж собой односельчане: Сиверко-ветер, Заветерье – тихое место, Побережник – опять-таки ветер, Угор – холм, Пестерь – заплечный короб из бересты. Такими изысканными словами изукрашены рассказы и повести Кренёва, словно камнями самоцветными оклады намоленных икон в храмах.

Но вернёмся к Книге. Она вся родом из детства. Книга о Войне. Казалось бы, Великая Отечественная отражена в нашей литературе вся без остатка. Но вот за эту тему сызнава берётся талантливый художник, и мы вместе с ним начинаем вновь и вновь осознавать всю глубину и неисчерпаемость того, что связано с темой трагедии и подвига народного. Сегодня практически все, кто воевал на фронтах Великой Отечественной, ушли в мир иной. Но ещё живы дети и внуки воевавших, живших в тылу, надрывавших жилы непосильным трудом, помогая Отчизне выстоять и победить зверюгана, пришедшего на Русь со всеуничтожающим огнём ненависти. Они помнят ушедших. Помнят вопреки увёртливим, подловатым уверениям в необходимости забыть или по крайней мере простить убийц и насильников с мёртвой головой в качестве кокарды на чёрных фуражках с высокими тульями. Павел Кренёв из поколения Помнящих.

«А отступить, рядовой Борисов, нельзя нам с тобой, приказа такого у нас нет, да и боеприпасы мы с тобой пока не расстреляли полностью. А как из боя выходить, если патроны имеются в наличии? Особый отдел по головке не погладит. Так ведь, Николаша?» – так увещевает перед смертным боем молодого напарника пулемётчик Силантий – герой повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова», прообразом которого послужил дед автора Егор Ермолаевич Бадогин, без вести пропавший на Карельском фронте. Кренёв пишет о войне, ничего не скрывая, ни о чём не умалчивая, не приукрашивая во имя насаждавшихся некогда политпросветом пропагандистских мифов.

«И отчего-то повисла тяжким, неизбывным грузом на душе чересчур запоздалая, крепко опечалившая его забота. В этот последний момент, когда шла на него танковая армада, вспомнилось ему вдруг, как ставши комсомольцем, снял он с себя серебряный крестик, надетый когда-то на его младенческую шейку сельским священником отцом Павлом Васильевским. Как в тридцать втором году по разнарядке парторганизации громил он деревенскую церковь, в которой вековечно находились святыи мощи яреньгских чудотворцев Иоанна и Лонгина. Выбрасывал на улицу святыи иконы...»

Мастерски автор прослеживает минута за минутой действия пулемётного расчёта перед боем. Есть нечто завораживающее в этих подробностях, одновременно точно выписанных, когда читатель словно бы оказывается рядом с этими обречёнными на неминуемую смерть простыми русскими людьми. Вот и мы бережно отрываем кусок бумаги, сворачиваем самокрутку, насыпаем табак и вдыхаем аромат табачного дымка, перебивающего запахи травы, лесной хвои и оружейного масла, которым пахнет оружие, снаряженное к бою. Нет в этих описаниях пафосной трескотни и парадно-выходных красотей. Есть точная констатация психологического состояния людей, понимающих что почём.

Одно из знаменательных явлений нашего времени – приход в литературу, повествующую о подвиге народном, людей, ту войну не познавших. О ней попервоначально писали те, кто прошёл, прополз по-пластунски по полям сражений. Сразу же вспоминаются и С. Гудзенко, и И. Деген, и М. Клипиницер, А. Волженцев, М. Абдуллин и тысячи тысяч безвестных авторов, писавших о войне в окопах и блиндажах в короткие минуты затишья между боями. Очень часто строку обрывали пуля, осколок, пробивая насквозь записную книжку с заветными строками. О войне писали титаны А. Твардовский, К. Симонов, А. Сурков, М. Шолохов, В. Астафьев... Затем настала пора так называемой «лейтенантской прозы», ярчайшими представителями которой выступили Ю. Бондарев и В. Быков. Закрыли ли эти великие авторы тему Великой Победы? Да и могут ли, имеют ли право писать о войне, от которой нас отделяют семь десятилетий те, кто её не ощутил во всём её тягостном величии? Вспомним, однако, что роман-эпопею «Война и мир» Лев Толстой начал создавать через 51 год после разгрома Наполеонова нашествия.

А вот ещё один отрывок из другой повести, помещённой в книгу Павла Кренёва: *«В почти совсем разрушенный и малолюдный Мурманск Аня приехала через притихшую и обугленную Карелию. Весь этот город, раскиданный по чёрным, опалённым пожарами сопкам, всего полгода назад сотрясался от взрывов снарядов и бомб, и был теперь похож на погашенный гигантский костёр с ещё тёплыми головёшками – недогоревшими остатками бывших человеческих жилищ. Ане показалось, что прямо через город проехал тяжёлый, гигантский, размером до небесной выси, сокрушительный каток лютной войны. Проехал и раздавил всё, что жило в нём раньше».*

Продолжим чтение щемящей душу повести «Беляк и Пятнышко». Совсем юная, отучившаяся семь классов, по теперешним меркам вовсе девчонка Аня едет на охоту за морским зверем – гренландским тюленем, которому в Архангельске поставлен памятник. Ей предстоит не стрелять – то дело мужское, охотничье. Но она будет участвовать в зверобойке, в разделке туш на льдине, ступая по лужам крови, содрогаясь от увиденного. Автор пристально и сострадательно вглядывается в то, что происходит в жизни маленькой, на наших глазах взрослеющей героини. Вместе с героиней мы почти физически ощущаем все тяготы зверобойного промысла. Её труды – быть волочилицей, т.е. сволакивать в кучу шкуры и пласты мяса.

Тюленихи-утельги, родившие на окраинах беломорских льдин тюлений-бельков, не могут во имя своего спасения бросить новорожденных, хотя видят смерть неминуемую, слышат хлопки выстрелов – но материнский инстинкт не позволяет. Гекатомба, что разворачивается перед глазами Ани, неумолима и не может быть остановлена. Тюлений жир и мясо спасали жителей блокадного Ленинграда. Поддерживали в войну мурманчан, жителей Архангельска. Ранней весной 1945 года мясо и тюлений жир были ой как востребованы – ленд-лизовой тушёнки на всех не хватало.

А для Ани, несмотря на юные её лета, это возможность заработать столь нужные для семьи рубли. На отца-то похоронка с фронта пришла. Война никого не жалела: ни бойцов в окопе, ни детей в тылу. Весь её ужас воплощён в картине, нарисованной Павлом Кренёвым. Рвущий сознание апофеоз смертоубийства: белая льдина с чёрной полосой живых ещё тюлений на самой окраине льда. Кровь, кровь, кровь, освежёванные туши

уже убитых животных и маленькие детёныши-бельки, не понимающие, что их матери убиты, а им тоже предстоит погибнуть. И замерзающая девочка Аня, забытая на льдине по недосмотру бригадира на куче тюленьих шкур с изнанкой жёлтого жира: *«...мысли будоражили теперь и просто терзали её сердце, и она, как и эти маленькие тюленята, была беззащитна перед своими думами, ведь всё это было правдой. И ей некуда было бежать от этого ледяного поля со множеством убитых тюленей и от своих мыслей тоже»*. Вот вам и мирный тыл...

Сегодня войну порой норовят представить в жанре развлекательного зрелища, почти вестерна, наподобие так называемых спагетти-вестернов, которые в недавнем прошлом насобачились снимать итальянские кинематографисты. У нас «вестернизацией» народной трагедии также занялись гешефт-киношники. Патлатые мальчишки-актёрчики, наряженные в красноармейскую форму, да актриски с тщательно промытыми дорогим шампунем, красиво уложенными длинными волосами бьют без промаха фашистиков в нарядной, тщательно отглаженной форме, пошитой по лекалам от известной фирмы. Но война – дело кровавое, грязное и даже, извините, вшивое. Люди умирали на ней страшно. Об этом писал Толстой. Так её запечатлели Шолохов и Астафьев... Павел Кренёв следует этой традиции беспощадной в своём реализме русской прозы.

Заворожённые мастерством автора, вновь обращаемся к повествованию о том, как два бойца рабоче-крестьянской Красной армии, оборудовав окоп с пулемётом «максим» в карельском лесу, практически в одиночестве поджидают появления финских и немецких танков и автоматчиков. И для них, да и для нас совершенно понятна судьба по сути брошенных командованием двух красноармейцев, один из которых – умелый солдат ещё с гражданской войны, воевавший в составе Первой Конной, а второй – стригунок необученный.

Обстоятельно, не торопясь, по-деловому они готовятся принять бой. Обустраивают огневую точку. Автор подробно наблюдает, как бойцы готовят к бою аж четыре гранаты, предназначенные поразить танк. Выпивают водки, закусывая тушёнкой и солдатским хлебушком. У молодого за спиной работа на заводе и комсомольская юность. У опытного Силантия – большая жизнь, война с белыми, арест по подлому доносу, как это водилось в предвоенные годы массовых репрессий, и жестокие допросы в НКВД, за которыми ему как врагу народа маячила неминуемая смерть.

Он, конечно же, не запамятовал всё это, но сегодня не время считаться с обидами. Надо бить врага и защищать родную землю. Впрочем, никаких пафосных слов автор в уста героев не вкладывает. Да, есть у ветерана понимание того, что смерть в бою неизбежна, слишком невелики их силы. Ощущение приближающейся бездны кого угодно может свести с ума. Спасают воспоминания о родных местах, любых сердцу картинах природы: *«Силантий невольно представил себя на тетеревином току, что неподалёку от его родной деревни. Он сидит посреди большого мха в шалашке, сделанной из маленьких сосен, обложенный густыми ветками, и глядит из неё, как вокруг бродят, растопырив и опустив крылья, распушив верообразные хвосты, украшенные белыми перьями чёрно-сизые петухи. И вечной страсти продолжения рода выклёктывают бесконечные, урчащие, воркующие звуки, словно подражая трелям звенящим повсеместно весенних ручьёв, вытянув шеи, они задирают друг друга, дерутся»*.

«Чу-фышишь! Чу-фышишь», – шипят они друг на друга. И вокруг на клюквенных кочках, покрытых утренним ледком лужицах колыхутся

ветерком их выдранные из боков перья. А рядом с током сидят на маленьких сосёнках нахохлившиеся тетёрки и внимательно высматривают, кто из косачей токует жарче, упоительнее, восторженнее, выбирают самых красивых и сильных».

Каждый из нас по-своему запоминает милую сердцу картину родины, где он услышал первые звуки, ощутил дуновение ветерка, запечатлел в памяти стремительный прочерк стрижей по весеннему небу или похрумкивание снега под шагами идущего. Для Силантия Егоровича Батагова родина – это жена и дети, дом и незабываемые звуки вешнего токования птиц – этого воистину гимна всеобъемлющей любви и пробуждающейся природы. Именно во имя любви к родине жертвует он своей жизнью, выходя на неравный бой с вражьей силой: *«Глухарь, захлёбываясь в своей песне, прошёл совсем рядом. И выстеливший землю лёгкий утренний иней хрумчал, когда в него вдавливались глухаринные лапы. И когти, и шпоры большой птицы шаркали, прикасаясь к его серебристому покрывалу.*

«Эк-ты, – подумалось Батагову, – война кругом, а этот разошёлся тут. Иш-ты, а если враг тебя, дурака, услышит да кокнет? Хорошо тебе будет?»

При чём тут враг, ему и самому было неведомо. Но сейчас, на войне, ему невольно казалось, что всё, способное принести вред ему самому, или людям, или вот этому глухарю, могло быть только от врага. И за это его следовало бить ещё крепче».

Любовь – одна из сквозных тем рассказов и повестей в книге Павла Кренёва. Именно она спасает замерзающую девочку на льдине. Любовь движет бойцом, идущим на верную смерть. И это чистая правда, ибо только она заставляет человека совершать поступки, выходящие за тесные рамки обыденности и так называемого здравого смысла. Вот и в рассказе «Дядя Вася» речь пойдёт о любви. Да ещё о какой! О страшной, преступной, душераздирающей.

Начало рассказа обманчиво мирное, простенькое. Охотничьи утехы, приятели на тяге вальдшнепов. Разговоры за чаем после стрельбы, подле костерка, в котором печётся картошка – милое дело! Но слово за словом и мы, читатели, начинаем погружаться в то, что можно назвать преисподней любви. Разговор отталкивается от искалеченной руки Виктора – собеседника рассказчика. Дело заваривалось в послевоенные годы в тех местах, по которым дважды прокатилась война. Сперва Псковщина с тоской и слезами провожала части Красной армии, отступавшие под натиском гитлеровцев. Потом настала пора гитлеровцев уносить ноги из России. Поля и леса за время боевых действий были нашпигованы брошенным и утраченным оружием и боеприпасами.

В деревнях, куда не вернулись погибшие на фронтах отцы, росла и вольготно чувствовала себя мальчишечья безотцовщина: *«Летом матери с утра и до ночи маялись в поле, и они, родившиеся в предгрозовую пору, босоногие, в рваных запылённых рубахах, жили галдящей вольницей, предоставленные самим себе... Сколько их изранено и покалечено в то проклятое время, сколько погибло. Матери пробовали запирать сыновей дома, брали с собой на работу. Да разве удержишь! А потом опять где-нибудь за речкой раздавался взрыв гранаты, разорвавшейся в чьих-то детских руках, и ребятишки кто бегом, кто ползком, оставляя красные капли на траве, сыпали в разные стороны... А потом опять, как в войну после похоронки, воют по деревне бабы, и не было, казалось, конца тому плачу».*

Поневоле вспоминаются здесь герои фильма Николая Губенко «Подранки». Однажды и Витька, собеседника рассказчика, ранило – отсюда и давнишняя отметина на искорёженной руке. В те поры появился в деревне дядя Вася Кошелев – один из немногих вернувшихся с войны мужиков. Он-то и начал борьбу с мальчишками, запрещая ходить по местам боёв и собирая стреляющие и взрывающиеся трофеи. Досталось и Витьку: *«А-а-а, кричишь, змей! А башку бы оторвало? Не так бы закричал. А-а-а! Мало тебе батьки убитого! Н-на те ещё по жопени, н-на! Увижу снова, сам башку оторву!»*.

Следует отдать должное Павлу Кренёву. Воспроизводя думы и речи своих героев, раскрывая через прямую речь характеры своих героев, он не «причёмсывает» лексику, не подчиняется редактирующему перфекционизму компьютера, который очень любит «выпрямлять» просторечие. Потому герой является пред нами живым и понятным. Он такой как есть, с острой речевой характеристикой, вполне уместной здесь и сейчас. В этом смысле автор следует великим образцам русской прозы: Л. Толстому, М. Шолохову, А. Платонову. Но не прост, ох как не прост оказался дядя Вася. Однажды Витька проснулся уже поздно ночью и услышал страшное признание дяди Васи, засидевшегося в гостях у матери Витька за бутылкой самогона. Гостенёк пьяно признавался в давней, довоенной ещё любви-страсти к матери-вдове.

Война – это не только победный флаг над рейхстагом. Война – это ещё и миллионы наших солдат, попавших в гитлеровский плен, лагеря уничтожения. Темя плена и разного поведения людей в неволе не нова в нашей литературе. Вспомним ошеломляющий и по сей день шолоховский рассказ «Судьба человека». На памяти также повесть В. Быкова «Сотников» и рассказанная в ней история предательства партизана и его падение – участие в казни товарища.

Размышляя о теме нравственного падения человека, Павел Кренёв продолжает начатое некогда Пушкиным в «Капитанской дочке», где запечатлён образ офицера Швабрина, изменившего присяге из-за трусости и пагубного желания любым путём овладеть Машей Мироновой. Дядя Вася – бывший фронтовик, бывший военнопленный, заключённый гитлеровского концлагеря, в котором день и ночь дымили трубы крематория, предаёт односельчанина, своего соперника, во имя, как он утверждает, любви. Читать это страшно. А писать о таком какво? Павлу Кренёву нигде не изменяет чувство меры в показе нравственной бездны, в которую ввергнут человек, сам себя в неё ввергнувший, чем бы он ни оправдывал глубину своего падения. Даже любовью: *«А как ты думала! – дядя Вася раскурил новую сигарку. – Там, брат, или тебя, или ты. Волчий закон!»*.

«Вот такой, – пишет Павел Кренёв, – увидел я историю, рассказанную моим другом. Какой увидите её вы, дорогие читатели? Испытаете ли то чувство, которое Аристотель назвал катарсисом?»

И ещё один рассказ о войне – «Мина», рассказ-притча, созвучный общей тональности и смыслу книги. Притча, пожалуй, один из самых сложных, а потому самых высших жанров литературы. Нелепо полагать, что сочинить притчу можно за письменным столом, мудрствуя лукаво. Она всегда исходит из самых, казалось бы, простых, житейских ситуаций. Таковы Притчи Христовы. Помните, как Спаситель шёл по полевой тропке с двенадцатью учениками, и один из них посетовал, что обувь поистерлась, одежда поистрепалась, выглядят они непрезентабельно в глазах Стада Пасомого. Несolidно-де выглядят. Надо бы прибрахаться,

говоря современным языком, дабы не вспоминать похожее выражение на арамейском. Христос в ответ на сетования посоветовал взглянуть на цветы полевые, что радуют глаз своею красотой. Разумеется, он имел в виду красоту природную, но больше – ту внутреннюю красоту, которая привлекает истинное внимание и поклонение малых сих.

Павел Кренёв в рассказе «Мина» поднимается до высот притчи. Речь идёт о мине, выпущенной из немецкого миномёта. Мина попала в стену дома, но по какой-то причине не разорвалась и застряла в стене. Хвостовик остался на улице, а оголовок со взрывателем практически в избе. Кому-то это может показаться ловким вымыслом, но мне приходилось видеть в Оренбурге артиллерийский снаряд, выпущенный белогвардейской пушкой и застрявший в стене здания, занятого красногвардейцами на Хлебном переулке.

А чем дорог и памятен для Евдокии-хозяйки дом, в котором застряла на долгие годы проклятая немецкая мина? Конечно же, памятью о муже: *«Построил его Федя перед самой войной. Построил за малый срок. Он словно торопился, боялся, что не успеет. Времени у него было мало и без того. Работал Федор бригадиром в колхозе, днями пропадал на поле, домом занимался до глубокой ночи. Молодая жена его Евдокия вначале помогала как могла, а потом, когда дитё ждали, Фёдор всю тяжёлую работу по строительству взял на себя – один управлюсь... Крышу он крыл уже в начале июня 41-го. Тогда и перебрались в новый дом... В первые месяцы от Фёдора приходили письма. В них он утешал жену, обещал: скоро одолеют немца, и он вернётся...»*.

Для Евдокии стало потрясением, когда во время карательной операции оккупантов, обстреливавших деревню, одна из мин вонзилась в стену дома, где она схоронилась вместе с дочерью. Мина попала не просто в стену, но в ДОМ, в МЕЧТУ о мирной и счастливой жизни с любимым. А они затевали нарожать деток и зажить ладком. Мина словно бы поразила и её любимого, унесла его жизнь. Евдокия испугалась попервоначалу, по-бабьи, тряпицей завесила торчащую из стены железяку. А потом свыклась.

Очень точное наблюдение! Память о смертной опасности, известие о гибели родного человека, словно такая мина, долгие послевоенные годы жили в сознании людей. Первая острота переживания постепенно отступала, но не уходила вовсе никогда. В скольких миллионах семей десятилетиями пребывали подобные воспоминания о войне и жертвах, которые годами и оплакивать было нельзя, поскольку «без вести пропал». Когда говорят о жертвах войны, следует помнить и учитывать не только безвозвратные потери и миллионы увечных воинов. Но среди жертв и такие вот русские простые бабы, как Евдокия, лишённые счастья быть любимой, женой, матерью оравы ребятишек, бабушкой и прабабушкой в окружении шумливого гурта внуков и правнуков.

Официальная, десятилетиями утаиваемая цифра в 27–28 миллионов жертв войны – цифра далеко не полная. И уйти от раздумий о перенесённом, об утратах не удавалось и впредь не удастся никому: *«С годами Евдокия привыкла к мине, хотя конечно, как и прежде, боялась. А однажды поймала себя на мысли, что все думы о ней сами по себе облакаются в некую теплоту и задушевность, потому что связывают её с ушедшей в безвозвратность молодостью, с той далёкой порой, в которой жили она и Федя, были вместе... Мину первыми увидели немцы, обшаривающие после обстрела деревню в поисках не успевших уйти партизан. Евдокия*

услышала за стеной гогот, затем в дом ворвался здоровенный фриц и, что-то гортанно выкрикивая, потащил её на улицу. Там её подтолкнули к стене и показали на торчащий из паза хвостовик мины. Один из фрицев многозначительно задрал подбородок, пощёлкал по стене ногтем и предупредил: «бах-бах». Остальные хохотали, выходя за калитку...»

Мину извлекли много лет спустя сапёры, которых вызвал зять Евдокии: «Пётр старательно обрабатывал стамеской края широкого четырёхугольного отверстия, выпиленного в стене в том месте, где раньше сидела мина.

– *Посмотрите, мама, какой красивый вид из окна будет...»*

Финал притчи таким и должен быть таким: светлым и многозначимым.

Вчитываясь в повести и рассказы Павла Кренёва, я вспомнил одну давнюю встречу с рабочим уральского завода. Был он из тех рабочих, которых именуют профессорами своего дела. Проверая как бы в шутку меня и мою компетентность, дал мне в руки металлический шар с отверстиями. А внутри цельного шара ещё один шар, внутри ещё один и ещё.

– Знаешь, как сделано? – спросил токарь и улыбнулся в картинные пролетарские усы. Поскольку до института поработал станочником, я кое-что микитил. Потому знал и ответил правильно.

Проза Павла Кренёва напомнила мне эту заковыристую потешку от уральского токаря-универсала. За внешней простой и обманчивой безыскусностью кроются глубочайшие смыслы и значения. В этой прозе нет модернистских завихрений, концептуальных заумностей. Она пишется не в угоду рыночной конъюнктуре и большекнижным отличиям напоказ. Она о людях и для людей. Можно, конечно, упрекнуть автора, что пишет и пишет он о своём Беломорье, деревне Лопшеньге, простых мужиках-поморах и рыбацких жонках, русских старухах и егозливых ребятишках. О глухарях, тетёрках и медведях, о лесной своей стороне и студёном море, в котором всё ещё водится сёмужка, а на льдинах пестуют своих детёнышей-бельков тюленихи-утельги.

Но погодите укорять попусту. Вспомним: Василий Белов, певец родной Вологодчины, тем и велик вовеки, что славил свою родину. Василий Шукшин, куда бы ни направлялся, ни на день не покидал родных Сrostков, Михаил Шолохов всех героев, целый мир поместил в один хутор, вознесённый над Тихим Доном.

Воистину русская реалистическая проза, к которой, несомненно, по праву относится новая книга Павла Кренёва, это действительно «БЕЗДНА ЗВЕЗД ПОЛНА. ЗВЕЗДАМ НЕТ СЧЕТА. БЕЗДНЕ ДНА».

Юрий КРОХИН

ВРАТА УЧЁНОСТИ

Два с лишним десятилетия – с 1997 до 2020 года – готовилась к изданию эта книга: «Открывающий врата учёности: жизнь и творчество Симеона Полоцкого». Монография Лолы Звонарёвой, которую читаешь как увлекательный, хотя и непростой для восприятия роман, основана на докторской диссертации автора; блестящее исследование, воплотившее труд более сорока лет, посвящено выдающемуся славянскому литературоведу и педагогу, масштаб общественно-просветительской деятельности которого определённо не оценён по достоинству. В восточнославянской историографии, замечает Л. Звонарёва, нет современных монографических трудов, посвящённых Симеону Полоцкому как ключевой фигуре в истории культуры второй половины XVII века, помогающей понять основные его конфликты и идеи, имеющие продолжение в российской общественной мысли...

Что мы знаем нынче о личности и творчестве столь значительной фигуры, как просветитель, мыслитель, писатель, наконец общественный деятель, принадлежащий в равной степени русской, белорусской и польской культурам? Крайне мало, да и то какими сведениями располагаем? «В работах выдающихся историков XIX века Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского Симеон Полоцкий как общественный деятель явно недооценивается», – подчёркивает Л. Звонарёва.

Открываем «Русскую историю» В. Ключевского: «Люди высшего московского класса старались запастись средствами для домашнего образования своих детей, принимая к себе в дома приезжих учителей, западно-русских монахов и даже поляков. Сам царь Алексей подавал пример в этом. Он не удовлетворился элементарным обучением, какое получали его старшие сыновья Алексей и Фёдор от московского приказного учителя, велел обучать их иноземным языкам латинскому и польскому и для довершения их образования призвал западнорусского учёного монаха Симеона Ситиановича Полоцкого, воспитанника Киевской академии, знакомого и с польскими школами. Симеон – приятный учитель, облакавший науку в привлекательные формы. В его виршах можно видеть стихотворный конспект его уроков...».

О серьёзном влиянии рукописного наследия Симеона Полоцкого на двух русских царей – Алексея Михайловича и его сына Фёдора, ставшего учеником иеромонаха, на других влиятельных современников историки писали мало. Тем не менее С.М. Соловьёв находил в деятельности Симеона Полоцкого и его сторонников «новшества», идейно подготовившие реформы Петра Великого, подчёркивает Л. Звонарева. Симеон попытался осуществить свою миссию – европеизировать Московское царство. Будучи наставником царских детей, Симеон Полоцкий стал фактически лидером стихийно сложившейся при дворе Алексея Михайловича партии «западников-латинистов», следующей европейской культуре.

Автор монографии обозревает те работы, в которых исследованию трудов (а это обучение языкам, польскому и латинскому, стихосложению, устройство театральных представления на библейские темы и пр.)

Симеона Полоцкого уделено достойное внимание. При этом исследователь не оставляет вне поля зрения труды А. Робинсона, С. Пештимча, А. Шапиро, Л. Черепнина. Существенный вклад внёс русский историк церкви С. Голубев. Упомянуты труды И. Ерёмкина, других учёных-славистов, в частности, белорусского учёного Н. Прашковича.

Содержание книги составляют подробности биографии Симеона Полоцкого на широком фоне исторических событий, свидетелем которых он был. Так возникают конфликтные ситуации в Северной Европе 40–50-х годов XVII века вроде польско-шведской войны 1655–1660 годов, когда столкнулись внешнеполитические устремления Речи Посполитой, Швеции, России, Пруссии, Англии и других государств.

«В войне России с Речью Посполитой, – пишет автор, – успех сопутствовал русскому оружию: взят Смоленск, побеждён великий гетман литовский Януш Радзивилл в битве под Шепелевичами, взяты Могилёв и Гомель. В 1655 году русские войска заняли Минск, Гродно, Вильно и Ковно, которые быстро превратились в города Российского государства, а патриарх Никон попытался сразу же подчинить себе Киевскую митрополию, к которой принадлежали Полоцкая и Могилёвская епархии. Этим важным делом начинает заниматься и царский Приказ тайных дел, с которым, переехав в Москву, будет связан Симеон Полоцкий».

Литературная деятельность Полоцкого началась в конце 40-х годов XVII столетия, когда в Европе бушевали войны. Чтобы понять и оценить авторскую иронию и намёки, скрытые в тексте военных сатирико-политических поэм Симеона Полоцкого, написанных по-польски, необходимо представлять конкретную ситуацию, обернувшуюся конфликтом в Северной Европе в те годы. Интересно, что политико-сатирические поэмы «Отчаяние короля шведского» и «Король шведский офицеров своих ищет» дошли до нас в единственном черновом списке в сборнике польско-латинских и белорусских стихов, дневниковых записей Симеона Полоцкого за 1648–1660 годы.

«Поэмы, – замечает автор, – написаны поэтом по свежим впечатлениям... Читатель оценит поэтическую изобретательность молодого поэта, независимость его публицистических трактовок, и всё же эти произведения не вполне оригинальны: перед нами авторские интерпретации на тему так называемой «ламентовной думы», восходящие к анонимным немецким сатирическим стихотворениям и поэмам о военных неудачах шведского короля Карла X Густава...»

Педагогическую деятельность Симеона Полоцкого автор условно разделяет на три периода: преподавание в младших классах братской школы при Богоявленском монастыре в Полоцке, преподавательская деятельность в Москве до восшествия на престол царевича Фёдора и наконец просветительская деятельность в общегосударственных масштабах после провозглашения царём ученика Симеона Фёдора.

Симеона Полоцкого отличала широта и многоплановость подхода к проблемам педагогики. Причём, подчёркивает Л. Звонарева, с учётом аудитории и масштабов просветительских задач менялся сам тип и характер учительных произведений просветителя: от образцовых лаконичных стихотворений – к объёмным сборникам нравственных проповедей. Неустанная деятельность просветителя привела к возникновению новых для Московской Руси учреждений: светской типографии, свободной от цензуры патриарха, большого частного книжного собрания, академии, проект которой реализовался после кончины писателя.

Именно Симеон Полоцкий, утверждает автор, стал первым человеком, взявшим на себя роль советника царей, стал первым российским литератором, позволившим себе поучать власть и российское общество. Ученик Симеона, юный царь Фёдор Алексеевич, открывает почётный список венценосных либералов; он глубоко усвоил общественно-политические взгляды наставника. Безвременная смерть помешала царю Фёдору осуществить свои планы. А его младший брат – Пётр I – воплотил программу в полном объёме как основу преобразования страны.

...Книга Лолы Звонарёвой, вобравшая в себя огромный исторический и филологический материал, представляет большую ценность для всех, кого интересуют вопросы развития отечественной культуры, её неразрывных связей с европейской культурой. И конечно, велика заслуга автора, сумевшего воздать по заслугам замечательному проповеднику, поэту, просветителю – Симеону Полоцкому.

ПРОЗА

Василий КИЛЯКОВ

ПРОСТАЯ ДУША

Рассказ

Удивительное было лето ХХХХ года, Москву и Подмосковье залили дождики, в лесах стояла вода, и до самой осени не было грибов, даже опята появились только в конце августа.

– Поедем к бабушке, – сказал я отцу, – наверняка грибы пошли...

И мы поехали на свою малую родину, в самую что ни на есть глухую провинцию. От станции Сасово ехали на грязном «ПАЗике», на дороге стояли лужи. Слева и справа – непроходимая рожь, уже почерневшая от дождей, и такая густая, такая тучная, что даже местные пассажиры, рабочие из бригады механизаторов, говорили: «Хлеб ныне густ. Колос к колосу, даже и уж не проползет... Да вот только дожди залили, погибнет, похоже, и хлеб. И картошку залило... Грибов тьма, да все белые...»

Автобус с шаткими ободранными сиденьями гремел обшивкой, часто останавливался, объезжал ямы, полные воды, мелкие лужи. Не доехав километра до нашей остановки, шофер объявил:

– Слезайте, дальше не поеду, дорогу залило...

Мы выбрались и пошли проселочной дорогой. Как только свернули с большака, идти в ботинках стало невозможно, мы разулись и шли босиком. За плечами рюкзаки, в руках обувь. Сначала шли кукурузным полем, потом заглохшим в разнотравье свекловичником, сплошь в мокрых бороздах, в лебеде, в васильках с повиликой.

– Свекла пропала, – с грустью в голосе проговорил отец, – не проползи вовремя.

А всего идти-то было километра три с небольшим. Но такой липкий был чернозем, так разъезжены были тракторные колеи, что пришлось тянуться краем поля, а потом и полем, напрямки по бездорожью.

Когда дошли до ржаного, отец остановился, закурил и долго смотрел на скошенные для скотины снопы в серой болотной жиже, на сорванные колоски, тучные зерна уже поспели. Постоял, переживая, что-то вспомнил, изрек нечто о поре своей молодости: «Вот так. Разреши пять колосков, полполя подберут». И добавил:

– Эх, и хлеба были бы, если б не дождики... Смотри-ка, такую рожь я не видел в наших местах... Какой-то новый сорт. Начали уже убирать, верно, да помешали дожди.

Кое-где уже стояли почерневшие копны. Шел сначала мелкий, а потом мало-мало разошедшийся в ливень дождь, как серая сетка, все застило вокруг.

До деревеньки, где жила бабушка, было уже близко, а мы шли по колено в траве, без дороги, без разбору, по клеверу второго укоса. Был девятый час, а казалось, что все еще раннее утро; проливной дождь хлестал не переставая, и за какие-то полчаса на нас нитки сухой не осталось.

– Ой, приехали! – стучая щеколдой и отворяя дверь, обрадовалась бабушка. – Снимайте с себя все, я тут вам обутку найду, сухую одежон-

ку... Господи, и что за напасть такая: дожди и дожди... И не проехать ни пройти. Хлеб неделю не везут, а петь не доберешься... А вы хлебца-то не привезли из Москвы, не догадались?

– А мы думали... – сказал отец и начал хлебать щи без хлеба.

Бабка полезла на печку, вытащила мешочек с сухарями и, высыпая горстями в тарелку, рассказывала о местных порядках, а точнее – беспорядках, что начальство меняется, как рукавицы, хлеба небывалые, а все прееет и гниет...

– Как раз к грибам приехали, – говорила бабка, со стуком меняя ухваты. – Тут приезжие гости грибов обтаскались, носят кошелками бельевыми, да все дубовые...

– Белые есть? – переспросил я.

– Говорю же – дубовые, по-вашему белые. Никакие они не белые, а скорее коричневые, поджаристые, как булки из печи...

Часа через два перестал лить дождь, выглянуло солнце, ослепительно заиграли влагой травы, заблестел солнечными бликами потолок в избе от огромной лужи под окнами; радостно зачиликали на крыше воробьи, и в доме не сиделось.

– А пойдем-ка за грибами, – сказал я отцу, непрерывно кутившему у окна, смотревшему на мокрую улицу.

– Ну-у, за грибами? Там теперь и в сапогах не пройдешь поди-ка, – сказал он с неуверенностью, – вот подсохнет, обдует...

И все же стали собираться. Старенькие рубахи, штаны, тапочки, ботинки с косо сбитыми каблуками – все это вытаскивала бабка из чуланчика:

– Ну-ка, примеряйте!

– Эх, сапоги не привезли... И как это я не подумал про сапоги? – то и дело сокрушался отец, вдавливая ноги в обрезки жестких кирзовых сапог с разбитыми каблуками, – и про хлеб... тово... не вспомнили... Оплошали.

– А вы лапти наденьте, – посоветовала бабушка. – Я тут у Прокофия купила дайча...

Мы засмеялись, а бабка обиделась:

– Ну-к ва-ас, не графья... У меня вон печь простыла, пока я за вами ухлестывала. Как раньше-то – косили в болотах, и убирали в полях хлеба, ходили в сельмаг за семь-восемь верст, все в лапотцах, в них, родимых... И легко, и ноге любо.

– А что, – согласился вдруг отец, – милое дело – лапти. Теперь и в сапогах не вылезешь из лесу сухим: места тут – колдобины, канавы да болота.

– Какие неаккуратные... – проговорил я, рассматривая лапти.

Мотая на ноги портянки, отец молчал, он знал толк в лаптях. Когда-то ходил в школу в этой диковинной музейной обуви, плел их в детстве.

– Неаккуратные – потому из крупных лык, а вот если бы лыки поменьше – другое дело, – молвил он, отдуваясь.

– Да ему без малого девяносто, Прокофию-то, видит плохо. Да он и не хотел плести, это я ему в начале лета лыки заготовила, упрасивала, самогону литр выпоила да еще заплатила тыщщу рублей на хлеб-соль, вот вам... А не хотите – как хотите...

Лапти обували долго, хилые оборы рвались. Бабушка смеялась. И как только снаряжение было готово, большие кошелки повесили мы на плечи, а она взяла суковатый батожок и вышла нас провожать, как бы в какой-нибудь дальний путь.

Шли напрямки, по густой, зеленой, хватавшей за ноги траве, заброшенными огородами, мимо развалившихся изб с забитыми тесом окнами,

косившими дверями, банешек с голыми стропилами... Не успели добраться до опушки леса – уже были хоть выжми от росы, но идти было легко, из лаптей сочилась вода.

Солнце светило ярко и близко, и вода в провалах и лесных низинах согрелась. Воздух стал теплым от влаги. Ослепительно блестели на опушках мелкоколосья цветы и травы, вспархивали тетерева, трещали сороки на высоких осинах. По выгону рассыпалось стадо нетелей – молодых коров, за ними ходко с собаками тянулись пастухи верхом на конях.

На лесной дороге встретились нам две молодые женщины и посмотрели на нас, как призраки, пришедшие из давних времен, на наши лапти и кошелки. Временами в лесу слышались голоса – возвращались грибники с корзинами грибов.

Места глухие, медвежий угол, за десятки километров от больших дорог, грибы собирали городские гости. Грибов было так много, как говорят, хоть косой коси, но видно, от проливных дождей и непросыхающей влаги в вымочках почти все, даже молодые белые грибы побили черви слизи, приходилось долго выбирать самые маленькие, молодые, иногда растущие по шляпку в воде. Целыми куртинами попадались обабки, не семьями, а я бы сказал стаями.

– А ведь и верно говорила бабка, что в лаптях хорошо, – напомнил я отцу, продираясь через густой ежевичник, до крови кусавший руки, терновник, непроходимо разросшийся на краю оврага. – В сапогах все равно были бы теперь мокрые ноги, да ещё и с мозолями... Да и времена наступили теперь такие, что обувь надо беречь.

– На лапти переходим, – пошутил отец. – Откроем кооператив по производству лаптей... «Отец, сын и К°».

Солнце так разогрело молодой смешанный лес, куртинки, лесные тропинки и коровьи прогоны, что от испарений, аромата цветов и трав, густо разросшихся на опушках, было трудно дышать. Тонко курилась дорога на опушке леса, источая влагу.

Мы возвращались домой, когда услышали женские голоса. Женщины сидели возле дороги, отдыхали, закусывали. Кошелки, полные грибов, покрыли сверху луговой мятой. Яичная скорлупа, кожура от картошки, сваренной в мундире, – всё аккуратно собрано в кучу на обрывке газеты.

– День добрый, – сказали мы, проходя мимо. Они ответили на разные голоса, и одна из них, та, что постарше, проговорила:

– Теперь лапти днем с огнем не сыщешь, хоть сторона наша и лапотная. Мне бы сплели, я заплачу...

– И мне, – проговорила сидевшая ногами вперед белобрысая молодуха с крутой грудью, румяная и с крепкими локтями, и звонко засмеялась. – И мне, только побыстрее, а то все ноги в мозлах...

Возле корзин сушились носки, резиновые сапоги; женщины пили из фляжки компот вкруговую; они жили в соседней деревне, а мы их не знали.

– А вы чьего же двора будете? – спросила та, что всех старше.

Мы назвались. Она, подумав, проговорила: «Знаю вашу бабку, а вас не знаю».

Верхушки осин весело трепетали листьями, полуденное солнце нестерпимо жгло. Мы шли без дороги сначала мелкоколосьем, а потом свернули на полевую торную дорогу, раздавленную тракторами вдрызг. Подсолнухи в

цвету приветливо полыхали золотыми головками, волнами переливалось это удивительное жёлтое море, сквозившее ослепительными лужами в низинах.

Показалась деревня, точнее то, что осталось от деревни: высокие старые тополя, вязы, разорвавшиеся вдоль от собственной мощи, разваливающиеся избы, заброшенные подворья и заглохшие в крапиве задичавшие сады. Мелколесье подступало к избам, как бы шло в наступление, угрожая огородам и садам и всей деревеньке заполнить, забить чапыжником, стереть с лица земли.

– А когда-то выкашивали все куртинки лесные, тринки не оставляли у канав, – говорил отец, с грустью поглядывая на огороды, сплошь заросшие травой, желтеющей метликом. – Лет через десять все зарастет, как будто и не жили здесь... А какие сады когда-то цвели тут, у самой деревеньки были колхозные огороды с капустой, огурцами. – За сноп цветошника и травы у усадьбы за топоры хватались. Сколько корма на неё надо. А где взять...

Молодняк, нетели стояли и лежали в загоне, огороженном жердями. Утопая в навозной жиже, скотина жалась к углам, где посуше, а чуть поодаль, под навесом из грубой ткани, спали два пастуха, тотчас видно, что мертвецки пьяные; хрустели травой две лошади, брехал серый кобель, а пастухи так и не проснулись, спали вповалку, как убитые, навзничь. Открытые дыры ртов были страшны, веки точили мухи. Возле – пузырьки одеколona с пляшущей красавицей, и на мятой газете с просыпанной махоркой кнут и скорлупа от яиц.

Напротив окон бабушки стоял хороший еще дом под жестью, с заколоченными окнами и сломанным громоотводом. Пушкой в небо торчала матица скотного двора, частокол упал и гнил в густой траве. И ни единой души кругом, как будто все вымерли. Как будто нейтронная бомба взорвалась здесь, убив все живое и опалив мертвое.

– Земля не терпит предательства, – с грустью в голосе сказал отец, когда мы проходили мимо заброшенного огорода и задичавшего сада. Он остановился.

– Какого предательства? – не понял я.

– Все дома, гнезда свои бросили, убежали кто куда сумел, а поговорить с ровесниками – так никто настоящую жизнь и не устроил, не нашли счастья в городах... Если бы не задавили налогами, а еще раньше – не растолкали самых толковых мужиков по «Котлованам», каждый нашел бы здесь свое счастье.

Да, оскудение и запустение...

Бабушка встретила нас на крылечке. Лапти наши расползлись и промокли. На ступенях крыльца стояли от ног лужи.

– Ой-ой, грибы-то какие хорошие, – дивилась бабка, перебирая в корзинах. – Да все дубо-овые, да какие ядреные, свежие, поджаристые, звонкие как шшелчок... Да это вы где же набрали-то, а я хожу-хожу, карга старая...

Я смотрел на нее, на отца, и почему-то щемило сердце от жалости к ним.

– Знаешь, – неожиданно сказал отец, – я иногда думаю, почему человек так ненавидит себе подобных? Полтора миллиарда людей на Земле голодают. Умирают от голода. А в Джорджии, в США, некто миллиардер за огромные деньги выставил «скрижали» из огромных гранитных плит. «Памятник смерти». На них запланировано сократить население более

чем в двенадцать раз. Планы – злее фашистских. Так и жди, или чуму напустят, или нейтронную бомбу взорвут, или что ещё...

Бабушка по-своему поняла. Она сказала: «Живите, живите да радуйтесь. А то скоро свет-конец. И в Писании про то говорится. Да вы ещё сами себе отпуск возьмите и погуляете ещё. По мобильному-то своему позвоните, остаемся, мол, еще у бабули. И побудем у неё. У Прокофия и ружьецо есть. Как тетерки-то по хлебу летают, только фы-рр, фырр, фырр... А кабаны все поля изрыли».

Так она долго сидела и мыла наши грибы, с улыбкой тихой радости на устах, и приговаривала: «Живите радостно, хорошо живите, а то скоро свет-конец...»

– Спешите жить! Так, Полина Тимофеевна? – улыбнулся отец словам тёщи и стал закуривать влажную сигарету, зачем-то глубокомысленно и тихо приговаривая: – Спешите... Да-а...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

*****

Декабрь

Новый год одна из старейших библиотек областного центра, обновлённая после ремонта, начала под именем советского и российского писателя Зота Корниловича Тоболкина. По его романам снимались художественные фильмы, спектакли по его пьесам шли в том числе и на сценах нескольких столичных театров.

Зот Тоболкин – автор многих романов, повестей и рассказов, нескольких сборников пьес и стихов. Его романы «Припади к земле», «Лебяжий», «Грустный шут», «Отласы», «Зодчий», «У бога за пазухой» оставили заметный след в литературном наследии края. За творческий труд писатель был награжден орденом «Знак Почёта».

* * *

Известный тюменский писатель, редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири» Леонид Иванов награждён Грамотой Академии российской литературы за высокие творческие достижения, личный вклад в развитие отечественной литературы, активное участие в деятельности Академии российской литературы по итогам 2021 года.

В прошлом году произведения Леонида Иванова печатали десять российских литературных журналов, а также ведущие литературные издания Болгарии и Азербайджана. Международный журнал «Литературные знакомства», в двух номерах которого напечатаны рассказы Л. Иванова, признал его лучшим автором года в номинации «Проза».

* * *

В Ишиме, в числе первых признанном Литературным городом России, открылась уже вторая модельная библиотека. Она получила имя тюменского писателя, поэта, прозаика, основателя литературно-художественного альманаха «Врата Сибири» Анатолия Васильева.

Выступая перед участниками торжества, руководитель писательской организации Леонид Иванов и его коллеги – Анатолий Омельчук и Александр Новопашин передали в фонд библиотеки книги ведущих тюменских авторов, которых с большим интересом читают в Ишиме, и отметили большую заботу городских властей по развитию библиотечного дела и продвижения чтения.

Необходимо отметить, что за последние несколько лет по инициативе областного отделения СПР имени известных тюменских писателей получили уже почти два десятка библиотек региона.

* * *

Центральной детской библиотеке Тюмени присвоено имя писателя Владислава Крапивина.

Известный детский писатель, сценарист, журналист и педагог Владислав Петрович Крапивин родился в Тюмени, но большую часть жизни провёл в Екатеринбурге (Свердловске). В 2007 году вернулся в город своего детства, которому были посвящены многие его произведения, а это более полусотни повестей и три десятка романов. Работая в Тюмени, стал про-

фессором Тюменского госуниверситета, где открылась и продолжает действовать литературная школа Владислава Крапивина, но через несколько лет по состоянию здоровья вынужден был уехать обратно в Екатеринбург, где год назад и покинул этот мир, до последнего дня оставаясь неисправимым романтиком с удивительно добрыми глазами.

За литературную деятельность и огромную работу по воспитанию подрастающего поколения Владислав Петрович Крапивин награждён тремя орденами и несколькими медалями, получил звания Почётный гражданин города Екатеринбурга и города Тюмени, Почётный гражданин Свердловской области. Книги писателя включены в «Золотую библиотеку избранных произведений для детей и юношества», «Библиотеку приключений и научной фантастики», «Библиотеку мировой литературы для детей».

* * *

Презентация только что напечатанного свежего номера альманаха «Врата Сибири» прошла в музее Степана Щипачёва в г. Богданович Свердловской области.

Открывая встречу тюменских писателей с читателями соседнего региона, заведующий кафедрой русской литературы XX века, доктор филологических наук, профессор Уральского госуниверситета Леонид Быков представил гостей, которых хорошо знает на протяжении многих лет. Бурными аплодисментами встретили участники встречи автора 50 книг и 500 документальных фильмов Анатолия Омельчука и прозаика, редактора альманаха «Врата Сибири» Леонида Иванова, произведения которых вошли в представленный читателям номер.

Январь

В Тюмени, в Богородице-Рождественском Ильинском женском монастыре по приглашению митрополита Тобольского и Тюменского Димитрия прошли традиционные Рождественские посиделки тюменских писателей. В мероприятии приняли участие заместитель председателя Общественной палаты Тюменской области Евгений Воробьёв и член Общественной палаты Анатолий Омельчук.

Митрополит Димитрий, кстати, член Союза писателей России, призывал мастеров слова чаще бывать в школах, где ученики всегда рады общению с новыми людьми, тем более с писателями, которые традиционно несут читателям свет, знания и добро. Русские писатели, заметил митрополит, на протяжении веков придерживались лучших традиций исконно русской литературы, основанных на любви к ближнему, пропитанной примерами высокой духовности и нравственности, и эти традиции необходимо продолжать в полной мере.

* * *

В Тюмени дан старт совместному проекту депутатов областной Думы и регионального отделения Союза писателей России по продвижению чтения.

В информационно-выставочном комплексе областной Думы накануне новогодних праздников состоялась встреча депутатов седьмого созыва с председателем областной писательской организации, секретарём Союза писателей России Леонидом Ивановым.

Спикер регионального парламента Сергей Корепанов отметил, что Тюменская писательская организация по итогам 2020 года признана лучшей в России. По его мнению, в этом несомненная заслуга руководителя «писательского цеха» Леонида Иванова, умело и целеустремлённо осуществляющего работу по организации литературного процесса и популяризации творческого наследия писателей земли Тюменской.

Завершая обсуждение, Сергей Корепанов выразил мнение, что такие ежемесячные встречи депутатов с писателями послужат общему делу – повышению интереса к чтению у молодого поколения, сохранению и приумножению духовных традиций наших предков, помогут выработать для этого эффективный алгоритм действий и необходимые законодательные инициативы.

* * *

В Екатеринбурге, в Объединённом музее писателей Урала состоялась презентация книг тюменских писателей.

Тюмень всё смелее претендует на роль литературной столицы Урала и Западной Сибири. Тюменское региональное отделение Союза писателей Урала по итогам 2020 года наряду с Астраханью было признано лучшей писательской организацией России и остаётся в числе лидеров. Город Ишим Тюменской области в числе первых в стране получил статус «Литературный город России». Тюменские писатели являются частыми и желанными гостями не только в городах и районах своей области, встречи с ними проходят в Курганской и Свердловской областях. Тюменцы побывали в городах Курган, Шадринск, Невьянск, Богданович, Тавда, Верхотурье, летом прошлого года представили творчество своих коллег в Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В.Г. Белинского. И вот состоялась новая встреча, участие в которой приняли ведущие учёные-филологи УрГУ, школьные учителя, читатели, чиновники правительства области.

Выступая на встрече, заместитель министра культуры Свердловской области Сергей Радченко предложил подобные встречи проводить не разово, а системно, организовать обмен писательскими делегациями двух областей в рамках проводимых книжных выставок и ярмарок, устраивать взаимные творческие вечера.

Февраль

Анатолий Омельчук награждён международным орденом.

Документы подписывают руководитель Общества Достоевского в Японии Икуо Камэяма и Почётный президент наградной коллегии Алексей Дмитриевич Достоевский (правнук Фёдора Михайловича Достоевского). Место и время церемонии награждения будет согласовано в мае текущего года.

Орден «Звезда Достоевского» учреждён в 2021 году Международным комитетом. В числе соучредителей – Немецко-Русский институт культуры (Дрезден) и Общество Фёдора Достоевского в Японии (Нагоя). Орденом награждаются лица, внёсшие значительный вклад в изучение и популяризацию творческого наследия Фёдора Достоевского, а также в российскую и мировую культуру, сохранение русского языка и благотворительность.

Анатолий Омельчук награждён орденом «Звезда Достоевского» за документальный фильм «Сибирская любовь Фёдора Достоевского».

Март

Показом документального фильма по сценарию известного писателя Анатолия Омельчука «Мир и война Саввы Есипова» началось осуществление нового проекта писательской организации с Тобольской митрополией.

Выбор этого фильма для презентации проекта, осуществляемого по благословению митрополита тобольского Димитрия, был определён тем, что в Тобольской духовной семинарии, на базе которой проводится совместное мероприятие, в учебном плане семинарии как раз есть изучение летописей Саввы Есипова, в том числе его первое в истории Сибири художественное произведение «Повесть о городах Таре и Тюмени».

Всего в рамках проекта будет показано семь документальных фильмов по истории Сибири. Все они сняты по сценариям и при непосредственном участии писателя, Почётного гражданина Тюменской области Анатолия Омельчука.

* * *

Грандиозный проект, когда одновременно во всех библиотеках Тюмени проходят встречи с читателями, начали совместно осуществлять региональное отделение Союза писателей России и городская централизованная библиотечная система.

Этот первый в России такого плана проект называется «Литературные среды», и заключается он в том, что отныне каждую вторую среду месяца во всех библиотеках областного центра одновременно проводятся встречи с тюменскими писателями. Первый такой массовый выход к читателям уже состоялся. Он показал, что даже в условиях ограниченный по ковиду проблема оказалась не в наполнении аудиторий, а в том, чтобы не нарушить установленные нормативы и санитарные дистанции. Народ действительно соскучился по живому общению с авторами любимых книг, потому разговор вместо обещанного часа в большинстве читальных залов длился до двух и даже больше – так много накопилось у людей вопросов.

* * *

Тюменские писатели Анатолий Омельчук и Леонид Иванов вошли в число авторов элитарного столичного литературного журнала «Небожители подвала».

Авторами журнала является патриотически настроенная литературная элита России, которую составляют лауреаты Государственной премии, Литературной премии Президента РФ, Большой литературной премии Союза писателей России, Патриаршей литературной премии. Время от времени они собираются в кафе, которое расположено в подвале Центрального Дома литераторов, обсудить насущные вопросы современной литературы, книжные новинки, просто пообщаться в неформальной обстановке.

Как известно, в Доме литераторов бывали все писатели: от Горького и Алексея Толстого до советских классиков, а кафе стало приютом романтиков, философов, кудесников слов. Однажды во время посиделок было решено издавать свой журнал, который остроумно назвали «Небожители подвала». В состав редколлегии вошли лауреаты Государственной премии Виктор Пронин, Валерий Поволяев, Владимир Костров, классики современности Владимир Личутин, Виктор Линник, переводчик древ-

некитайской поэзии Леонид Бежин, поэты Александр Бобров, Надежда Мирошниченко и другие. Редактором издания стал известный писатель, автор книг для детей, лауреат премий им. С. Есенина и А.Н. Толстого Леонид Сергеев.

Апрель

В Тюменской библиотеке им. Ивана Ермакова прошёл вечер памяти тюменского писателя, фронтовика, награждённого несколькими боевыми орденами и медалями Евгения Шермана (Ананьева).

Родился Евгений Шерман в 1923 году в Одесской области, детство прошло в Одессе. В 1935 году переехал с родителями в г. Свердловск. Окончил Горьковское училище зенитной артиллерии (1942). Во время Великой Отечественной войны – командир взвода, батареи, начальник разведки артполка. В боях за Варшаву был тяжело ранен и в 1944 году демобилизован.

В 1945–1948 годах работал корреспондентом газеты «Труд», затем в газетах «Красный боец», «Красный Курган», «Тюменская правда», «Тюменский комсомолец». Экстерном окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1947). Был членом КПСС с 1947 года. С 1983 по 1987 год возглавлял Тюменское отделение Союза писателей РСФСР.

По сценариям Шермана-Ананьева снято более 30 документальных фильмов о Западной Сибири.

Автор нескольких книг очерков о первооткрывателях недр Западной Сибири, о коренных народах Севера: «Хозяева тундры» (Тюмень, 1953), «Остров нефтяных робинзонов» (Свердловск, 1961), «Под стальным парусом» (Тюмень, 1963), «Цвет тундры – голубой» (Свердловск, 1973).

Участникам мероприятия о Шермане рассказали те, кто хорошо знал писателя – его друзья – Почётный гражданин Тюменской области Анатолий Омельчук, известный журналист Рафаэль Гольдберг, свой видеорассказ прислал из Москвы лауреат Государственной премии в области литературы Валерий Поволяев.

* * *

В Тюмени центральной городской библиотечной системой совместно с региональным отделением Союза писателей России проведён десятый конкурс детского литературного творчества «Гришинские проталины». На рассмотрение жюри юными авторами было представлено более полутора сотен стихов, рассказов и сочинений.

Лучшими авторами в разных возрастных группах и номинациях стали Ульяна Прохоренко, Рада Шарафутдинова, Наталья Змановская, Нэлли Харатьян, София Дизер, Иван Велижанин и другие.

* * *

В музейном комплексе им. И.Я. Словцова началась реализация совместного с Тюменским региональным отделением Союза писателей России многопланового проекта сотрудничества музейщиков с литераторами. Открыла рассчитанный до конца года проект встреча с известным писателем Сергеем С. Козловым – автором романа «Романовы. Преданность и предательство». Презентация этой книги проходила в музей-

ном комплексе в прошлом году, но интерес к ней оказался настолько большим, что было решено продолжить ознакомление с романом ещё и в новом проекте.

А в музее «Дом Машарова» в рамках литературно-музыкальных вечеров состоялась встреча с поэтом, музыкантом, художником и путешественником Виталием Огородниковым. Он представил зрителям не только свои стихи и песни, но и музыкальную версию своего путешествия.

Будучи велосипедистом-дальнобойщиком, Виталий совершил много поездок – следовал трассой через Урал в Элисту (Калмыкия), в Севастополь, в Мадрид и в Башкирию. Зрители услышали в его исполнении мотивы тех стран, которые попадались путешественнику на его пути.

А в дальнейших планах совместной с писательской организацией работы предусмотрена организация выставки, соединяющей два вида искусства – косторезное и поэтическое. Основу её составят косторезные работы из музеев и частных коллекций, прозаические и поэтические книги мифов, легенд и преданий писателей Сибири из библиотечных фондов. Первой будет книга А. Новопашина, М. Тимергазеева, И. Вишняковой «Древние миры Сибири», ставшие победителем и лауреатом конкурса «Книга года–2020». В ходе презентации будут продемонстрированы фотографии работ, видеоролики со звучащими в авторском исполнении стихов и песен, выступления авторов художественных работ.

* * *

Митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий, в миру – член Союза писателей России Алексей Капалин – принял участие в заседании областного клуба любителей литературы, которое под патронажем регионального отделения Союза писателей России работает на базе областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева.

Сановный писатель поздравил участников клуба со светлым праздником Пасхи, выступил с небольшой проповедью и прочитал несколько басен духовного содержания. Руководитель писательской организации Леонид Иванов вручил митрополиту Почётную грамоту Союза писателей России за многолетнюю плодотворную работу по укреплению сотрудничества Союза писателей России и Тобольско-Тюменской митрополии в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизни современного человека, семьи и общества, организацию и попечение Международного Филофеевского конкурса духовно-нравственной литературы.

В программе заседания клуба любителей литературы Александр Новопашин провёл презентацию Всероссийского альманаха «Невечерний свет» со стихами тюменских поэтов, Лариса Карелина представила очередной номер альманаха «Явлутур-городок», посвящённый памяти его бессменного редактора Павла Белоглазова, год назад ушедшего из жизни после тяжёлой болезни. Член Союза писателей России Ирина Андреева рассказала о своей только что изданной книге для детей «Альканы каникулы».

Учащиеся лицея № 81 Иван Велижанин и Екатерина Назарова читали свои стихи, молодой поэт Евгений Ширяк представил свой первый поэтический сборник, член СПР Валерий Ермолаев познакомил с новыми стихами, Анатолий Буйносов презентовал сборник новых песен на стихи тюменских поэтов.

Май

В Музее истории и археологии Екатеринбурга прошла встреча с тюменскими писателями. Литераторов Сибири достойно представили руководитель Тюменского регионального отделения СПР, редактор альманаха «Врата Сибири» Леонид Иванов и писатель, кинодокументалист Анатолий Омельчук.

Анатолий Омельчук на встрече с екатеринбуржцами пошутил, что приехали тюменские писатели с целью обвенчать экспонат музея – уникального Шигирского старика, не смотря на его возраст в 11 тысяч лет, со знаменитой Золотой бабой – легендой коренных народов Севера и таким образом навек объединить Урал и Сибирь.

Леонид Иванов рассказал о признанном одним из лучших в стране литературных изданий «Врата Сибири», уникальном интернет-проекте «Уроки родиноведения» и своей изданной в «Вече» книге «Леший». Анатолий Омельчук презентовал свои новые книги «Может быть когда-нибудь», «Книга Сибири» и флеш-бук «Сибирская сага-77» и продемонстрировал свой документальный фильм «Озеро большого Бога» о поисках Золотой бабы на священном озере Нумто.

* * *

В Тюменском Большом драматическом театре состоялись Дни славянской письменности и культуры. Тюменские писатели приняли в нём самое активное участие. С докладами на пленарном заседании и в ходе круглого стола, организованного совместно областным департаментом культуры, Тюменской областной научной библиотекой им. Д.И. Менделеева и региональным отделением Союза писателей России выступили Анатолий Омельчук, Сергей Козлов, Александр Новопашин.

Руководитель регионального отделения СПР Леонид Иванов в эти дни принял участие в работе Славянского форума в Мурманске, где в составе группы ведущих писателей России встречался с военными моряками, рыбаками и юными читателями Заполярья.

Июнь

Делегация Тюменской области приняла участие в работе Международного книжного фестиваля на Красной площади, который считается главным литературным событием года в стране.

Писатель Сергей Козлов провёл на Красной площади презентацию романа «Романовы. Преданность и предательство», Анатолий Омельчук представил свои новые книги по истории Сибири, рассказал о завершении работы над документальным фильмом об Александре Невском, Леонид Иванов познакомил москвичей с авторским проектом «Литературные встречи» на Первом интернет-телевидении, который стал уникальным в продвижении чтения в рамках федеральной программы.

Впервые за годы проведения книжного фестиваля на Красной площади тюменским писателям была предоставлена возможность презентовать своё творчество на престижной площадке «Библиотеки Москвы», а также впервые за всю историю писательской организации встретиться с московскими читателями в нескольких библиотеках столицы.

Коротко об авторах

АУШЕВА Елена Львовна родилась 25 сентября 1976 года в п. Керос Пермской области. Окончила Алматинский государственный университет по специальности «Филология». Являлась участницей студенческого литературного кружка (руководитель – Жовтис А.Л.). Работала режиссером, редактором телевидения, учителем русского языка и литературы, специалистом отдела кадров. Руководитель городского литературного объединения «Югорские ваганты». Соавтор и преподаватель литературной студии «Почерк». Работает библиотекарем муниципального бюджетного учреждения «Городская централизованная библиотечная система».

С 2003 года проживает в г. Ханты-Мансийске.

БЕЦКО Анжела Михайловна родилась в городе Барановичи Брестской области (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Двадцать пять лет живет в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. Автор трех поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «Сибирские огни», «День и ночь», «Второй Петербург», «Литературный Иерусалим», «Парус», «Огни Кузбасса», «Александръ», «Врата Сибири», «Чаша круговая», «Эринтур», «Югра», «Жарки сибирские», «ЛИФФТ», «Буквица», «Наш Филиппок», «Рюкзачишка», «Простокваша», «Электронные пампасы» и др. Член Союза писателей России. Живет в городе Нефтеюганске.

БЛАГИНИНА Ольга Александровна родилась 5 ноября 2001 года в Тюмени. Учится в Тюменском государственном университете на преподавателя словесности. Литературным творчеством занимается с раннего детства, пишет стихи и прозу малых форм. Воспитанница авторской студии «Верешок» под руководством Марковой А.Ю. Лауреат XI литературного конкурса «Ода Тюмени» (2017) и Международного «Гайдаровского конкурса» – шорт-лист (2017), победитель VIII конкурса детского и юношеского литературного творчества «Гришинские проталины» (2020). Произведения Ольги неоднократно публиковались в газете «Тюменская область сегодня», а также в коллективных сборниках г. Тюмени («Уютный дворик» – сборник произведений участников студии «Верешок», «Уже не пряча крылья за плечами» – сборник лучших работ участников конкурса «Гришинские проталины» и др.). Живет в Тюмени.

ДИНИСЛАМОВА Светлана Селивёрстовна родилась 17 марта 1960 года в посёлке Сосьва Берёзовского района Тюменской области. Окончила Ханты-Мансийское медицинское училище (1979); Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (2002), аспирантуру.

Является автором более 120 научных публикаций, 2 монографий. Работы переведены на эстонский, венгерский, французский, марийский, коми, русский языки. Занимается переводческой деятельностью, графикой.

Работает ведущим научным сотрудником Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Кандидат филологических наук.

Главный редактор журнала «Витсам». Член Союза писателей России. Живёт в г. Ханты-Мансийске.

ЕРМОЛАЕВ Валерий Николаевич родился 8 июля 1947 года в г. Тавде. Поэт, литератор, краевед. Окончил школу рабочей молодежи № 2, работал на фанерном комбинате (1964–1966). В 1966–1969 годах служил в армии. Окончил искусствоведческий факультет Санкт-Петербургской Академии художеств. Работал в учреждениях культуры и образования, в органах горисполкома (1978–1983) и администрации города (1991–1995), заместителем главы администрации города Тавды (1995–1996). Руководил городским литобъединением «Слово» (1993–1996). В 2002–2008 годах – учредитель и главный редактор журнала «Веси» (Екатеринбург), награжденного в 2006 году медалью имени Н.К. Чупина «За значительный вклад в популяризацию историко-культурного наследия Урала». Автор десяти книг, ряда поэтических, искусствоведческих и краеведческих публикаций в уральской периодике. Лауреат литературной премии «Венец» Союза писателей Москвы (2007) и литературной премии им. Л.К. Татьяничевой (2018). Почетный гражданин города Тавды (2003), член Союза писателей Москвы (2007), Союза писателей России (2021) и Союза журналистов России (2013).

ЕФРЕМОВА Людмила Георгиевна родилась в Киргизии в семье рабочих. Окончила филологический факультет Фрунзенского государственного педагогического университета. Работала на заводе, затем корреспондентом и редактором многотиражных газет в городах Фрунзе, Сургуте, Надыме. Стихи Людмилы Ефремовой публиковались во многих журналах, альманахах и газетах, в том числе «Литературная газета», «Наш современник», «День поэзии», «Урал», «Бийский вестник», «Эринтур», «Врата Сибири». Автор десятка поэтических сборников, лауреат нескольких литературных премий. Много лет была членом редколлегии альманаха «Врата Сибири», с 1990 года руководит литературным объединением «Надым», с 2012 года – ответственный секретарь Ямальского отделения Союза писателей России. Живёт в Надыме.

ЗАХАРОВ Аркадий Петрович (псевдоним Иван Разбойников) родился 27 июня 1944 года в г. Нижневартовске.

Работать начал с 15 лет рабочим гальвано-штамповочного завода (1959). Окончил Тюменский лесотехникум по специальности техник-механик, в 1972 году окончил заочно факультет трудового и гражданского права в Высшей школе профсоюзного движения в г. Москва. Позднее, в 2001 году, Аркадий Петрович окончил Уральский политехнический институт по специальности инженер-экономист. Работал в городских учреждениях Тюмени.

Литературную деятельность начал как публицист в газетах «Тюменский комсомолец», «Собеседник», «Тюменская правда» и др. Активный член клуба «Тюменская старина».

Под псевдонимом Иван Разбойников опубликовал роман в двух частях «Сень горькой звезды». В 1994 году под своей фамилией издал литературно-краеведческое исследование «На неведомых дорожках», посвященное

связям А.С. Пушкина с Сибирью. В 1996 году эта книга была переиздана Тюменским госуниверситетом, а в 2007 году третьим изданием вышла в Москве.

Лауреат Литературной премии Уральского федерального округа. Награжден медалью имени Акинфия Демидова, золотой медалью «Василий Шукшин». Член Союза писателей России (1999). Живет в Тюмени.

ЗВОНАРЁВА Лола Уткировна – известный литературный критик, доктор исторических наук, академик РАЕН и ПАНИ. Автор более полутора десятков книг и более 600 статей, переведенных на 11 языков, член творческих союзов (секретарь Союза писателей Москвы, член правления Союза художников Подмосковья, постоянный участник международных конгрессов, приглашаемый профессор, Почётный работник сферы молодежной политики РФ, крупный специалист по развитию личности через творчество. Лола Звонарёва создала новое культурологическое направление, признанное в СНГ, странах Западной Европы и США.

ЗУЕВА Тамара Трофимовна – автор трёх поэм, новелл в стихах, пяти поэтических сборников. Сотрудничает с молодыми поэтами Республики Дагестан. Стихи – подстрочные переводы с аварского языка печатаются в региональных альманахах, в СМИ Республики Дагестан. Тамара Зуева публикуется в коллективных сборниках проекта «Библиотека современной поэзии», в региональных альманахах. Образование высшее. Живёт в Нижневартовске. Член Союза писателей России.

ИВАНОВА Светлана Петровна родилась в казахстанском городе Темиртау. Её родители сначала поднимали целину, потом осваивали Крайний Север. Так, в 1971 году Светлана попала в Надым, который и считает своей главной родиной. После окончания Свердловского электротехникума связи работала электромехаником. Вышла замуж, родила троих детей. Сказками увлекалась с самого детства, сочиняла их для младшей сестренки. А уже в зрелом возрасте начала их записывать. Необычные, написанные с душой произведения стали звучать и на творческих вечерах надымского литературного объединения.

КВАШНИН Владимир Александрович родился 1 августа 1958 года в поселке Саранпауль Березовского района. Окончил Тобольский рыбопромышленный техникум по специальности ихтиолог-рыбовод, Тюменский государственный университет по специальности биолог-охотовед. Работал охотоведом службы Госохотнадзора 27 лет, занимался охраной диких животных Приполярья от браконьеров.

Автор сборников стихов и рассказов «От сердца к сердцу» (2014), «Синегорье» (2019), «Коготь Манараги» (2019).

Многokратный победитель международных и всероссийских конкурсов. Награжден медалью Московской городской организации Союза писателей России, Союза писателей-переводчиков. Живет в поселке Саранпауль Ханты-Мансийского автономного округа. Член Союза писателей России.

КИЛЯКОВ Василий Васильевич родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Публиковался в журналах «День и ночь», «Гостиный двор», «Литературная учеба», «Наш современник», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», в газете «Литературная Россия» и других изданиях.

Лауреат всероссийских литературных премий, обладатель «Бронзового витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой витязь».

Член Союза писателей России с 1996 года. Живет в городе Электросталь Московской области.

КОШКАРЁВА Альбина Михайловна – писатель, поэт, доктор филологических наук. Автор поэтических сборников «Одолень-трава», «Осеннее настроение», «От весны до весны», «Рябиновая грусть», «Сибирские рассветы». Заслуженный работник народного образования ХМАО. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций НГГУ. Член литературного объединения писателей города Нижневартовска «Содружество».

КРЕНЁВ (ПОЗДЕЕВ) Павел Григорьевич родился в Поморье Архангельской области, окончил Ленинградское суворовское училище, факультет журналистики ЛГУ, аспирантуру ФСБ России. Служил в органах ФСБ, работал в администрации Президента РФ, возглавлял крупные государственные предприятия и учреждения. Член Союза писателей России, сопредседатель правления СПР, кандидат юридических наук. Живёт в Москве.

КРОХИН Юрий Юрьевич – москвич, выпускник факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Журналист, эссеист, прозаик. Работал в Гостелерадио, «Российской газете». Круг профессиональных интересов: литература и искусство.

Автор книг «Профили на серебре. Повесть о Леониде Губанове», «Души высокая свобода» (о поэте и правозащитнике Вадиме Делоне), «Фатима Салказанова: открытым текстом» (о «золотом голосе» радио «Свобода»). Автор публикаций в журналах «Вестник Европы», «Литературные знакомства», «Простор». Член Союза писателей Москвы.

КУЗНЕЦОВА Алевтина Васильевна (Алла Кузнецова) – 1943–2021. Родилась в деревне Кузнецова. С раннего детства стала сочинять стихи и рассказы. В 1958 году Алла Васильевна окончила Голышмановскую школу, работала в хлебоприемном пункте. В 1961 году окончила вечернюю среднюю школу. После этого уехала в город Омск, который считала сибирским Ленинградом. Заведовала отделом газеты «Призыв» Омского района, где проработала 11 лет, поступила в Московский литературный институт. Там же была принята в Союз писателей СССР. Работала главным редактором художественного альманаха «Иртыш». В 1993 году вернулась на родину в деревню Кузнецова Голышмановского района Тюменской области. Автор многих романов, повестей и рассказов. Член Союза писателей России. Награждена золотой медалью «Василий Шукшин».

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович родился в 1945 году в с. Дзыговка Ямпольского района Винницкой области Украинской ССР. Окончил Черновицкий индустриальный техникум и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, литературной консультации правления СП СССР, Министерстве печати РФ. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь» и других. Автор одиннадцати книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Лауреат премии губернатора ХМАО-Югры.

Член Союза писателей России. Долгие годы проживал в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Член Союза писателей России. В настоящее время живет в Московской области.

МИЛЯЕВА Любовь Геннадьевна родилась 7 марта 1971 года в пос. Верхние Серги Свердловской области.

Поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик, член Союза российских писателей, кавалер орденов В.В. Маяковского и М.А. Мамакаева, лауреат ряда премий в области литературы и искусства, в их числе Всероссийской премии им. Н.А. Некрасова. Автор 23 книг, изданных в России и за рубежом, в т.ч. пьесы в стихах «Сорни Най» («Золотая богиня»; вступительная статья Ю.В. Бондарева); серии биографических очерков «Из поколения детей войны» (8 кн.), составитель двухтомника «Антология литературы финно-угорских народов» (2004, 2006), автор идеи и редактор-составитель многоязычной антологии «Югра многоликая» (2014). Произведения переведены на 40 языков народов мира, в т.ч. стихи для детей на ненецкий и эрзянский языки.

Живёт в Ханты-Мансийске.

МИХАЙЛОВСКИЙ Валерий Леонидович родился 13 июня 1953 года в городе Хмельник Винницкой области Украины.

Окончил Винницкий медицинский институт им. Н.И. Пирогова, был направлен на работу в Свердловскую область, работал главным врачом больницы, поликлиники, амбулатории, с 2001 года работает психотерапевтом. Награждён медалью им. В.М. Бехтерева «За многолетний труд в системе здравоохранения».

Руководитель и идеолог нескольких крупных многопрофильных исследовательских научных экспедиций с участием ученых различных специализаций. Главный редактор литературно-художественного альманаха писателей Югры «Эринтур». Пишет на русском и украинском языках. Отдельные произведения Валерия Михайловского переведены на английский, итальянский и украинский языки. Лауреат многих престижных литературных премий, в том числе трижды премии губернатора ХМАО-Югра. Член Союза писателей России с 2004 года. Член Русского географического общества.

Живет в Нижневартовске.

НЕРКАГИ Анна Павловна родилась 15 февраля 1951 года в чуме в горах Полярного Урала. В 1970 году окончила среднюю школу-интернат в посёлке Аксарка Приуральского района, поступила на геологоразведочный факультет Тюменского индустриального института.

В 1977 году «Молодая гвардия» издаёт её первую повесть – «Анико из рода Ного», затем журнал «Урал» печатает её повесть «Илир». Обе повести выходят позже в издательстве «Современник».

Став профессиональным литератором, Анна Неркаги вернулась в тундру. Работала в бригаде оленеводов. А. Неркаги – лауреат премии Тюменского обкома ВЛКСМ, член Союза писателей СССР с 1978 года.

В январе 2015 года Уральский федеральный университет выдвинул ямальскую писательницу Анну Неркаги на соискание Нобелевской премии по литературе.

Анна Неркаги – Почётный гражданин Ямало-Ненецкого автономного округа. В настоящее время живёт и работает в деревне Лаборовой Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

РЫЛЁВА Анна Николаевна – искусствовед, доктор культурологии, профессор Московского международного университета, главный научный сотрудник сектора «Языки культур» Российского института культурологии (Москва). Автор более ста публикаций, редактор журнала «Собрание шедевров», редактор-составитель сборников «Языки культур». Живёт в Подмосковье.

РУСАНОВА Елена Германовна родилась 29 октября 1964 года в г. Куйбышеве, поэт. Детские годы прошли в Астраханском государственном заповеднике. Окончила в г. Астрахани художественную школу № 1 в 1980 г. и среднюю школу № 46 в 1982 г. Получила высшее экономическое образование в Куйбышевском ордена «Знак Почета» плановом экономическом институте (1982–1986). При распределении выбрала г. Тюмень.

Более ста стихотворений, очерк и рассказы опубликованы в литературно-художественном интернет-журнале «Живое слово» (редактор – В.Д. Ирзабеков). В 2014 году издано три поэтических сборника: «В пути», «Прими природы благодать» и «Цветник твоей души», в которые вошли стихотворения 2013–2014 годов.

В 2016 году вышла из печати шестая книга стихотворений поэта Елены Русановой – «Весенний голубь». Это размышления о судьбах Родины от древней Руси до современной России, о сложности и многоплановости человеческих отношений, а также экологическая поэзия.

Член Союза писателей России (2015).

РЫКОВ Павел Григорьевич родился 7 октября 1945 года в Москве. Поэт, прозаик, драматург, публицист, режиссёр.

Окончил в Оренбурге школу № 2, работал на заводе «Гидропресс». Прошёл обучение в Московском институте культуры (1969). В СМИ с 1973 г., работал в Свердловске на телевидении, затем – журналистом телекомпаний в Оренбурге. Выпустил в свет стихотворные книги: «Провинциальные стихи», «Два голоса», «Мы забываем, чтобы вспомнить», «Мой дорожный сундучок», «Дороги, которые нас выбирают».

Директор филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Оренбург» (1988–2012). Декан факультета журналистики Оренбургского государственного университета (2003–2014).

Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Академии российского телевидения, член Международной Академии телевидения и радио.

Живёт и работает в Оренбурге.

САВИНА Татьяна Александровна родилась 14 февраля 1972 года в Уватском районе Тюменской области. Окончила Тобольский медицинский колледж и работала на городской станции скорой помощи фельдшером до 2005 года. С тех пор и до настоящего времени – продавец в аптеке. Живет в Тобольске.

СЕЗЕВА Наталья Ивановна – доктор искусствоведения, член Союза художников РФ, председатель Тюменского отделения ассоциации искусствоведов РФ, была зав. отделом «Художественная культура и искусство края» Тюменского музея изобразительных искусств ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». В настоящее время работает в Тюменской централизованной городской библиотечной системе. Живет в Тюмени.

СОФРОНОВ Вячеслав Юрьевич – коренной сибиряк, сын репрессированных и правнук ссыльных, обосновавшихся несколько веков назад в Тобольске. Возможно, потому его проза посвящена в основном историческому прошлому страны Сибири, «где так вольно дышит человек». По первому образованию – преподаватель физики, но со временем переквалифицировался, много лет снимал документальные фильмы, писал сценарии, а став доктором исторических наук, больше двадцати лет преподает в Тобольском педагогическом институте имени Д.И. Менделеева (филиал ТюмГУ). Член Российского родословного и геральдического обществ, член Союза писателей России. Живет в Тобольске.

ТОБОЛКИНА Нэлли Викторовна много лет работала режиссёром редакции художественных программ Тюменского облтелерадиокомитета (ГТРК «Регион-Тюмень»). Стояла у истоков православного телевидения в Тюменской области. Ее фильм «Тобольские дни Романовых» – первая журналистская работа об императорской семье – прошел на федеральных каналах. Проводит большую работу по сохранению памяти своего мужа – замечательного русского, сибирского писателя, поэта, прозаика, драматурга Зота Тоболкина.

ШИРМАНОВ Игорь Александрович (Олег Яненагорский) родился в 1959 году в г. Кургане. По окончании Свердловского юридического института (ныне – Уральская государственная юридическая академия) работал следователем, адвокатом, директором частной юридической фирмы, преподавал правовые дисциплины в Курганском государственном университете. С 2001 по 2007 год заведовал кафедрой юриспруденции в филиале Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске, был преподавателем Югорского государственного университета, советником председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В 2005-м в Ханты-Мансийске опубликован первый сборник его рассказов и миниатюр «Торговля смыслами», после чего выпущено еще несколько книг. Член Союза писателей России (2017). Председатель правления Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России. Живет в г. Ханты-Мансийске.

ЧЕРКАШИН Павел Рудольфович родился в 1972 году на Обском Севере в приполярном селе Мужы. Окончил Тюменский государственный университет. Член Союза журналистов России с 2000 года. Член Союза писателей России с 2003 года.

Публикуется с 1989 года. Автор 96 книг поэзии, прозы и литературных переводов, вышедших в свет в России, Канаде, Латвии, США. Соавтор ряда коллективных сборников и альманахов, нескольких антологий.

Произведения писателя переведены на 16 языков мира. Отдельными изданиями выходили книги на английском, армянском, белорусском, болгарском, испанском, итальянском, коми-зырянском, немецком, сербском, татарском и хантыйском языках.

Лауреат международных, всероссийских и региональных премий и конкурсов.

ЮЖАКОВ Виктор Петрович – кандидат исторических наук, общественный деятель, краевед, активный участник художественной самодеятельности, участник ветеранского движения Калининского района Тюмени. Живёт в Тюмени.

ЯВИД Валентина Алексеевна родилась 15 августа 1973 года.

Народный мастер, активно занимается научной и творческой работой, демонстрируя междисциплинарные взаимосвязи науки и искусства. Валентина Алексеевна активно участвует в выставочной деятельности Института народов Севера, ведет кружок по декоративно-прикладному искусству, обучая студентов творческим навыкам и технологиям работы с бисером, кожей, мехом.

Живет в д. Харампур Пуровского района ЯНАО.

ЯРКОВ Александр Павлович – кандидат культурологии, доктор исторических наук, профессор Тюменского госуниверситета, долгое время работал в Киргизии. Несколько лет заведовал региональной лабораторией изучения этноконфессиональных отношений и проведения социокультурных экспертиз Тюменского государственного университета. Занимается вопросами истории, межконфессиональных отношений. Его книги неоднократно выходили в финал конкурса «Книга года».

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:

работы из мастерских художников и частных собраний Санкт-Петербурга.

На обложке:

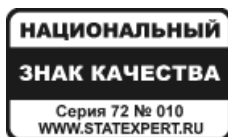
В.В. Прошкин. «Цветущие клены. Петровский остров»,
2012, холст, масло, 50x50. Из собрания художника, Санкт-Петербург

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 14.05.2022 г.
Дата выхода номера в свет 14.06.2022 г.
Формат 70x1081/16 Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 1044. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Дерябин Сергей Александрович.
Корректор: Рыжкова Елена Александровна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

